СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

7

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

★ ИЮЛЬ ★

ОГИЗ ★ 1936
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО»

СОДЕРЖАНИЕ № 7

Стр.

Проект новой Конституции
Велиная Сталинская Конституция — 13
В защиту матери и ребенка — 17
А. Вышинский—Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе — 21
Антонов-Саратовский — Советский суд в свете новой Конституции — 37
М. Строгович—Вопросы уголовного процесса и новая Конституция — 40
С. Голунский—Проект Конституции СССР и задачи Прокуратуры — 46
Б. Борисов — Охрана материально-правовых интересов трудящихся и проект новой Конституции — 53
С. Березовская — Проект Конституции СССР и задачи прокуратуры в области общего надзора — 58
В. Тадевосяи—Рассмотрение жалоб трудящихся—важнейшая наша задача — 58
Е. Львов — О „нормах выработки" в органах суда и прокуратуры — 61
М. Чельцов—О дефектах предварительного следствия — 62
Б. Маньковский, Б. Ошерович и А. Шляпочников — К вопросу о юрминимме повышенного типа — 66
М. Строгович—О юрминимуме и юридической грамотности — 67
Б. Маньковский — Формы сопротивления стахановскому движению — 69
Зониенберг—Допрос и фиксация показаний — 72
Совещание в Прокуратуре Союза с районными следователями — 73
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза — 83
По союзным республикам — 90
В Институте уголовной политики — 97
Официальный отдел — 109
Сводка важнейших постановлений — 111

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ВЕРХОВНОГО СУДА и ПРОКУРАТУРЫ СССР

ИЮЛЬ 1936 г. 7

Редакция:

Москва, Б. Дмитровка, д. 15

Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

О КОНСТИТУЦИИ СОЮЗА ССР

Заслушав доклад Председателя Конституционной Комиссии тов. **Сталина** о проекте Конституции СССР, Президиум ЦИК Союза ССР постановляет:

1. Одобрить проект Конституции Союза ССР, представленный Конституционной Комиссией ЦИК Союза ССР.

2. Созвать Всесоюзный съезд советов для рассмотрения проекта Конституции Союза ССР.

3. Срок созыва Всесоюзного съезда советов установить 25 ноября 1936 года.

4. Опубликовать проект Конституции Союза ССР для всенародного обсуждения.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР ***М. Калинин.***

И. о. Секретаря Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР ***И. Уншлихт.***

Москва, Кремль,
11 июня 1936 года.

ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ СОЮЗА ССР,

ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ КОМИССИЕЙ ЦИК СОЮЗА СС И ОДОБРЕННЫЙ ПРЕЗИДИУМОМ ЦИК СОЮЗА ССР ДЛЯ ВНЕСЕНИЯ Н РАССМОТРЕНИЕ ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ

КОНСТИТУЦИЯ
(основной закон)
Союза Советских Социалистических Республик

ГЛАВА I.
ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Статья 1. Союз Советских социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян.

Статья 2. Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата.

Статья 3. Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся.

Статья 4. Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплоатации человека человеком.

Статья 5. Социалистическая собственность в СССР имеет либо форму государственной собственности (всенародное достояние), либо форму кооперативно-колхозной собственности (собственность отдельных колхозов, собственность кооперативных объединений).

Статья 6. Земля, ее недры, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинотракторные станции и т. п.), а также основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, то-есть всенародным достоянием.

Статья 7. Общественные предприятия в колхозах и кооперативных организациях с их живым и мертвым инвентарем, производимая колхозами и кооперативными организациями продукция, равно как их общественные постройки составляют общественную, социалистическую собственность колхозов и кооперативных организаций.

Каждый колхозный двор имеет в личном пользовании небольшой приусадебный участок земли и в личной собственности подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом, продуктивный скот, птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь — согласно устава сельскохозяйственной артели.

Статья 8. Земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в бессрочное пользование, то-есть, навечно.

Статья 9. Наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства в СССР, допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключающее эксплоатацию чужого труда.

Статья 10. Личная собственность граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, равно как на предметы личного потребления и удобства — охраняется законом.

Статья 11. Хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народно-хозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности.

Статья 12. Труд в СССР является обязанностью каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест».

В СССР осуществляется принцип социализма: «от каждого по его способностям, каждому — по его труду».

ГЛАВА II.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Статья 13. Союз Советских Социалистических Республик есть союзное государство, образованное на основе добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик:

Российской Советской Федеративной Социалистической Республики,

Украинской Советской Социалистической Республики,

Белорусской Советской Социалистической Республики,

Азербайджанской Советской Социалистической Республики,

Грузинской Советской Социалистической Республики,

Армянской Советской Социалистической Республики.

Туркменской Советской Социалистической Республики,

Узбекской Советской Социалистической Республики,

Таджикской Советской Социалистической Республики,

Казахской Советской Социалистической Республики,

Киргизской Советской Социалистической Республики.

Статья 14. Ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его высших органов власти и органов государственного управления подлежат:

а) представительство Союза в международных сношениях, заключение и ратификация договора с другими государствами;

б) вопросы войны и мира;

в) принятие в состав СССР новых республик;

г) контроль за исполнением Конституции СССР и обеспечение соответствия конституций союзных республик с Конституцией СССР;

д) утверждение изменений границ между союзными республиками;

е) организация обороны СССР и руководство всеми вооруженными силами СССР;

ж) внешняя торговля на основе государственной монополии;

з) охрана государственной безопасности;

и) установление народно-хозяйственных планов СССР;

к) утверждение единого государственного бюджета СССР, а также налогов и доходов, поступающих на образование бюджетов союзного, республиканских и местных;

л) управление банками, промышленными и сельскохозяйственными учреждениями и предприятиями, а также торговыми предприятиями общесоюзного значения;

м) управление транспортом и связью;

н) руководство денежной и кредитной системой;

о) организация государственного страхования имущества;

п) заключение и предоставление займов;

р) установление основных начал землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами;

с) установление основных начал в области просвещения и здравоохранения;

т) организация единой системы народно-хозяйственного учета;

у) установление основ законодательства о труде;

ф) законодательство о судоустройстве и судопроизводстве; уголовный и гражданский кодексы;

х) законы о союзном гражданстве; законы о правах иностранцев;

ц) издание общесоюзных актов об амнистии.

Статья 15. Суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в статье 14 Конституции СССР. Вне этих пределов каждая Союзная республика осуществляет государственную власть самостоятельно. СССР охраняет суверенные права союзных республик.

Статья 16. Каждая Союзная республика имеет свою конституцию, учитывающую особенности республики и построенную в полном соответствии с Конституцией СССР.

Статья 17. За каждой Союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР.

Статья 18. Территория союзных республик не может быть изменяема без их согласия.

Статья 19. Законы СССР имеют одинаковую силу на территории всех союзных республик.

Статья 20. В случае расхождения закона Союзной республики с законом общесоюзным, действует общесоюзный закон.

Статья 21. Для граждан СССР устанавливается единое союзное гражданство.

Всякий гражданин Союзной республики является гражданином СССР.

Статья 22. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика состоит из краев: Азово-Черноморского, Дальне-Восточного, Западно-Сибирского, Красноярского, Северо-Кавказского; областей: Воронежской, Восточно-Сибирской, Горьковской Западной, Ивановской, Калининской, Кировской, Куйбышевской, Курской, Ленинградской, Московской, Омской, Оренбургской, Саратовской, Свердловской, Северной, Сталинградской, Челябинской, Ярославской; автономных советских социалистических республик: Татарской, Башкирской, Дагестанской, Бурят-Монгольской, Кабардино-Балкарской, Калмыцкой, Карельской Коми, Крымской, Марийской, Мордовской, Немцев Поволжья, Северо-Осетинской, Удмуртской, Чечено-Ингушской, Чувашской, Якутской; автономных областей: Адыгейской, Еврейской, Карачаевской, Ойротской, Хакасской, Черкесской.

Статья 23. Украинская Советская Социалистическая Республика состоит из областей: Винницкой, Днепропетровской, Донецкой, Киевской, Одесской, Харьковской, Черниговской и Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики.

Статья 24. В Азербайджанской Советской Социалистической Республике состоят Нахичеванская Автономная Советская Социалистическая Республика и Нагорно-Карабахская автономная область.

Статья 25. В Грузинской Советской Социалистической Республике состоят: Абхазская АССР, Аджарская АССР, Юго-Осетинская автономная область.

Статья 26. В Узбекской Советской Социалистической Республике состоит Кара-Калпакская АССР.

Статья 27. В Таджикской Советской Социалистической Республике состоит Горно-Бадахшанская автономная область.

Статья 28. Казахская Советская Социалистическая Республика состоит из областей: Актюбинской, Алма-Атинской, Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской, Карагандинской, Южно-Казахстанской.

Статья 29. Армянская ССР, Белорусская ССР, Туркменская ССР и Киргизская ССР не имеют в своем составе автономных республик, равно как краев и областей.

ГЛАВА III.

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Статья 30. Высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет СССР.

Статья 31. Верховный Совет СССР осуществляет все права, присвоенные Союзу Советских Социалистических Республик согласно статьи 14 Конституции, поскольку они не входят, в силу Конституции, в компетенцию подотчетных Верховному Совету СССР органов СССР: Президиума Верховного Совета СССР, Совета Народных Комиссаров СССР и Народных Комиссариатов СССР.

Статья 32. Законодательная власть СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР.

Статья 33. Верховный Совет СССР состоит из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей.

Статья 34. Совет Союза избирается гражданами СССР по норме: один депутат на 300 тысяч населения.

Статья 35. Совет Национальностей составляется из депутатов, выделяемых Верховными Советами союзных и автономных республик и Советами депутатов трудящихся автономных областей по 10 депутатов от каждой союзной республики, по пять депутатов от каждой автономной республики и по два депутата от каждой автономной области.

Статья 36. Верховный Совет СССР избирается сроком на четыре года.

Статья 37. Обе палаты Верховного Совета СССР: Совет Союза и Совет Национальностей равноправны.

Статья 38. Совету Союза и Совету Национальностей в одинаковой мере принадлежит законодательная инициатива.

Статья 39. Закон считается утвержденным, если он принят обоими палатами Верховного Совета СССР простым большинством каждой.

Статья 40. Законы, принятые Верховным Советом СССР, публикуются за подписями председателя и секретаря Президиума Верховного Совета СССР.

Статья 41. Сессии Совета Союза и Совета Национальностей начинаются и заканчиваются одновременно.

Статья 42. Совет Союза избирает председателя Совета Союза и двух его заместителей.

Статья 43. Совет Национальностей избирает председателя Совета Национальностей и двух его заместителей.

Статья 44. Председатели Совета Союза и Совета Национальностей руководят заседаниями соответствующих палат и ведают их внутренним распорядком.

Статья 45. Совместные заседания обоих палат Верховного Совета СССР ведут поочередно председатели Совета Союза и Совета Национальностей.

Статья 46. Сессии Верховного Совета СССР созываются Президиумом Верховного Совета СССР два раза в год.

Внеочередные сессии созываются Президиумом Верховного Совета СССР по его усмотрению или по требованию одной из союзных республик.

Статья 47. В случае разногласия между Советом Союза и Советом Национальностей вопрос передается на разрешение согласительной комиссии, образованной на паритетных началах. Если согласительная комиссся не приходиг к согласному решению или если ее решение не удовлетворяет одну из палат, вопрос рассматривается вторично в палатах. При отсутствии согласного решения двух палат, Президиум Верховного Совета СССР распускает Верховный Совет СССР и назначает новые выборы.

Статья 48. Верховный Совет СССР избирает на совместном заседании обоих палат Президиум Верховного Совета СССР в составе: председателя Президиума Верховного Совета СССР, четырех его заместителей, секретаря Президиума и 31 члена Президиума.

Президиум Верховного Совета СССР подотчетен Верховному Совету СССР во всей своей деятельности.

Статья 49. Президиум Верховного Совета СССР:

а) созывает сессии Верховного Совета СССР;

б) дает толкование действующих законов, издавая соответствующие указы;

в) распускает Верховный Совет СССР на основании 47 статьи Конституции СССР и назначает новые выборы;

г) производит всенародный опрос (референдум) по своей инициативе или по требованию одной из союзных республик;

д) отменяет постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР и Советов Народных Комиссаров республик в случае их несоответствия закону;

е) в период между сессиями Верховного Совета СССР освобождает от должности и назначает отдельных Народных Комиссаров СССР по представлению председателя Совета Народных Комиссаров СССР с последующим внесением на утверждение Верховного Совета СССР;

ж) награждает орденами СССР;

з) осуществляет право помилования;

и) назначает и сменяет высшее командование вооруженных сил СССР;

к) в период между сессиями Верховного Совета СССР объявляет состояние войны в случае военного нападения на СССР;

л) объявляет общую и частичную мобилизацию;

м) ратифицирует международные договоры;

н) назначает и отзывает полномочных представителей СССР в иностранных государствах;

о) принимает аккредитование дипломатических представителей иностранных государств.

Статья 50. Совет Союза и Совет Национальностей избирают мандатные комиссии, которые проверяют полномочия депутатов каждой палаты.

По представлению мандатной комиссии палаты решают либо признать полномочия, либо кассировать выборы отдельных депутатов.

Статья 51. Верховный Совет СССР назначает, когда он сочтет необходимым, следственные и ревизионные комиссии по любому вопросу.

Все учреждения и должностные лица обязаны выполнять требования этих комиссий и представлять им необходимые материалы и документы.

Статья 52. Депутат Верховного Совета СССР не может быть привлечен к судебной ответственности или арестован без согласия Верховного Совета СССР, а в период, когда нет сессии Верховного Со-

вета СССР, — без согласия Президиума Верховного Совета СССР.

Статья 53. По истечении полномочий или после досрочного роспуска Верховного Совета СССР Президиум Верховного Совета СССР сохраняет свои полномочия вплоть до образования вновь избранным Верховным Советом СССР нового Президиума Верховного Совета СССР.

Статья 54. По истечении полномочий или в случае досрочного роспуска Верховного Совета СССР Президиум Верховного Совета СССР назначает новые выборы в срок не более двух месяцев со дня истечения полномочий или роспуска Верховного Совета СССР.

Статья 55. Вновь избранный Верховный Совет СССР созывается Президиумом Верховного Совета СССР прежнего состава не позже, как через месяц после выборов.

Статья 56. Верховный Совет СССР образует на совместном заседании обоих палат Правительство СССР — Совет Народных Комиссаров СССР.

ГЛАВА IV.

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Статья 57. Высшим органом государственной власти Союзной республики является Верховный Совет Союзной республики.

Статья 58. Верховный Совет Союзной республики избирается гражданами республики сроком на четыре года.

Нормы представительства устанавливаются Конституциями союзных республик.

Статья 59. Верховный Совет Союзной республики является единственным законодательным органом республики.

Статья 60. Верховный Совет Союзной республики:

а) принимает Конституцию республики и вносит в нее изменения в соответствии со статьей 16 Конституции СССР;

б) утверждает Конституции находящихся в ее составе автономных республик и определяет границы их территории;

в) утверждает народно-хозяйственный план и бюджет республики;

г) пользуется правом амнистии и помилования граждан, осужденных судебными органами Союзной республики.

Статья 61. Верховный Совет Союзной республики избирает Президиум Верховного Совета Союзной республики в составе: председателя Президиума Верховного Совета Союзной республики, его заместителей и членов Президиума Верховного Совета Союзной республики.

Полномочия Президиума Верховного Совета Союзной Республики определяются Конституцией Союзной республики.

Статья 62. Для ведения заседаний Верховный Совет Союзной республики избирает своего председателя и его заместителей.

Статья 63. Верховный Совет Союзной республики образует Правительство Союзной республики — Совет Народных Комиссаров Союзной республики.

ГЛАВА V.

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Статья 64. Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти Союза Советских Социалистических Республик является Совет Народных Комиссаров СССР.

Статья 65. Совет Народных Комиссаров СССР ответственен перед Верховным Советом СССР и ему подотчетен.

Статья 66. Совет Народных Комиссаров СССР издает постановления и распоряжения на основе и во исполнение действующих законов и проверяет исполнение.

Статья 67. Постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР обязательны к исполнению на всей территории СССР.

Статья 68. Совет Народных Комиссаров СССР:

а) объединяет и направляет работу общесоюзных и союзно-республиканских Народных Комиссариатов СССР и дру-

гих подведомственных ему хозяйственных и культурных учреждений;

б) принимает меры по осуществлению народно-хозяйственного плана, государственного бюджета и укреплению кредитно-денежной системы;

в) принимает меры по обеспечению общественного порядка, защите интересов государства и охране прав граждан;

г) осуществляет общее руководство в области сношений с иностранными государствами;

д) определяет ежегодные контингенты граждан, подлежащих призыву на действительную военную службу, руководит общим строительством вооруженных сил страны.

Статья 69. Совет Народных Комиссаров СССР имеет право по отраслям управления и хозяйства, отнесенным к компетенции СССР, приостанавливать постановления и распоряжения Советов Народных Комиссаров Союзных республик и отменять приказы и инструкции Народных Комиссаров СССР.

Статья 70. Совет Народных Комиссаров СССР образуется Верховным Советом СССР в составе:

Председателя Совета Народных Комиссаров СССР;

Заместителей председателя Совета Народных Комиссаров СССР;

Председателя Государственной плановой комиссии СССР;

Председателя Комиссии советского контроля;

Народных Комиссаров СССР;

Председателя Комитета заготовок;

Председателя Кмитета по делам искусств;

Председателя Комитета по делам высшей школы.

Статья 71. Правительство СССР или Народный Комиссар СССР, к которым обращен запрос депутата Верховного Совета СССР, обязаны не более чем в трехдневный срок дать устный или письменный ответ в соответствующей палате.

Статья 72. Народные Комиссары СССР ведают отраслями государственного управления, входящими в компетенцию СССР.

Статья 73. Народные Комиссары СССР издают в пределах компетенции соответствующих Народных Комиссариатов приказы и инструкции на основании и во исполнение действующих законов, а также постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и проверяют их исполнение.

Статья 74. Народные Комиссариаты СССР являются или общесоюзными или союзно-республиканскими.

Статья 75. Общесоюзные Народные Комиссариаты ведают порученной им отраслью государственного управления на всей территории СССР или непосредственно или через назначаемые ими органы.

Статья 76. Союзно-республиканские Народные Комиссариаты ведают порученной им отраслью государственного управления через одноименные Народные Комиссариаты союзных республик.

Статья 77. К общесоюзным Народным Комиссариатам относятся Народные Комиссариаты:

Обороны;
Иностранных дел;
Внешней торговли;
Путей сообщения;
Связи;
Водного транспорта;
Тяжелой промышленности.

Статья 78. К союзно-республиканским Народным Комиссариатам относятся Народные Комиссариаты:

Пищевой промышленности;
Легкой промышленности;
Лесной промышленности;
Земледелия;
Зерновых и животноводческих совхозов;
Финансов;
Внутренней торговли:
Внутренних дел;
Юстиции;
Здравоохранения.

ГЛАВА VI.

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Статья 79. Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти Союзной республики является Совет Народных Комиссаров Союзной республики.

Статья 80. Совет Народных Комиссаров Союзной республики ответственен перед Верховным Советом Союзной республики и ему подотчетен.

Статья 81. Совет Народных Комиссаров Союзной республики издает постановления и распоряжения на основе и во исполнение действующих законов СССР и Союзной республики, постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и проверяет их исполнение.

Статья 82. Совет Народных Комиссаров Союзной республики имеет право приостанавливать постановления и распоряжения Советов Народных Комиссаров автономных республик и отменять решения и распоряжения исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся краев, областей и автономных областей.

Статья 83. Совет Народных Комиссаров Союзной республики образуется Верховным Советом Союзной республики в составе:

Председателя Совета Народных Комиссаров Союзной республики;

Заместителей председателя;

Председателя Государственной плановой комиссии;

Народных Комиссаров:

Пищевой промышленности;
Легкой промышленности;
Лесной промышленности;
Земледелия;
Зерновых и животноводческих совхозов;
Финансов;
Внутренней торговли;
Внутренних дел;
Юстиции;
Здравоохранения;
Просвещения;
Местной промышленности;
Коммунального хозяйства;
Социального обеспечения;

Уполномоченного Комитета заготовок;

Начальника Управления по делам искусств;

Уполномоченных общесоюзных Народных Комиссариатов.

Статья 84. Народные Комиссары Союзной республики ведают отраслями государственного управления, входящими в компетенцию Союзной республики.

Статья 85. Народные Комиссары Союзной республики издают в пределах компетенции соответствующих Народных Комиссариатов приказы и инструкции на основании и во исполнении законов СССР и Союзной республики, постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и Союзной республики, приказов и инструкций союзно-республиканских Народных Комиссариатов СССР.

Статья 86. Народные Комиссариаты Союзной республики являются союзно-республиканскими или республиканскими.

Статья 87. Союзно-республиканские Народные Комиссариаты ведают порученной им отраслью государственного управления, подчиняясь как Совету Народных Комиссаров Союзной республики, так и соответствующему союзно-республиканскому Народному Комиссариату СССР.

Статья 88. Республиканские Народные Комиссариаты ведают порученной им отраслью государственного управления, подчиняясь непосредственно Совету Народных Комиссаров Союзной республики.

ГЛАВА VII.

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ АВТОНОМНЫХ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Статья 89. Высшим органом государственной власти Автономной республики является Верховный Совет АССР.

Статья 90. Верховный Совет Автономной республики избирается гражданами республики сроком на четыре года по нормам представительства, устанавливаемым Конституцией Автономной республики.

Статья 91. Верховный Совет Автономной республики является единственным законодательным органом АССР.

Статья 92. Каждая Автономная республика имеет свою Конституцию, учитывающую особенности Автономной республики и построенную в полном соответствии с Конституцией Союзной республики.

Статья 93. Верховный Совет Автономной республики избирает Президиум Верховного Совета Автономной республики и образует Совет Народных Комиссаров Автономной республики, согласно своей Конституции.

ГЛАВА VIII.

МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Статья 94. Органами государственной власти в краях, областях, автономных областях, округах, районах, городах, селах (станицах, деревнях, хуторах, кишлаках, аулах) являются Советы депутатов трудящихся.

Статья 95. Краевые, областные, автономных областей, окружные, районные, городские, сельские (станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов) Советы депутатов трудящихся избираются соответственно трудящимися края, области, автономной области, округа, района, города, села сроком на два года.

Статья 96. Нормы представительства в Советы депутатов трудящихся определяются Конституциями союзных республик.

Статья 97. Советы депутатов трудящихся руководят деятельностью подчиненных им органов управления, обеспечивают охрану государственного порядка, соблюдение законов и охрану прав граждан, осуществляют местное хозяйственное и культурное строительство, устанавливают местный бюджет.

Статья 98. Советы депутатов трудящихся принимают решения и дают распоряжения в пределах прав, предоставленных им законами СССР и Союзной республики.

Статья 99. Исполнительными и распорядительными органами краевых, областных, автономных областей, окружных, районных и городских Советов депутатов трудящихся являются избираемые ими исполнительные комитеты в составе: председателя, его заместителя и членов.

Статья 100. Исполнительным и распорядительным органом сельских Советов депутатов трудящихся в небольших поселениях, в соответствии с Конституциями союзных республик, являются избираемые ими председатель и его заместители.

Статья 101. Исполнительные органы Советов депутатов трудящихся непосредственно подотчетны как Совету депутатов трудящихся, их избравшему, так и исполнительному органу вышестоящего Совета депутатов трудящихся.

ГЛАВА IX.

СУД И ПРОКУРАТУРА

Статья 102. Правосудие в СССР осуществляется Верховным Судом СССР, Верховными Судами союзных республик, краевыми и областными судами, судами автономных республик и автономных областей, специальными судами СССР, создаваемыми по определению Верховного Совета СССР, народными судами.

Статья 103. Рассмотрение дел во всех судах осуществляется с участием народных заседателей, кроме случаев, специально предусмотренных законом.

Статья 104. Верховный Суд СССР является высшим судебным органом. На Верховный Суд СССР возлагается надзор за деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик.

Статья 105. Верховный Суд СССР и специальные суды СССР избираются Верховным Советом СССР сроком на пять лет.

Статья 106. Верховные Суды союзных республик избираются Верховными Советами союзных республик сроком на пять лет.

Статья 107. Верховные Суды автономных республик избираются Верховными Советами автономных республик сроком на пять лет.

Статья 108. Краевые и областные суды, суды автономных областей избираются краевыми или областными Советами депутатов трудящихся или Советами депутатов трудящихся автономных областей сроком на пять лет.

Статья 109. Народные суды избираются гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании—сроком на три года.

Статья 110. Судопроизводство ведется на языке Союзной или Автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке.

Статья 111. Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку

законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту.

Статья 112. Судьи независимы и подчиняются только закону.

Статья 113. Высший надзор за точным исполнением законов всеми Народными Комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР возлагается на Прокурора СССР.

Статья 114. Прокурор СССР назначается Верховным Советом СССР сроком на семь лет.

Статья 115. Республиканские, краевые, областные прокуроры, а также прокуроры автономных республик и автономных областей назначаются Прокурором СССР сроком на пять лет.

Статья 116. Районные прокуроры назначаются прокурорами союзных республик с утверждения Прокурора СССР сроком на пять лет.

Статья 117. Органы прокуратуры осуществляют свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Прокурору СССР.

ГЛАВА X.

ОСНОВНЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАН

Статья 118. Граждане СССР имеют право на труд—право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством.

Право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, отсутствием хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы.

Статья 119. Граждане СССР имеют право на отдых.

Право на отдых обеспечивается сокращением рабочего дня для подавляющего большинства рабочих до 7 часов, установлением ежегодных отпусков рабочим и служащим с сохранением заработной платы, предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов.

Статья 120. Граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости, а также — в случае болезни и потери трудоспособности.

Это право обеспечивается широким развитием социального страхования рабочих и служащих за счет государства, бесплатной медицинской помощью, предоставлением в пользование трудящимся широкой сети курортов.

Статья 121. Граждане СССР имеют право на образование.

Это право обеспечивается всеобщеобязательным начальным образованием, бесплатностью образования, включая высшее образование, системой государственных стипендий подавляющему большинству учащихся в высшей школе, обучением в школах на родном языке, организацией на заводах, в совхозах, машинотракторных станциях и колхозах бесплатного производственного, технического и агрономического обучения трудящихся.

Статья 122. Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских ясель и садов.

Статья 123. Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом.

Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения—караются законом.

Статья 124. В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и шко-

ла от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

Статья 125. В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется:

а) свобода слова,

б) свобода печати,

в) свобода собраний и митингов,

г) свобода уличных шествий и демонстраций.

Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления.

Статья 126. В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самодеятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются в коммунистическую партию СССР, являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных.

Статья 127. Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора.

Статья 128. Неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняются законом.

Статья 129. СССР предоставляет право убежища иностранным гражданам, преследуемым за защиту интересов трудящихся, или научную деятельность, или национально-освободительную борьбу.

Статья 130. Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития.

Статья 131. Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа.

Статья 132. Всеобщая воинская повинность является законом.

Воинская служба в Рабоче-Крестьянской Красной Армии представляет почетную обязанность граждан СССР.

Статья 133. Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР. Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж в пользу иностранного государства — караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние.

ГЛАВА XI.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА

Статья 134. Выборы депутатов во все Советы депутатов трудящихся: Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных республик, краевые и областные Советы депутатов трудящихся, Верховные Советы автономных республик, Советы депутатов трудящихся автономных областей, окружные, районные, городские и сельские (станицы, деревни, хутора, кишлака, аула) Советы депутатов трудящихся, — производятся избирателями на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Статья 135. Выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, которым в год выборов исполняется 18 лет, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательны прав.

Статья 136. Выборы депутатов являются равными: каждый гражданин име-

ет право избирать и быть избранным независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности.

Статья 137. Женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами.

Статья 138. Граждане, состоящие в рядах Красной Армии, пользуются правом избирать и быть избранными наравне со всеми гражданами.

Статья 139. Выборы депутатов являются прямыми: выборы во все Советы депутатов трудящихся, начиная от сельского и городского Совета депутатов трудящихся вплоть до Верховного Совета СССР, производятся гражданами непосредственно путем прямых выборов.

Статья 140. Голосование при выборах депутатов является тайным.

Статья 141. Кандидаты при выборах выставляются по избирательным округам.

Право выставления кандидатов обеспечивается за общественными организациями и обществами трудящихся: коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами.

Статья 142. Каждый депутат обязан отчитываться перед избирателями в своей работе и в работе Совета депутатов трудящихся и может быть в любое время отозван по решению большинства избирателей в установленном законом порядке.

ГЛАВА XII.

ГЕРБ, ФЛАГ, СТОЛИЦА

Статья 143. Государственный герб Союза Советских Социалистических Республик состоит из серпа и молота на земном шаре, изображенном в лучах солнца и обрамленном колосьями, с надписью на языках союзных республик: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Наверху герба имеется пятиконечная звезда.

Статья 144. Государственный флаг Союза Советских Социалистических Республик состоит из красного полотнища, с изображением на его верхнем углу у древка золотых серпа и молота и над ними красной пятиконечной звезды, обрамленной золотой каймой. Отношение ширины к длине 1 : 2.

Статья 145. Столицею Союза Советских Социалистических Республик является город Москва.

ГЛАВА XIII.

ПОРЯДОК ИЗМЕНЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ

Статья 146. Изменение Конституции СССР производится лишь по решению Верховного Совета СССР, принятому большинством не менее $^2/_3$ голосов в каждой из его палат.

Великая Сталинская Конституция

25 ноября с. г. в Москве состоится Всесоюзный съезд советов, который должен будет рассмотреть проект новой Конституции. Этот съезд должен будет рассмотреть широко обсуждающийся всеми трудящимися на фабриках и заводах, в колхозах и везде, где бьется мысль и сердце трудящегося человека, проект Сталинской Конституции, открывающей новую страницу в истории нашей пролетарской революции. Не первый раз наша страна принимает свою Конституцию, но первый раз наша страна принимает Конституцию такую, какой является сталинский проект Конституции. Таких конституций еще не было в мире, потому что не было в мире таких побед, которые породили нашу Конституцию. Немало систем государственных устройств видел мир в разные эпохи общественного развития, общественного движения в различных капиталистических странах. Немало было революций в капиталистических странах, которые низвергали одни классы и поднимали к власти новые классы. Каждый раз, когда падал какой-нибудь трон под ударами революции, и новый класс приходил к власти, новый класс создавал свою Конституцию, в которой отражал свои интересы и свои идеалы. Владимир Ильич Ленин говорил о том, что «Сущность Конституции в том, что основные законы государства вообще и законы, касающиеся избирательного права, представительные учреждения, их компетенции и пр., выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе». Вот почему всякое изменение соотношений классовых сил в обществе открывает новую страницу в истории этого общества и его жизни. Конституция, т. е. основной закон, определяет строй этого общества, права и обязанности гражданина, определяет, наконец, отношения, которые существуют между государством и гражданами, между обществом и каждым его членом в отдельности. Конституция каждого государства всегда означает громадное историческое событие.

Но ни одна Конституция никогда не рождалась так, как рождается наша. Никогда ни одна Конституция не отражала в себе и собой того содержания общественных отношений исторической жизни, которые отражает собой советская Конституция, будь то Конституция 1918 г., или Конституция 1924 г., первая Конституция Союза советских социалистических республик, или теперешний проект Конституции. Этот проект всем своим содержанием, всем тем, что наполняет его немногие страницы, говорит о постановлениях, самих по себе составляющих всемирно-исторические факты и события, каждое из которых представляет целую грандиозную эпоху в развитии человеческого общества, в борьбе трудящихся за свое освобождение. Каждый параграф и каждая строка этой Конституции говорят о том, что завоевано и добыто рабочим классом в союзе с основными крестьянскими массами, под руководством нашей великой коммунистической партии, во главе с великими учителями Лениным и Сталиным. Вот почему нельзя наш проект Конституции читать без волнения, без радости, ибо в ней мы чувствуем великие победы рабочего класса не только нашей страны, но и трудящихся **всего мира.**

Проект Конституции явился в результате побед рабочего класса нашей страны, поддержанного любовью и всеобщим сочувствием трудящихся всех стран, лучшими людьми всего мира. В этом заключается колоссальное значение Сталинской Конституции, действительно вводящей нас в эпоху построения бесклассового социалистического общества. И именно поэтому мы видим смятение в лагере наших врагов, именно поэтому наш проект Конституции вызывает самые разнообразные толки и суждения в стане наших врагов, именно потому, как сказал товарищ Сталин, что он действительно является кодексом наших завоеваний и программой борьбы трудящихся всего мира. Именно поэтому капиталисты, империалисты, меньшевики и эсеры и в первую очередь фашисты, самые главные наши враги, обсуждают нашу Конституцию со всех сторон и по поводу ее злобствуют и клевещут. В злобе и клевете хотят они отвести свою душу, в предвидении тех дальнейших побед, которые ожидают нашу страну, когда мы проект Конституции введем в жизнь, и, опираясь на нее, пойдем дальше к еще большим победам.

Вот почему мы можем видеть сейчас в злобной клевете капиталистов попытки по-своему истолковать проект Конституции и те условия, которые вызвали его к жизни. Одна полуфашистская газета пишет о том, что вообще проект Конституции ничего нового, в сущности говоря, собой не представляет. Это самое легкое утешение и самое дешевое! Другая газета, также полуфашистская, наоборот, видит очень многое в этом проекте и видит раньше всего то, чего в проекте и помину нет, это — «поворот СССР к капитализму». Этот проект Конституции, по представлению буржуазных кретинов, представляется новым в том отношении, что СССР теряет красный цвет и начинает «розоветь». Очевидно, они все еще ожидают той минуты, когда СССР будет терять розовый цвет и будет белеть. Мечты, мечты, где ваша сладость! Только так и можно ответить на эту фашистскую брехню. Мы знаем, что каждый шаг наш внутренний и международный наши враги пытаются истолковать как поворот от социализма к капитализму. Так было, например, тогда, когда Ленин и Сталин пришли к необходимости введения в нашей стране новой экономической политики. Во все годы нэпа капиталистический мир твердил, что новая экономическая политика приведет нашу страну в конце концов к реставрации капиталистических отношений. Нэп рассматривается не только капиталистами, помещиками, но, как мы знаем, и троцкистско-зиновьевским блоком, трижды проклятой троцкистско-зиновьевско-каменевской бандой, как отступление от социализма. Понадобилась вся сила гения Ленина и Сталина для того, чтобы всем опытом социалистического строительства в СССР опровергнуть эту контрреволюционную болтовню и доказать, что новая экономическая политика являлась не отступлением, а неизбежным и необходимым шагом пролетарской революции вперед, для того чтобы развернуть мощь наших производительных сил, восстановить разрушенное империалистической и гражданской войной народное хозяйство и, на основе его, сделать дальнейший шаг вперед по пути завое-

вания новых социалистических высот. Этого не поняли оппортунисты разных мастей и прямые наши враги. Они не поняли глубокого значения того гигантского шага, который делала наша страна под руководством Ленина и Сталина, наоборот, они считали нэп поворотом к капиталистической системе, крахом советов. Наша партия разгромила на-голову всех этих оппортунистов и прямых контрреволюционеров и доказала практикой социалистического строительства, насколько было правильно предположение, что нэп приведет нас не к реставрации капитализма, а к новым социалистическим победам. Прошло немного лет с момента нэпа, и мы сумели развернуть перед всем миром, на основе организации социалистической промышленности, грандиозный план первой пятилетки, победоносно завершенной трудящимися нашей страны в четыре года. Прошло немного лет и наши враги, которые пытались сбить с толку трудящихся контрреволюционной клеветой, должны были умолкнуть. Наша партия укреплением социалистического строя, завершением плана первой пятилетки, переходом ко второй пятилетке непосредственно шагнула к построению бесклассового социалистического общества разоблачила и насмеялась над капиталистической брехней людей, пытавшихся помешать рабочему классу итти по пути, по которому он шел и идет под руководством нашей великой партии, во главе с великим Сталиным.

Очень характерно, что именно тогда, когда наша страна поднимается на новую, более высокую ступень своего исторического развития, когда в нашей политике и хозяйстве происходят крупные, всемирно-исторического значения повороты, из капиталистической подворотни начинает раздаваться лай врагов, которые пытаются оклеветать эту политику, пытаются убедить кое-кого в том, что мы идем к капитализму, становимся капиталистическим государством. Так было с введением нэпа, так случилось и сейчас с проектом новой Конституции. Когда кое-какие капиталистические писаки и политики не видят ничего нового в нашей стране или видят то, что она якобы отказывается от всяких «коммунистических фантазий» и «утопий» и переходит к «реальной политике», — это понятно. Только некоторая часть наиболее передовых людей буржуазного общества, наиболее радикальная, сумевшая сохранить и под игом капиталистической эксплоатации свое сознание, не может скрыть ни от себя, ни от окружающих всего изумления, которое вызывает проект новой Конституции, такой, которой нет, не было никогда в мире, ни в одну, даже самые блестящие эпохи развития буржуазной демократии. И действительно, первое, что бросается в глаза, когда мы изучаем проект Конституции, заключается именно в принципе пролетарской демократии. Никогда еще наша Конституция не выражала этого принципа так, как это выражено в отдельных статьях, параграфах, главах и во всем проекте Сталинской Конституции. Конституция прежде всего поражает действительно глубоким и последовательно от начала до конца проведенным принципом пролетарской демократии. Это ни в какой мере не противоречит пролетарской диктатуре, выраженной в проекте Конституции с неменьшей силой. Не только какая-нибудь одна статья, а все статьи, все главы и вся Конституция в целом являются воплощением принципа нашей пролетарской диктатуры, выражением великой мощи и победы пролетарской диктатуры. Если действительно в этой Конституции так последовательно и полно проведен принцип пролетарской демократии, это ни в какой мере не противоречит принципу пролетарской диктатуры, так как это и есть пролетарская диктатура.

В своей знаменитой книге «Государство и революция» Ленин, говоря о сущности учения Маркса о государстве, говорил, что «формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно диктатурой буржуазии». Ленин учит, что в буржуазных странах, как бы разнообразны ни были формы власти, в конечном счете суть их всегда сводится к диктатуре буржуазии. И Ленин добавлял: «Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: диктатура пролетариата» (т. XXI, стр. 393). В другом месте Ленин говорит о том, что диктатура пролетариата — это тоже, что советская власть или пролетарская демократия. Для примера сошлюсь на его статью «О задачах III интернационала» (т. XXIV).

Товарищ Сталин в своих работах неоднократно подчеркивал мысль о том, что диктатура пролетариата есть пролетарская демократия. Товарищ Сталин говорил о том, что в известные периоды диктатуры пролетариата бросается в глаза насильственная ее сторона, и, наоборот, бывают периоды, когда бьет в глаза мирная, организационная, культурная работа диктатуры, революционная законность и т. д. Товарищ Сталин говорил о том, что новая Конституция будет самой демократичной из всех существующих в мире, и это потому, что в основе ее лежит пролетарская диктатура. Пролетарская демократия — единственная в мире, которая отдает в руки народных масс всю власть, все управление государством и которая есть не что иное, как особая форма пролетарской диктатуры.

Если обратиться к самой Конституции и прочесть статью 2, говорящую о политической основе СССР, говорящую о том, что «политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата», то станет очевидным, что новая Конституция — это конституция государства пролетарской диктатуры. Именно на этой основе стоит наша Конституция. Политической основой СССР по новой Конституции являются «Советы депутатов трудящихся». Здесь опять может возникнуть вопрос, почему: «Советы депутатов трудящихся», а не «Советы рабочих и крестьянских депутатов», как они назывались до сих пор, тем более, что 1 статья говорит о Союзе советских социалистических республик, как социалистическом государстве рабочих и крестьян, а не о государстве трудящихся? Социалистическое государство рабочих и крестьян есть государство рабочих и крестьян, есть государство, где основную массу населения составляют рабочие и крестьяне. Вполне понятно, что, определяя содержание нашего государства как социалистического, надо было сказать, как сказано в проекте Сталинской Конституции, что социалистическое государство есть государство рабо-

чих и крестьян. Но статья 2 Конституции говорит о Советах депутатов трудящихся, тем самым подтверждая полное равенство между крестьянином и рабочим и между трудовой интеллигенцией, которые и составляют великий народ нашей великой страны. Но если бы в проекте Конституции было сказано, что политической основой СССР являются «Советы депутатов трудящихся» и была бы поставлена точка, — это было бы также неверно и повлекло бы ряд недоразумений. Меньшевики и эсеры выбрасывали в свое время лозунг «Советы депутатов трудящихся, но без большевиков» в противовес лозунгу «Вся власть советам», под знаменем которого началось строительство СССР. Поэтому статья 2 не ограничивается указанием на то, что «политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся», но добавляет: «Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата».

Статья 3 Конституции говорит: «Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся». В этой формуле выражается то новое, что характеризует наши общественные отношения, показывая коренные изменения, происшедшие в нашей стране, в ее экономике, культуре за последние годы. Это то новое, о котором говорил т. Молотов на VII съезде советов, внося предложение о некоторых изменениях нашей Конституции. Тов. Молотов говорил о том, что необходимо привести новую Конституцию в соответствие с теми победами социализма, которые одержаны нами в связи с ликвидацией эксплоататорских классов, укреплением социалистической системы хозяйства и социалистической собственности. В 1924 г. мы не могли говорить, что социалистическая система хозяйства является основной системой, безраздельно господствующей в нашей стране. За период первой и второй пятилеток наша социалистическая система хозяйства укрепилась и стала основой экономики нашей страны. Только теперь, после победы социалистической системы во всех отраслях народного хозяйства, мы можем сказать, что социалистическая собственность является основой всего нашего строя и требует к себе соответствующего отношения. Новое в нашей Конституции заключается в том, что эта Конституция облекает в форму закона результаты наших побед, одержанных под руководством нашей партии как гегемона трудящихся. Это находит свое выражение в той части проекта Сталинской Конституции, которая говорит, что экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность и т. д. Наши колхозы пользуются землей, которую они занимают и которая закреплена за ними навечно. Об этом говорит статья 8 Конституции.

Мы живем в социалистическом обществе. «Та общественная организация, которую мы создали, может быть названа организацией советской, социалистической, еще не вполне достроенной, но в корне своем социалистической организацией общества», как об этом говорил товарищ Сталин в беседе с Рой Говардом. Мы еще не можем провозгласить принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Но мы можем сказать так, как говорит статья 12 Конституции, что «труд в СССР является обязанностью каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, — тот не ест», и «от каждого по его способностям, каждому по его труду». Нет никакого сомнения, что с каждым дальнейшим успехом социализма будут все более и более стираться классовые грани, что мы построим коммунизм и сможем полностью провести в жизнь принцип коммунизма «от каждого по способностям, каждому по потребностям». То, о чем мечтали лучшие представители человечества — Томас Мор или Морелли, Сен-Симон, Фурье, Роберт Оуэн — мы воплощаем уже в действительность. Мы осуществили уже первый принцип социализма, выраженный в статье 1 Конституции. Мы осуществим и принцип коммунизма.

Проект Конституции построен на последовательном проведении принципов пролетарской демократии и принципов социализма. В 10 главе, в которой говорится об основных правах и обязанностях граждан, провозглашается право граждан на труд. Тем самым мы показываем всему миру, что мы воплотили в жизнь мечту, за которую боролись целые поколения трудящихся всего мира. Это право на труд, говорящее о наших победах, подтверждается нашей Конституцией не просто как лозунг, а как итог нашей борьбы и наших завоеваний, ибо в стране, которая ликвидировала частную собственность на средства производства, безработицу, эксплоатацию человека человеком, труд не только почетен и священен, но труд реален, а это имеет больше значения чем всякие пышные фразы. Это новое, невиданное для всего капиталистического мира, возможно только в стране победившего пролетариата. Право на труд гарантируется Советским государством всей мощью его народного хозяйства, а эта гарантия нерушима и крепка, как крепка и нерушима сама советская власть. Поэтому в статье 118 Конституции говорится, что «право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, отсутствием хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы».

Каждый пункт главы 10 говорит о сталинской заботе о людях: о праве на материальное обеспечение в старости и в случае болезни, о праве на образование, равноправии граждан, равноправии мужчин и женщин.

Особенность нашей Конституции заключается в том, что буржуазные конституции провозглашают права, которыми не могут пользоваться трудящиеся, а наша Конституция не только провозглашает, но и обеспечивает осуществление этих прав. Говоря об отдыхе, мы имеем: 7-часовой рабочий день, ежегодные отпуска, специальные санатории, дома отдыха, клубы. В статье 120 говорится о материальном обеспечении старости. Мы имеем широко развитое социальное страхование, бесплатные лечебные учреждения, широкую сеть курортов.

В буржуазных странах никому не запрещено получить высшее образование, там каждый человек имеет право получить образование, но возможность воспользоваться этим правом есть не у всякого. Даже право судиться в хорошо организованных судах не каждый может осуществить из-за больших судебных издержек, которые не в силах заплатить рабочий или крестьянин. Право на юридическое образование имеет каждый, но юристами могут быть в странах капитала только рантье, дворяне, бур-

жуа. Но если даже и кончишь учебное заведение, то что делать после окончания? Этот вопрос стоит почти перед всеми, оканчивающими за границей высшие учебные заведения. Перепроизводство врачей, техников, учителей в капиталистических странах не меньшее, чем перепроизводство любых товаров. Но если кофе и сахар можно погрузить на пароходы и выбросить в море, то учителей и врачей в море не выбросишь! И на вопрос: что же делать окончившим вузы? — там, за границей, ответа нет, потому, что в буржуазных странах это право на образование является фикцией. Вся капиталистическая система направлена к тому, чтобы трудящийся человек имел меньше прав. Поэтому было бы грубо ошибочно проводить параллель между буржуазными конституциями и нашей Конституцией.

В конституциях буржуазных стран, где господствует частная собственность на средства производства и орудия труда, там права принадлежат привилегированному меньшинству, а большинство бесправно. В нашей стране этого нет и не может быть, ибо у нас господствует социалистическая система хозяйства, общественная собственность и ликвидирована эксплоатация человека человеком.

Глава 10 говорит не только о правах граждан. Она говорит и об обязанностях. Характерна обязанность, отмеченная в статье 130: каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза ССР, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития. Мы должны свято блюсти советские законы, так как каждое нарушение нашего закона есть дыра, в которую пролезет враг для того, чтобы помешать победе социализма. Статья 130 требует исполнения законов от всякого гражданина СССР, соблюдения Конституции и соблюдения дисциплины труда, потому что дисциплина труда обеспечивает высокую производительность труда, обеспечивает подйем нашего народного хозяйства, которое является основой материального и культурного, а, следовательно, и политического благополучия всего нашего народа. Уважение к правилам социалистического общежития у нас, к сожалению, не весьма распространено. Нам приходится бороться с пережитками капитализма в сознании людей. У нас есть еще люди, которые относятся к своей службе как чиновники. Между тем в стране победившего социализма не может быть «службы» в старом смысле слова, не может быть такого положения, чтобы люди жили от 20 по 20 число и думали лишь о получении жалованья, а там на все наплевать: «моя хата с краю, ничего не знаю». Конституция требует честного отношения к общественному долгу и правилам социалистического общежития. Уважать и укреплять общественную социалистическую собственность как священную и неприкосновенную основу советского строя и как источник богатства и могущества нашей родины и источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся — вот вторая наша обязанность. Эта статья замечательна потому, что она дает понятие о том, что, укрепляя социалистическую собственность, мы делаемся богаче и зажиточнее. Еще Ленин говорил, что в нашем обществе сохранилась тьма старых предрассудков, мешающих нашей борьбе за коммунизм, мешающих нашим успехам.

Нужно помнить, что чем богаче будет наша страна, тем богаче и культурнее будет жизнь трудящихся.

Статья 131 говорит о том, что каждый гражданин обязан беречь социалистическую собственность. Мы должны помнить, что чем богаче будет наша страна хлебом и металлом, тем богаче и счастливее будет каждый трудящийся. Общественная собственность есть основа всего нашего хозяйства, она дала возможность подойти к зажиточной жизни широчайшим массам нашего народа, и она является источником нового богатства в будущем. Вот почему 131 статья Конституции напоминает об обязанности каждого гражданина СССР укреплять общественную социалистическую собственность. Вот почему лица, покушающиеся на общественную собственность, объявляются врагами народа, с которыми надо поступать так, как этого заслуживают враги народа.

XVII съезд партии поставил перед нами задачу ликвидации капиталистических пережитков не только в экономике, но и в сознании людей. Эта задача является очень сложной, потому, что речь идет о таких пережитках, которые всасываются с молоком матери. Требуется большое умение для борьбы с ними. Тут одним насилием ничего не сделаешь. Нужно бороться мерами воспитания, убеждения. — Это, правда, требует времени, терпения, но эту борьбу нужно проводить самым настойчивым образом.

Статья 132 говорит о всеобщей воинской повинности, почетной обязанности гражданина СССР. 133 статья говорит о защите родины, которая является священным долгом каждого гражданина СССР. Разве может быть сомнение в том, что все мы как один поднимемся на защиту нашей родины, если к ее границам приблизится враг? Конституция совершенно правильно говорит об измене родине, как самом тяжком злодеянии. Органы юстиции будут и впредь беспощадно подавлять изменников родине и врагов нашего великого народа!..

Новая Конституция провозглашает всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право. Только в стране победившего социализма и пролетарской диктатуры возможны действительно всеобщие, прямые, равные, тайные выборы. Там, где существует гнет помещиков и капиталистов, этого быть не может, как бы ни клялись буржуазные конституции именем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Наше государство новой системой выборов обеспечивает интересы миллионных масс.

В наше время, когда классы уничтожаются, когда стираются последние грани между рабочим и крестьянином, когда уничтожаются грани между отдельными слоями общества, теряет свой смысл ограничение каких-либо групп населения в избирательных правах.

Вот почему, провозглашая всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право, мы действуем в полном соответствии с принципами ленинизма и программой нашей великой партии — партии Ленина—Сталина.

Неправильно представлять себе положение вещей в этом вопросе, так что принципиально диктатура пролетариата исключает предоставление избирательных прав каким-либо определенным категориям граждан.

На VIII съезде РКП(б) (1919 г.) Ленин говорил: «Вопрос о лишении избирательных прав

буржуазии мы никоим образом не рассматривали с абсолютной точки зрения, потому что теоретически представляется вполне допустимым, что диктатура пролетариата будет подавлять буржуазию на каждом шагу, но может не лишать буржуазию избирательных прав. Это теоретически вполне мыслимо, и нашу Конституцию мы точно так же не выдвигаем как образец для других стран. Мы говорим только, что тот, кто понимает переход к социализму без подавления буржуазии, тот — не социалист. Но если буржуазию, как класс, подавлять необходимо, то лишать ее избирательных прав и равенства не необходимо» (т. XXIV, стр. 146).

Ленин требовал «разъяснить трудящимся массам, во избежание неправильного обобщения преходящих исторических надобностей, что лишение избирательных прав части граждан отнюдь не касается в Советской Республике, как это было в большинстве буржуазно-демократических республик, определенного разряда граждан, пожизненно объявляемых бесправными, а относится только к эксплоататор(рам), только к тем, кто вопреки основным законам социалистической Советской республики упорствует в отстаивании своего эксплоататорского положения, в сохранении капиталистических отношений. Следовательно в Советской республике, с одной стороны, с каждым днем укрепления социализма и сокращения числа тех, кто имеет объективно возможность оставаться эксплоататором или сохранять капиталистические отношения, уменьшается само собой процент лишаемых избирательного права... С другой стороны, в самом недалеком будущем прекращение внешнего нашествия и завершение экспроприации экспроприаторов может, при известных условиях, создать положение, когда пролетарская государственная власть изберет другие способы подавления сопротивления эксплоататоров и введет всеобщее избирательное право без всяких ограничений».

Наконец, в своей работе «Государство и революция». Ленин, разоблачая бесконечно лживое обычное буржуазное представление, «будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное, тогда как на самом деле только с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии большинства населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни» (т. XXI, стр. 439).

Вот как ставится вопрос теорией Маркса—Энгельса —Ленина — Сталина об ограничении прав буржуазии. Поэтому предоставление всему населению, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав, права избирать депутатов в советы стоит в полном соответствии с задачами и интересами Советского государства, государства пролетарской диктатуры в данных исторических условиях, ознаменованных полной и окончательной победой в нашей стране социализма.

Всеобщее избирательное право, которым кичится ни одна капиталистическая страна, в действительности почти до последнего времени ни в одной из этих стран не осуществлено. Как правило, буржуазные конституции при всеобщности избирательного права сохраняют ряд ограничений в зависимости от грамотности, рода занятий, имущественного положения, оседлости, пола, национальности и расы.

Только Конституция СССР, как это видно из главы 11 проекта, устанавливает действительно всеобщие, действительно равные выборы депутатов, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности.

Проект Сталинской Конституции открывает новую страницу в жизни всех граждан нашей страны и даже «бывших людей», получающих возможность честно трудиться и участвовать в общем деле завершения построения бесклассового социалистического общества.

Проект новой Конституции является результатом наших великих побед и достижений в деле построения новой, социалистической культуры. Эта Конституция является не только самой демократической, но и самой культурной во всем мире. На основе этой Конституции СССР одержит новые всемирно-исторические победы в борьбе за коммунизм.

В защиту матери и ребенка

28 июня с. г. опубликован закон о запрещении абортов, помощи роженицам, расширении сети родильных домов, яслей и т. п. Постановлением правительства этот закон был предварительно передан на обсуждение трудящихся. Законопроект вызвал широкий интерес и поднял горячую всестороннюю дискуссию по вопросам, затронутым в этом законе, и, особенно, в первую очередь, по вопросу о запрещении абортов.

Но значение этого закона нельзя сводить лишь к вопросу об абортах. Его значение выходит далеко за пределы этого важнейшего, но в то же время частного вопроса. Проблема семьи и брака во всем и полном своем объеме — вот основное содержание этого закона, имеющего, несомненно, глубокое принципиальное историческое значение. Этот закон решительно и последовательно ставит на обсуждение трудящихся масс громадной важности задачу, являющуюся теснейшим образом связанной с задачей окончательного уничтожения пережитков капитализма в экономике и сознании людей. Ведь не может подлежать никакому сомнению, что, несмотря на крайне принципиальные изменения, внесенные Великой октябрьской пролетарской революцией в положение женщин в нашей стране, в отношении к

женщине все еще сохраняется наибольшее количество самых отсталых и враждебных делу социализма мещанских предрассудков.

Несмотря на провозглашенное советской конституцией и закрепленное всем советским строем равноправие женщины с мужчиной, все еще чувствуется фактическое неравенство женщины, нередко испытывающей тяжелые последствия своей прошлой культурной отсталости. Новый закон тем и замечателен, что одновременно с задачей уничтожения абортов, непосредственно связанной с охраной здоровья женщины, он развертывает целую систему мероприятий, способных покончить с фактическим неравенством женщины, способных обеспечить ей фактически равное в нашем государстве положение с мужчиной.

Проблема абортов законом 27 июня, конечно, решается иначе, чем она решается в капиталистических странах. Широкое распространение в этих странах мальтузианства или неомальтузианства полностью отвечает интересам мелкого буржуа, который, по выражению Ленина, «видит и чувствует, что он гибнет, что жизнь становится все труднее, борьба за существование все беспощаднее, положение его и его семьи все более безвыходным». Мелкий буржуа протестует против этих бесспорных фактов, он протестует «как представитель класса, безнадежно гибнущего, отчаявшегося в своем будущем, забитого и трусливого» (Ленин, т. XVI, стр. 498). И Ленин добавлял: «ничего не поделаешь, хоть детей бы поменьше было, страдающих от нашей муки и каторги, от нашей нищеты и наших унижений, — вот крик нашего буржуа». Эта психология мелкого буржуа далека от психологии пролетария. «Сознательный рабочий,— писал Ленин в той же своей статье «Рабочий класс и неомальтузианство» — бесконечно далек от этой точки зрения... Рабочий класс не гибнет, а растет, крепнет, мужает, сплачивается, просвещается и закаляется в борьбе. Мы — пессимисты насчет крепостничества, капитализма и мелкого производства, но мы — горячие оптимисты насчет рабочего движения и его целей. Мы уже закладываем фундамент нового здания, и наши дети достроят его».

23 года тому назад были написаны эти слова. С тех пор мы не только ниспровергли гнет крепостничества и капитализма, но построили новое социалистическое общество, то «новое здание», о котором писал Владимир Ильич в 1913 г. И если почти четверть века тому назад вождь и учитель мирового пролетариата, основоположник нашей великой партии, разоблачая эту поповскую теорию, призывал рабочих вести самую беспощадную борьбу «против попыток навязать это реакционное и трусливое учение самому передовому, самому сильному, наиболее готовому на великие преобразования классу современного общества», то теперь, в условиях победы, одержанной нашим пролетариатом в союзе с колхозным крестьянством, под руководством великого продолжателя и гениального организатора наших побед товарища Сталина, в условиях, когда рабочий класс организован в свободное социалистическое государство, не может быть никакой пощады этим вреднейшим учениям, калечащим челов лишающим его семьи и обрекающим на пр воестественное одиночество. Вот почему, вершенно правильно закон запрещает пр водство абортов вне тех исключительных у вий, какие единственно только и могут оп дать допущение этой операции. Но, повтор значение этого закона не ограничивается становкой этого важнейшей государствен важности вопроса.

Закон 28 июня замечателен тем, что он нимает на большую государственную выс и ряд других вопросов, определяющих по жение женщины в стране победившего со лизма. Еще в 1919 г., характеризуя положе женщины в капиталистических странах, Ле писал: «просвещение, культура, цивилиза свобода, — все эти пышные слова соединяю во всех капиталистически буржуазных респ ликах мира с неслыханно подлыми, отвра тельно грязными, зверски грубыми закон о неравенстве женщины перед законом о бр ном праве и о разводе, о неравенстве в брачного ребенка с «законнорожденным», о п вилегии для мучжин, об унижении и оскорб нии для женщин». Это нетерпимое положе женщины в капиталистических странах ох няется «грязными и подлыми законами» ка талистического мира, где процветает иго ка тала, гнет «священной частной собственнос деспотизм, мещанская тупость мелкохозяй венной корысти».

Положение женщины в капиталистичес странах, низведенной до степени простого п датка домашнего очага, превращенной в машнюю рабыню, задавленную самой черн тяжелой и отупляющей человека работой кухней, отражает собою действительное бе правие и рабство, царящие во всем эконом ческом, общественном и политическом стр капиталистических стран. Это рабское, подн вольное положение женщины охраняется и щищается всей силой буржуазных законо увековечивающих гнет и эксплоатацию чел века. И только в Стране советов, в новой пр красной социалистической республике, нет м ста бесправию и угнетению женщины, как н места и законам, охраняющим женское ра ство.

Советское государство с самых первых дн своего существования вычеркнуло из жиз все то, что делало женщин бесправными, со дав самое свободное в мире законодательст по таким, совершенно неразрешимым в кап талистическом обществе, вопросам, как вопр о браке и разводе, о так называемых «зако норожденных» и «незаконнорожденных» дет Кодекс законов о браке, семье и опеке, пр нятый III сессией 12 созыва ВЦИК, являет исторический памятником решения по-новом по-советскому всех этих вопросов, памятн ком не только окончательной ликвидации ст рых церковных браков, но и организац брачных отношений в советском обществе новых началах.

Этот кодекс впервые сформулировал пра и обязанности супругов на началах полно личного и имущественного равенства мужчи и женщины. Принцип раздельности имущест принадлежавшего супругам до брака, и об

ности имущества, нажитого супругами в течение брака, принцип, провозгласивший право нетрудоспособного супруга на получение содержания от другого супруга, и не только в отношениях между лицами, состоящими в зарегистрированных браках, но и состоящими в фактических браках, права и обязанности родителей в отношении детей и этих последних в отношении своих родителей, — все это по-новому разрешила Октябрьская социалистическая революция и закрепила в своем Кодексе законов о браке, семье и опеке.

Но с тех пор прошло целых десять лет — десять лет колоссальной творческой работы миллионных масс рабочих и крестьян, построивших под руководством нашей великой партии и ее гениального вождя товарища Сталина новое социалистическое общество. Окончательная победа в нашей стране социализма, все более и более исчезающие грани между старыми классами, все более и более уничтожающееся различие между городом и деревней, небывалый расцвет материального и культурного благополучия трудящихся масс — все это поставило перед советским государством во весь рост по-новому проблему семьи и брака, проблему охраны здоровья трудящейся женщины и проблему воспитания детей.

В постановлении ЦИК и СНК СССР от 27 июня поставлен ряд колоссальной важности задач, решение которых, однако, выходит далеко за пределы решения только-что указанных выше проблем. Особенность этого закона раньше всего заключается в том, что вопрос о запрещении абортов решается им в органической связи с вопросом о широких мероприятиях помощи роженицам, расширении сети родильных домов, яслей и т. п. В этом вопросе, как и во всех вопросах советского государственного строительства, наша партия и власть идет испытанным путем организации мероприятий, обеспечивающих действительную реализацию и действительно фактическое изменение наших общественных отношений. Вместо пышных слов и отвлеченных деклараций, как это постоянно имеет место в так называемых «демократических» странах, советское государство, решая ту или другую проблему, ставит ее на твердую почву реальных мероприятий, обеспечивающих полное и действительное осуществление новых и великих принципов. В новом законе эта черта особенно бросается в глаза, когда сопоставляются такие формулы этого закона, в которых выражается прямое веление государственной власти («запретить производство абортов, усилить уголовное наказание» и т. п.), с такими разделами этого закона, которые содержат в себе целую колоссальную систему мер организационного, финансового и хозяйственного порядка.

«Наш закон, — говорил Ленин в своей речи на I всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г., — первый раз в истории вычеркнул все то, что делало женщин бесправными», и добавлял: «но дело не в законе». И это верно, так как одно провозглашение в законе различных прав женщины, одно приравнение в этих правах женщины к мужчине еще абсолютно не обеспечивают действительного превращения женщины на деле в фактически равноправного члена общества.

Закон о запрещении абортов совершенно, поэтому, справедливо говорит в своей вводной части о том, что лишь необходимое материальное обеспечение женщин и их детей государственной помощью многосемейным, максимальное развитие сети родильных домов, детских яслей и детских садов, в связи с рядом других мероприятий, обеспечивающих более серьезное и ответственное отношение каждого гражданина к своим семейным обязанностям и к своей семье, успешно обеспечат разрешение этого большого вопроса, затрагивающего интересы всего населения нашей страны.

Именно вся сумма этих мероприятий, поставленных под охрану непреклонного советского закона, угрожающего суровыми наказаниями за всякое нарушение установленных этим законом требований власти, может обеспечить действительное равенство женщины с мужчиной и ее освобождение от всех пережитков, от всех остатков, еще, к сожалению, очень живучих, ее домашнего рабства.

Идя навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин, закон совершенно правильно во главу всей проблемы ставит вопрос об охране здоровья женщин, нередко являющихся жертвами эгоистичного и бесчеловечного отношения к ним со стороны их мужей. Закон категорически запрещает производство абортов, всегда являющихся опасной операцией, тяжело отражающейся на здоровьи женщины и ее способности быть матерью. Это запрещение носит категорический характер и в этом отношении новый закон делает следующий шаг вперед по сравнению с ныне действующими в союзных республиках уголовными кодексами.

Действовавший до настоящего времени закон допускал совершение, с согласия матери, изгнания плода, карая лишь случаи совершения таких операций лицами, не имеющими надлежащей медицинской подготовки, или, хотя и имеющими такую подготовку, но совершающими их в противосанитарной обстановке (ст. 140 УК РСФСР, ст. 143 УК УССР, ст. 217 УК БССР, ст. 146 УК Грузии и др.). Действовавший до последнего времени закон предусматривал наказуемость совершения абортов лишь при указанных выше условиях, и то в чрезвычайно мягкой форме, ограничивая наказание виновных в этих преступлениях лишением свободы или исправительно-трудовыми работами без лишения свободы на срок **до одного года** и допуская даже наказание в виде простого **штрафа.**

Разрешая производство абортов лишь исключительно в случаях, когда продолжение беременности представляет угрозу жизни или грозит тяжелым ущербом здоровью беременной женщины, или при наличии передающихся по наследству тяжелых заболеваний родителей, и только в обстановке больниц и родильных домов, новый закон устанавливает уголовное наказание за производство абортов с нарушением указанных выше условий врача, производящего аборт от одного до двух лет тюремного заключения, а за производство аборта в антисанитарной обстановке и лицом, не имеющим специального медицинского образования,— уголовное наказание не ниже трех лет тюремного заключения. Ни «исправительно-трудовых работ», превращающихся на практике в замаскированный штраф, ни просто штрафа в качестве наказания за эти тяжкие преступления новый закон не допускает.

Закон о запрещении абортов вводит новую статью, карающую тюремным заключением до двух лет за понуждение женщины к производству аборта. Эта статья имеет особенно важное значение, так как, к сожалению, в практике встречаются достаточно многочисленные случаи производства женщинами абортов не только по своей воле, но и прямо против воли, под давлением, часто сопровождаемым всякого рода угрозами и лишениями со стороны их мужей. Таким образом, незаконный аборт раньше всего ставит под угрозу серьезной уголовной ответственности не только больницу, не только врача, но и мужа, и всех тех, кто в той или другой мере понуждали женщину к производству аборта.

Глава закона от 27/VI, посвященная запрещению абортов, характерна статьей, также новой и совершенно необходимой, устанавливающей общественное порицание, а при повторном нарушении закона о запрещении абортов—штраф до 300 руб. и в отношении беременных женщин, производящих аборт в нарушение указанного закона. Так советский закон поставлен волей нашего государства на стражу интересов женщины и матери.

Нельзя не отметить изменений, которые вносит новый закон в действовавшие до сих пор кодексы законов о труде, устанавливавшие для женщин, занятых конторским и умственным трудом, менее льготные сроки отпуска, предоставляемого до и после родов, чем работницам. Пункт 8 раздела 2 закона от 27/VI отменяет эти ограничения и устанавливает единый срок отпуска для женщин, независимо от характера их профессии и их занятий (56 дней до родов и 56 дней после родов). Пункт 9 этого же раздела вводит новеллу, устанавливающую уголовное наказание за отказ в приеме на работу женщин по мотивам беременности и за снижение им заработной платы по тем же мотивам. Не ограничиваясь, однако, только установлением уголовного наказания в этих случаях новый закон предусматривает также обязательность сохранения за беременной женщиной, одновременно с переводом ее на более легкую работу, прежней зарплаты из расчета последних шести месяцев работы.

Вопрос об алиментах и об ответственности за неплатеж алиментов представляется особенно злободневным. В нынешних уголовных кодексах против неплательщиков алиментов действует одна лишь ст. 158, с крайне слабой санкцией — до 6 месяцев. и.-т. работ, с одной стороны, и неудовлетворительная, по самому существу своей диспозитивной части, с другой. Уголовные кодексы союзных республик преследуют лишь **злостное** уклонение от платежа присужденных судом средств на содержание детей, и то лишь **при условии имеющихся у алиментщика к тому возможностей.** Это, конечно, совершенно неудовлетворительное и неправильное отношение к людям, отказывающимся от заботы о своих детях. Эта статья дает возможность недобросовестным людям сутяжничать, уклоняться от выполнения своего отцовского долга, доказывая, что у них нет средств содержать своих детей. Эта статья устраняет опасения быть привлеченными к ответственности за оставление своих детей на произвол судьбы, если нет решения суда, присуждающего отца к уплате алиментов. Но и в случае доказанности злостности уклонения от платежа присужденных судом на содержание детей средств, максимальное наказание, установленное этой статьей, не превышает лишения свободы в 6 месяцев или штраф до 300 руб. Нужно всемерно приветствовать ст. 31 разд. VIII нового закона, повышающую уголовное наказание за неплатеж присужденных судом средств на содержание детей — до 2 лет тюремного заключения, с отнесением расходов по розыску уклоняющегося от платежа алиментов лица за его счет.

Нет сомнений, что в этой своей форме советский закон явится гораздо более действенным и реальным средством борьбы против недобросовестных алиментщиков и поможет детям в защите их кровных интересов.

Надо отметить и изменение, вносимое законом 27/VI в действующее законодательство о браке, семье и опеке в части, касающейся развода. До сих пор прекращение брака могло иметь место не только по обоюдному согласию супругов, но и по одностороннему желанию кого-нибудь из них и даже в заочном порядке (ст. 18 Кодекса о браке, семье и опеке РСФСР и др.). Закон 27/VI устанавливает при производстве развода **личный вызов** в загс обоих разводящихся супругов, повышает оплату регистрации развода и устанавливает отметку о разводе в паспорте разводящихся. Все это делается в целях борьбы с легкомысленным отношением к семье и семейным обязанностям.

В социалистическом обществе отношение к семье должно быть поставлено на громадную высоту моральных требований. В социалистическом обществе нетерпимо такое отношение к браку и семье, которое дает в руки всяких проходимцев лишь средство использования женщины в интересах удовлетворения своих страстей». «Брак» на несколько дней, иногда даже только на одну ночь, хотя и зарегистрированный и формально «законный», является гнусным, бессовестным преступлением, против которого должно быть направлено все острие советского уголовного закона, вся тяжесть уголовного наказания. Против проходимцев и развратников, растлителей и нравственных уродов направляет свои стрелы новый закон, выступающий против легкомысленного отношения к семье и семейным обязанностям.

В 1918 г. Ленин говорил, что «женщина задавлена своим домашним хозяйством, и от этого положения ее может спасти только социализм» (т. XXIII, стр. 286). Сейчас социализм победил. Новый закон — лучшее свидетельство этой замечательной исторической победы. Новый закон поднимает на следующую и еще более высокую ступень борьбу социалистического общества за окончательное раскрепощение женщины, за утверждение ее подлинного социалистического равноправия.

А. ВЫШИНСКИЙ

Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе[1]

К вопросам уголовного процесса, вопросам работы суда, работы следственных и прокурорских органов сейчас пробудился особенный интерес, и поэтому не случайно, что в центре внимания процессуалистов встал такой важный, основной вопрос, такая основная проблема, какой является проблема доказательств, какой является в свою очередь в теории судебных доказательств проблема внутреннего судейского убеждения. Невозможно поднять работу судебно-прокурорских и следственных органов на необходимый уровень высоты, требуемый сейчас нашим строем, всем духом и направлением нашей жизни, жизни нашей социалистической родины, без того, чтобы не поставить на надлежащую высоту часть нашей работы, связанную с непосредственной задачей собирания и оценки доказательств по тому или другому судебному делу. Именно этим объясняется то обстоятельство, что в наше время, когда все внимание направлено на улучшение работы органов юстиции, одним из центральных вопросов является проблема теории доказательств. Этим объясняется то, что за последнее время мы имеем по этому поводу целый ряд выступлений и высказываний. Некоторое время назад в Институте уголовной политики на эту тему делал доклад украинский профессор Гродзинский; готовы к печати несколько работ: проф. Строговича, Голунского и др. Недавно Московский институт советского права заслушал доклад проф. Строговича на эту тему. Сегодняшнее наше собрание также посвящено вопросу, связанному с проблемой доказательств, с проблемой судейского убеждения. Громадное значение будет иметь для нашей дальнейшей работы то, как мы, советские процессуалисты, будем решать этот вопрос. Надо сказать, что тем опаснее допущение в этой области каких-либо ошибок, а тем более серьезных ошибок.

Ошибки, допущенные в разрешении этого вопроса, на мой взгляд, являются достаточно грубыми. Грубость этих ошибок вытекает из неправильной постановки вопроса о соотношении между судейским убеждением и объективными явлениями, с которыми имеет суд дело в качестве судебных доказательств, с теми явлениями, которые находятся вне нас, и из неправильного понимания самой гносеологической проблемы познания, ставящей вопрос об абсолютной и относительной истине, о проблеме субъективного и объективного в познании. Я думаю, что эти ошибки вытекают из недооценки значения в судебной работе субъективного начала. Я прямо говорю: из недооценки роли судьи как личности, как носителя определенных общественно-политических идеалов, определенного правосознания. Поэтому, когда говорят о том, что социалистическое правосознание является источником правильного решения судьей дела, но в то же самое время предлагают отказаться при решении судебных дел от критерия, внутреннего убеждения, мне кажется, что тут не сводятся концы с концами, что тут допускается грубая ошибка, исходящая из недооценки роли социалистического правосознания и судейского убеждения как основных источников судебной деятельности в нашем социалистическом советском государстве.

Наконец, мне кажется, что эти ошибки, которые я постараюсь подробно разобрать дальше, являются выражением своеобразного «левацкого» уклона, той же самой старой песни на новый лад, песни об отмирании суда как учреждения, в котором решаются дела по убеждению, по совести. Это — «левацкое» выражение недопонимания роли в советском государстве суда как суда народной совести, непонимание того, что там, где нет судейского убеждения, — там нет судебного процесса, там нет суда.

Чтобы сразу было понятно, в чем заключается сущность нашего спора, я попробую охарактеризовать позиции наших советских процессуалистов, которые сейчас выступают противниками свободного судейского убеждения как критерия оценки судебных доказательств. В этой связи я должен перейти к проф. Гродзинскому и к его выступлению на заседании секции Института уголовной политики, пользуясь стенограммой, к сожалению, им не исправленной. Трактуя о буржуазном процессе и правильно отмечая, что в классическом буржуазном процессе, т. е. в буржуазном процессе, построенном на либерально-демократических принципах, решающую роль играет принцип состязательности, проф. Гродзинский говорит, что этот буржуазный состязательный процесс характерен тем, что он создает такую доказательственную систему, которая была бы гибким орудием в руках суда и в то же время маскировала бы классовую его сущность. Бесспорное и совершенно правильное положение. «Для этого, — говорит проф. Гродзинский, — наряду со свободой в установлении пределов доказывания и в собирании доказательств судье предоставляется свобода действий в последнем и решающем этапе доказывания — в оценке доказательств, который (т. е. судья) руководствуется своим внутренним убеждением (Французский УПК, ст. 342, Русский дореволюционный УПК, ст. 766, Болгарский УПК, ст. 460-а и др.), своим «свободным убеждением» (Германский УПК, ст. 261, Австрийский УПК, ст. 258, Норвежский УПК, ст. 349), своим «свободным усмотрением» (УПК кантона Берн, ст. 254), своей «совестью» (Испанский УПК, ст. 741) и т. д. Все эти формулировки, ничем по существу между собой не различающиеся, преследуют одну и ту же цель, которая заключается в представлении суду свободы действия при оценке доказательств, при разрешении дела».

Основной вопрос, который ставит при этом проф. Гродзинский, заключается в том, что можно или нет предоставить судье свободу действий при оценке доказательств. Я на это

[1] Сокращенная стенограмма доклада в Институте уголовной политики 15 мая 1936 г.

отвечаю — не только можно, но необходимо, неизбежно. Гродзинский отвечает — нельзя, невозможно, нужно этого избежать. На помощь проф. Гродзинскому поспевает проф. Строгович со своей теорией, которую можно назвать теорией «объективизации» доказательств. По Строговичу, не внутренее убеждение, а доказательства, факты, явления сами по себе решают вопрос о судебном приговоре. Но послушаем еще проф. Гродзинского, критикующего теорию внутреннего убеждения. «В теснейшей связи с принципом материальной истины, — читаем мы у проф. Гродзинского,— находится принцип свободной оценки доказательств. На этом основании достоверности математической, абсолютной противопоставляется достоверность судебная, «эмпирическая» «нравственная», рассматриваемая как высокая степень вероятности. Этой вероятной «материальной истиной довольствуется судья при разрешении дела». И дальше он говорит: «Таким образом внутреннее убеждение объявляется безотчетным душевным состоянием судьи, которое образуется независимо от его желания... Таким образом получается, что внутреннее убеждение есть то душевное состояние, которое «возникает у судьи непроизвольно и которое является голосом его совести...»

К какому выводу приходит в результате этого рассуждения проф. Гродзинский? Он приходит к трем выводам: 1) теория внутреннего убеждения — это освящение судейского произвола; 2) эта теория отрицает возможность получения объективно достоверных выводов в результате судебного исследования; 3) эту теорию нужно отменить, отказавшись от «термина внутреннего убеждения», вычеркнуть его из УПК как исторически связанного с тем внутренним убеждением, которое дано в буржуазном процессе.

Здесь у проф. Гродзинского явная путаница. Вместо того чтобы очистить этот принцип внутреннего убеждения его от буржуазного содержания, дать ему новое содержание, соответствующее новым общественным отношениям и новому социалистическому правосознанию, проф. Гродзинский решает вопрос гораздо проще — он просто предлагает вычеркнуть из Уголовно-процессуального кодекса это «внутреннее убеждение», прикрывая это тем, что оно касается только термина. «Для развязывания рук буржуазному судье, — говорит проф. Гродзинский, — это внутреннее убеждение объявляется иррациональным результатом его безотчетного душевного состояния, не могущим подлежать анализу». В этом духе он высказывается и дальше, признавая, что, в сущности говоря, нам не по пути с принципом внутреннего убеждения. Однако, сам проф. Гродзинский тут же добавляет: «Принцип свободного действия суда в советском процессе имеет совершенно иное положение. Советский уголовный процесс не может рассматривать судебную достоверность только как высокую степень вероятности. Задача советского суда заключается в том, чтобы стремиться к отысканию объективной истины в процессе». Начавши с отрицания внутреннего убеждения и предлагая отказаться даже от этого термина, проф. Гродзинский приходит к утверждению «принципа свободного действия суда». Отрицая необходимость и возможность использовать в советском уголовном процессе «внутреннее убеждение» как принцип оценки доказательств, он приходит далее к выводу, что «задача советского суда заключается в том, чтобы стремиться к отысканию объективной истины в процессе», чтобы познать действительность и в соответствии с этим правильно вынести приговор, но это опять-таки совершенно неотделимо от вопроса о внутреннем убеждении, ибо что такое правильный приговор? Это значит такой приговор, который соответствует имеющемуся в данном обществе правосознанию. А что такое судейское убеждение, как не выражение господствующего в данном обществе правосознания? Проф. Гродзинский говорит, что термин «внутреннее убеждение» не отражает специфики оценки доказательств в советском процессе, а, наоборот, доказывает специфику доказательств в буржуазном процессе». Это утверждение — прямо политически вредно, так как оно внушает мысль, что убеждение— уместно в буржуазном процессе, там суд «убежденный», судьи решают дела по убеждению, а в нашем советском процессе выходит, что приговоры выносятся судами не на основании судейского убеждения, а на каком-то другом основании, ничего общего с убеждением не имеющем.

Проф. Гродзинский полемизирует с проф. Владимировым, утверждающим, что «термин внутреннего убеждения... довольно удачно выражает характер достоверности этого убеждения по крайнему разумению, по совести». Проф. Гродзинский и с этим не согласен. Он считает, что формула, выдвигаемая Владимировым, достаточна для того, чтобы убедиться, что термин «внутреннее убеждение» не соответствует специфике оценки доказательств в нашем процессе.

Владимиров говорит, что внутреннее убеждение означает выражение известной достоверности по крайнему разумению, по совести, а проф. Гродзинский говорит, что это нам не подходит. Выходит, что решать дела «по совести», «по крайнему разумению» — это для нас не годится, что это подходит для буржуазии. Мы же обойдемся без «по совести» и без «крайнего разумения». И проф. Гродзинский выдвигает самое «левое» предложение, говоря: «Мне кажется, что нужно отказаться от термина «внутреннего убеждения», и совершенно правильно поступает УПК 1927 г. и 1928 г., когда от термина «внутреннее убеждение» отказывается». Проф. Гродзинский предлагает говорить не о внутреннем убеждении, а об анализе доказательств, производимом судьей на основе социалистического правосознания. Пойми теперь, кто может! Социалистическое правосознание признается и его нельзя не признать, потому что нельзя советскому профессору выйти на кафедру и сказать: «Давайте выбросим из советского процесса социалистическое правосознание». Такое предложение — оставить социалистическое правосознание, а внутреннее убеждение выбросить — означает предложение выбросить и социалистическое правосознание, ибо если правильно разобраться в этих вещах, то внутреннее убеждение это есть убеждение, вытекающее из его социалистического правосознания. И те, которые говорят: «социалистическое правосознание оставим, а внутреннее убеждение исключим», те прикрывают действительную попытку выбросить из советского процесса и внутреннее убеждение и социалистическое правосознание.

Я постараюсь дальше показать, что теория проф. Гродзинского есть не что иное, как кость от кости, плоть от плоти теории итальянской антропологической школы Ферри, теперь являющейся знаменем итальянского и международного фашизма в области юриспруденции. Конечно, Ферри не по пути с внутренним убеждением, ни тем более с социалистическим правосознанием. Поэтому неудивительно, что фашистские профессора объявили поход против внутреннего убеждения, поставив на его место новый и откровенный произвол чиновников, слепо выполняющих волю своих господ. Удивительно, что этого не понимает кое-кто из наших профессоров, пытающихся под видом «левой» «р-р-революционной» критики некоторых принципов процессуального права протащить настоящие махрово-реакционные «идейки».

Перехожу к т. Строговичу. Должен сказать, что и Строгович, и Гродзинский, и ряд других наших процессуалистов правильно критикуют буржуазную теорию внутреннего убеждения, и я вовсе не собираюсь защищать буржуазную теорию. Они бичуют ее как насквозь агноститическую, выражающую собой в известной мере несомненно реакционную философию Канта и Юма. Эта буржуазная теория несомненно отдает кантианством. В ней заключается стремление замаскировать классовую сущность буржуазной юстиции, изобразить дело так, как будто в этой теории действительно речь идет о народном правосознании. Но народным правосознанием и фашисты прикрывают свой поход против внутреннего убеждения. В действительности здесь грубейшее издевательство над народом, над принципами народного суда. Беда в том, что в своей борьбе с той маскировкой, которой буржуазия пытается прикрыть классовый характер своих научных теорий, наши критики сами впадают в грубые ошибки, мешающие правильной организации нашей судебной работы.

Тов. Строгович в своей работе «Внутреннее судейское убеждение и оценка доказательств в уголовном процессе» пишет: «В 1927 г. пишущий эти строки в специальной работе развил положение, что теория внутреннего судейского убеждения как критерия оценки доказательств для советского уголовного процесса неприемлема, что советскому уголовному процессу присущ иной принцип оценки доказательств, который условно может быть назван принципом объективизации оценки доказательств».

Тов. Строгович предлагает отказаться от принципа внутреннего убеждения как критерия оценки доказательств и заменить этот принцип каким-то принципом «объективизации» доказательств, не замечая, очевидно, что эта концепция ведет прямой дорогой к воскрешению теории формальных доказательств.

Излагая сущность теории внутреннего судейского убеждения, проф. Строгович пишет: «Суд оценивает доказательства по своему свободному внутреннему убеждению, следовательно, именно внутреннее убеждение судей, сложившееся в результате рассмотрения судом всех обстоятельств дела, является критерием, с которым суд подходит к оценке каждого доказательства и при помощи которого он решает, достоверны или нет показания того или иного свидетеля, можно ли верить обвиняемому, принять или нет заключение экспертизы, какие выводы сделать из того или иного документа или вещественного доказательства. Это все решается по внутреннему убеждению судей, и каждое доказательство имеет значение и ценность лишь постольку и в той мере, поскольку и в какой мере оно способно вызвать у судей ту или иную степень уверенности, оказать то или иное влияние на образование их убеждения». И дальше, в качестве особо яркой иллюстрации этого буржуазного индивидуализма, субъективизма, иррационализма, он приводит 342 статью Французского уголовно-процессуального кодекса, в которой говорится о том, что должен и как должен ответить на поставленные перед ним вопросы присяжный заседатель тогда, когда он удаляется в совещательную комнату и призывается вынести свой присяжный вердикт. «Решающим моментом при оценке доказательств — говорит т. Строгович, является впечатление, которое оказывают на судью доказательства», и в доказательство этого своего доказательства т. Строгович подчеркивает, что в самом тексте 342 статьи так и говорится: «impression», что значит «впечатление». Таким образом, по Строговичу, оценка доказательств согласно теории внутреннего убеждения зависит от того впечатления, которое свидетель произвел на суд своими показаниями, т. е. от безотчетного душевного движения судьи.

Я должен раньше всего высказать величайшее удивление, что такой серьезный процессуалист, каким является т. Строгович, мог допустить такую совершенно неправильную трактовку буржуазного понятия «внутреннего убеждения». Он совершенно обходит ту поправку, которую делает буржуазная наука в этом вопросе. Один из крупнейших французских процессуалистов Эли этому эмпиризму, этому «впечатлению», этой «интуиции» прямо противопоставляет понятие «raisonnée», т. е. говорит не только о чувственном, но и об умственном восприятии, говорит о «conviction sentie ex raisonnée», а не только «conviction sentie».

Если мы откроем наших дореволюционных процессуалистов, например, Случевского и Фойницкого, являющихся крупнейшими представителями русского дореволюционного процессуального права, то увидим, что между изложением их теории т. Строговичем и тем, как они в действительности излагают свою теорию, существует большая разница.

В самом деле, по Строговичу, выходит, таким образом, что внутреннее судейское убеждение и внутреннее судейское правосознание буржуазного судьи основывается только на безотчетном впечатлении. Какое впечатление произвел свидетель на судью, так судья и решает дело, и что, таким образом, к материальной истине буржуазный суд не стремится.

Но такое изложение буржуазной теории внутреннего судейского убеждения представляется явным извращением исторической действительности. Когда в свете указаний товарища Сталина о задачах исторического изучения мы подходим к нашим научным проблемам, мы должны прежде всего усвоить одну истину, одно правило — это полную научную объективность, полную научную добросовестность, полную историческую правдивость. Нужно излагать научные теории, хотя бы и буржуазные, так, как они действительно построены, излагать то, о чем они действительно говорят. Излагать теорию внутреннего убеждения так,

что буржуазный суд выносит приговоры «по впечатлению» и что к этому и сводится вся теория внутреннего убеждения буржуазного процесса, — это значит позволять себе слишком вольное обращение с фактами и с историей.

Проф. Случевский говорит на стр. 133 своего «Учебника русского уголовного процесса» буквально следующее: «Уголовный судья стремится к обнаружению материальной истины в отношении совершившегося преступления, а обнаружить ее он может только через оценку фактических обстоятельств, предшествовавших, совпавших или следовавших за совершением преступления. Те фактические данные,—я подчеркиваю фактические данные **(А. В.)**, которые из этой области заимствует судья и кладет в основание убеждения своего о действительности события преступления и виновности лица, на которое падает подозрение в совершении его, имеют значение уголовных по делу доказательств». О чем тут идет речь? Речь идет не о том, что я так думаю, что что-то на меня производит какое-то впечатление, что мне что-то кажется; речь идет о том, чтобы положить в основу своего впечатления, того, как я думаю, как считаю, что я нахожу, что я отрицаю и что я признаю, фактические данные по делу. Это не то, что утверждает т. Строгович. «Таким образом, — продолжает Случевский, — под уголовными доказательствами следует разуметь те фактические данные, которые выясняются на судебном следствии при условии соблюдения всех установленных на этот счет принципов, обрядов и форм судопроизводства, и на основании которых судья вырабатывает в себе в отношении обсуждаемого преступного посягательства убеждение, которое затем и кладет в основу своего приговора». Я бы спросил своих оппонентов, согласны ли они с этим утверждением Случевского или не согласны? Могут ли они отрицать, что суд кладет в основу своего приговора свое убеждение, что свое убеждение суд основывает на фактах и что эти факты и являются судебными доказательствами? А нам говорят: судья выслушивает свидетеля, судья выслушивает эксперта, получает такое-то впечатление и решает на основании этого впечатления. Не так строится буржуазная теория внутреннего судейского убеждения, как излагают ее тт. Строгович и Гродзинский.

«Внутреннее судейское убеждение, — пишет Случевский, — вытекает из объективных оснований, порождающих в судье субъективную уверенность», обратите внимание: «субъективную уверенность» судьи, вытекающую из объективных фактических данных. Вот какова эта теория внутреннего убеждения. Какую же теорию вы хотите противопоставить этой теории? Какую-то теорию «объективизации доказательств»? Покажите, т. Строгович, каковы «объективные» признаки ценности доказательств, как по этим «объективным» признакам судья должен установить в свидетеле лжесвидетеля или добросовестного свидетеля?

Один французский адвокат говорил, что он определяет, говорит ли свидетель правду или ложь по такому признаку: если свидетель мнется с ноги на ногу — значит он говорит ложь. И поэтому, говорит этот юрист, когда я допрашиваю свидетеля, я смотрю на его ноги, я верю не его словам, а его ногам. Конечно, если мы будем решать судебные дела не на основании слов, а так, как говорят ноги, то мы создадим такой же сумбур в процессе, какой сумбур создал, например, Шостакович в музыке. Я думаю, мы до этого не докатимся.

«Внутреннее убеждение, — говорит дальше Случевский, — представляется не чем иным, как той степенью вероятности, при которой благоразумный человек считает доказываемый факт достоверным». Это тоже нашим профессорам не нравится и тут начинается философия. Строгович вместе с Гродзинским переходят на философскую арену борьбы против внутреннего убеждения. Они говорят — это агностицизм, т. е. это есть выражение мысли о том, что человек не может познать абсолютной истины, не может познать истину как она есть сама по себе, независимо от сознания. В действительности, говорят наши оппоненты, мы должны так поставить вопрос: в судебном процессе судья должен установить не относительную истину, не ту истину, которая является выражением его уверенности в том, что дело было именно так, а не иначе, а должен установить абсолютную и безусловную истину, истину на все 100%. Посмотрим, в чем тут дело.

«Понятие уголовно-судебной достоверности и понятие уголовно-судебной вероятности отличается одно от другого не по содержанию своему, а лишь по различной степени доказательной силы, лежащей в основе их», — говорит Случевский и продолжает: «иными словами говоря, уголовно-судебная достоверность есть не что иное, как такая степень вероятности, вытекающая из представленных на суд доказательств, которая способна привести судью к уверенности в том, что прошлое событие, составляющее предмет исследуемого дела, имело место в действительности». Вот это-то утверждение Случевского и объявляется агностицизмом, отказом от познания вещи в себе. Я думаю, что агностицизм приплетен здесь совсем некстати. Ведь Случевский подчеркивает, что о полной несомненности не может быть речи не вообще, а именно в области судебного исследования в делах судебных, где «судья вынужден по несовершенству средств человеческого правосудия по необходимости удовлетворяться более или менее высокой степенью вероятности». Именно в этом Случевский видит отличие судебного исследования от научного, и не без основания.

Наши «объективисты» думают, очевидно, иначе, полагая, что судебный приговор должен выражать установление судом абсолютной истины, а вовсе не относительной истины, являющейся выражением лишь максимальной степени вероятности убеждения в этой истине. Но судебный приговор действительно является выражением лишь максимальной вероятности. Если стать на противоположную точку зрения, если признать, что судебный приговор является выражением абсолютной истины, то позволительно усумниться в возможности и целесообразности проверки приговора высшей инстанцией. Если стать на эту точку зрения, то надо упразднить кассационную инстанцию. Зачем тогда приговоры? И как можно их проверить? Если принять, что судебный приговор действительно есть выражение абсолютной истины, то надо отказаться от кассационной практики проверки судебных приговоров, объявив непогрешимость приговора и недопустимость какого бы то ни было контроля за судебной дея-

тельностью. Не приводит ли это к оправданию бесконтрольности, к оправданию самого настоящего судейского произвола? Не приведет ли это, с другой стороны, к недопустимой самоуверенности судьи, воображающего, что его устами гласит сама истина — безусловная, вечная истина?.

Наша постановка вопроса о значении судебного приговора тем отличается от постановки этого вопроса буржуазной теорией, что мы освобождаем суд и судебный приговор от идеалистической шелухи, от фетишизма, от мистицизма. Но буржуазная теория непоследовательна: с одной стороны, она объявляет невозможность установления в суде абсолютной истины и предлагает довольствоваться относительной истиной, адэкватной максимальной степени вероятности, с другой — она объявляет каждый приговор истиной, утверждая, что «res jubicata proveritate habetur» решения по делу считаются истиной.

Буржуазия внушает народным массам мысль о безупречности и непогрешимости судебного приговора, провозглашающего якобы им установленную истину, конечно, безусловную, вечную, незыблемую истину... Поэтому она не допускает апелляционной проверки дел, рассмотренных судом с участием присяжных заседателей. Восхваляя суд присяжных как последнее слово демократичности и народоправства, буржуазия рекламирует этот суд как оплот гражданской свободы, как выражение «народных идеалов», как голос народного правосознания, справедливости и правды-истины.

Именем народа и народного правосознания прикрываются и фашисты, освободившие своих судей от последних остатков прецессуального «формализма» и провозгласившие абсолютную «свободу» этих судей от всех и всяких, а не только процессуальных законов.

В борьбе за авторитет судебного приговора как истинного, выражающего собой судейскую непогрешимость, буржуазия крайне суживает пределы кассационной проверки, связывая суд рамками так называемых кассационных поводов, за пределы которых не могут выходить ни суд, ни стороны.

Все это говорит о том, что теория относительной истинности судейских приговоров для буржуазной юстиции остается лишь теорией, отражающей общефилософские особенности идеалистического миросозерцания. Но известно, что «теория сера, а вечно зелено юное дерево жизни»... Вместо того чтобы разоблачать это противоречие буржуазной юриспруденции, разоблачить фальшь и лицемерие превозносимого буржуазией значения приговоров буржуазного суда, наши «объективисты» сделали все, что от них зависело, чтобы безбожно напутать в этом вопросе. Наши «объективисты» ополчались против теории внутреннего судейского убеждения в силу того содержания, которое буржуазия вложила в эту теорию. Они ополчались против этой теории в силу ее исторического, так сказать, происхождения, в силу того, что эта теория исходит из относительной, а не абсолютной достоверности проходящих перед глазами суда фактов, и, следовательно, в основных, исходных своих положениях стоит на почве агностицизма и иррационализма.

Но они забыли, что даже сами буржуазные юристы, несомненно в области философии стоящие на почве кантианства и юмизма, отличают задачи, пределы и методы судебного исследования от задач, пределов и методов научного исследования вообще. Основная ошибка наших «объективистов» заключается, однако, не в этом. Она заключается в том, что, разоблачая агностицизм буржуазных юристов в области философии, «объективисты» механически переносят положения, бесспорные в области философии, в область доказательственного права, забывая разницу между научным и судебным процессами исследования.

Они думают, что, отвергая доводы кантианцев и юмистов против абсолютной истины, доказывая и признавая познаваемость абсолютной истины, как и познаваемость и значимость «вещей в себе», как вещей, существующих и имеющих значение сами по себе, независимо от нашего сознания, мы тем самым обязаны признать, что и судебный процесс открывает нам в каждом судебном деле не относительную истину, а истину абсолютную.

Такой взгляд на судебный процесс и судебный приговор является несомненно ошибочным. Суд — не экспериментальная лаборатория, свободная в выборе средств и объектов исследования. Суд вынужден иметь дело с тем материалом, который ему дает «дело», он связан временем; он работает в условиях, не допускающих бесконечного повторения «опытов» и требующих быстрого реагирования; в условиях, вызывающих необходимость ограничиться установлением наиболее существенных (а не всех и всяких) обстоятельств данного случая. Одно это в достаточной степени объясняет неизбежность рассматривать судебный приговор, как приговор, выражающий собой лишь относительность устанавливаемой в каждом судебном деле достоверности. Поэтому совершенно неправильно представление, будто задачей судебного приговора является установление абсолютной истины. Требование установления судом абсолютной истины неправильно, потому что условия судебной деятельности ставят судью в необходимость решать вопрос не с точки зрения установления абсолютной истины, а с точки зрения установления максимальной вероятности тех или иных фактов, подлежащих судебной оценке.

Гродзинский и Строгович чрезвычайно упрощают проблему внутреннего судейского убеждения. Если послушать Гродзинского и Строговича, то окажется, что внутреннее судейское убеждение есть не что иное, как судейский произвол. В самом деле, если судья абсолютно свободен в оценке доказательства, если нет никаких норм и правил, которыми он должен руководствоваться, вынося свое судебное решение, то в таком случае дело, действительно, предоставлено произволу судьи. Но буржуазные юристы и по крайней мере значительная их часть, опирающаяся на либерально-демократические принципы уголовного процесса, ставят вопрос вовсе не так, как изображает т. Строгович, сводящий всю проблему внутреннего убеждения к произволу.

Случевский говорит: «В самих уголовных доказательствах можно найти некоторые признаки, в свою очередь приводящие к заключению, что оценка уголовных доказательств со стороны судьи не имеет ничего общего с произволом, а необходимо предполагать соблюдение судьей некоторых правил о доказательстве».

Следовательно, теория внутреннего судейского убеждения не только не исключает не-

которых правил о доказательствах, но, наоборот, она обусловливается этими правилами о доказательствах. Тов. Строговичу хорошо известна английская доказательственная теория, устанавливающая целый ряд случаев, когда некоторые факты признаются неотносимыми к данному делу, когда некоторые доказательства рисуются недостаточно полновесными, когда, например, свидетелю по слуху предпочитается свидетель-очевидец. Английское право знает, например, теорию лучшего доказательства (the best evidence). Отказавшись от теории формальных доказательств, английская теория все же сохранила отдельные пережитки этой теории. Но нам всем хорошо известно, что нет худших и лучших доказательств. Я не говорю о заведомо недоброкачественных доказательствах. Мы должны раньше всего условиться, что мы имеем дело с доброкачественными доказательствами. Среди одинаково доброкачественных доказательств нет лучшего и нет худшего. Буржуазная теория доказательственного права говорит: копия хуже подлинника, подлинник лучше копии. Буржуазная теория говорит, что прямое доказательство лучше косвенного. Это неверно в своей абсолютной постановке, ибо косвенное доказательство бывает иной раз убедительней, чем прямое. Например, пять свидетелей показывают одно и то же: у них все совпадает до мельчайших подробностей. Они все видели. Они все в точности запомнили. Они передают свои впечатления чуть ли не одними и теми же словами. Такие свидетели вызывают подозрительное к себе отношение. К таким свидетелям необходимо относиться с величайшей осторожностью. Таким свидетелям я, обычно, мало верю — я остерегаюсь таких безукоризненно точных свидетелей.

С другой стороны, бывают дела, где обвинение основывается лишь на косвенных доказательствах.

Например, сейчас у нас в производстве есть дело, основанное на косвенных уликах, — это дело об убийстве на острове Врангеля доктора Вульфсона. В этом деле косвенные доказательства чрезвычайно серьезны и убедительны.

«Худшие» и «лучшие» доказательства — это пережиток теории формальных доказательств. По природе нет лучших и худших доказательств, а есть лучшие и худшие судьи, и это, по-моему, совершенно бесспорно.

Случевский, защищая теорию внутреннего судейского убеждения, устанавливает ряд принципов, правил, которыми контролируется это внутреннее убеждение. Следовательно, падает возражение противников этой теории, что внутреннее убеждение ничем не контролируется. Случевский в качестве контрольных моментов в теории внутреннего убеждения называет, во-первых, правило, согласно которому материальная истина признается обнаруженной только тогда, когда выясняется полное соответствие между нашими идеями и фактами.

При этом условии нет места произволу, ибо если судья установил факты, смысл этих фактов, соответствие этих фактов нашим представлениям, то здесь уже нет произвола, здесь внутреннее убеждение находится под строгим контролем.

Во-вторых, — говорит Случевский, — «внутреннее судейское убеждение может лечь в основу уголовного приговора только в том случае, если уголовные доказательства выяснились на уголовном суде при соблюдении предписанных на этот предмет правил». Это, товарищи, очень разумное условие. Судья дома, в кино, в клубе, в гостях может услышать и узнать по поводу рассматриваемого дела все что угодно, но он не имеет права выносить свой приговор на основании того, что он узнал вне суда, что не подверг судебной проверке.

Ошибка, между прочим, Гродзинского и Строговича заключается в том, что они путают теорию с практикой, что они кроме того путают буржуазно-демократическую эпоху капиталистических государств с фашизмом, что они валят все в одну кучу и изображают дело так, что фашистский суд, действительно допускающий полный произвол, якобы придерживается теории внутреннего судейского убеждения. Но эта теория в фашистском суде и не ночевала. Нельзя смешивать фашистский суд с буржуазно-демократическим судом.

Буржуазная теория внутреннего убеждения требует, чтобы в основу судебного решения легли только те доказательства, которые судом почерпнуты из судебного процесса. Если кто-нибудь, не имея в руках данных, проверенных в ходе судебного процесса, руководствуется для осуждения обвиняемого какими-то своими посторонними соображениями, не проверенными в судебном процессе, то такое решение не имеет ничего общего с «внутренним убеждением», является выражением произвола, злоупотреблением своим судебным положением.

Третье условие Случевского говорит: «Внутреннее судейское убеждение требует, чтобы суд мог воспользоваться всеми теми уголовными доказательствами, которые в состоянии осветить его совесть и содействовать образованию его убеждения» и нельзя признавать правильным судебное решение, вынесенное в условиях искусственного устранения судьей или судом из поля своего зрения тех или других доказательств, или решение, вынесенное на основании какой-то отдельной группы доказательств, а не всей совокупности доказательств, находящихся в деле. Это третье условие предотвращает опасность превращения внутреннего судейского убеждения в бесконтрольный судебный произвол. И против этого условия спорить тоже нельзя.

Наконец, четвертое условие, выдвинутое Случевским, говорит о том, что судья, формируя свое внутреннее убеждение, должен действовать на основании оценки значения каждого доказательства в соответствии с его природой и связи этих доказательств с рассматриваемым уголовным делом.

Вот по крайней мере четыре основных принципа, которыми Случевский контролирует так называемое «внутреннее судейское убеждение», специально подчеркивая недопустимость для судьи руководствоваться одними «субъективными ощущениями».

Случевский прямо говорит: «Субъективизм — только один из элементов судейского убеждения, но не единственное его основание, и значение его находится в прямой зависимости от того, вытекает ли он из фактических обстоятельств данного дела».

«Материальная истина, к обнаружению которой стремится судья, как и всякая истина должна быть познаваема, а не только чувствуема».

Правда, не все буржуазные юристы держатся такой точки зрения и формулируют свои взгляды в этом вопросе так, как проф. Слу-

чевский. Но т. Строгович, излагая теорию внутреннего убеждения, ссылается именно на Случевского, совершенно неправильно излагая взгляды этого процессуалиста.

Я думаю, что мы вправе требовать от наших профессоров, чтобы они правильно излагали буржуазные теории, правильно и решительно вскрывали ошибки, которые действительно имеются в этих теориях, но не допускали бы сами ошибок, мешающих нашей работе и нашему делу.

Так обстоит дело со Случевским, которого неправильно излагает т. Строгович. Я могу также показать, что говорит по этому поводу Фойницкий, стоящий в основном на тех же позициях, или Вентман, Стифен и другие, не позволяющие смешивать внутреннее судейское убеждение с судейским произволом. Другое дело, как это осуществляется на практике, но в буржуазной теории дофашистской эпохи это разграничение выражено достаточно ясно. А между тем и Гродзинский и Строгович валят все в одну кучу.

Для них между буржуазно-демократической теорией внутреннего убеждения и фашистскими теориями, провозглашающими подлинный, ничем не сдерживаемый произвол, разницы никакой нет. Но такая точка зрения, все смешавшая в одну кучу, неправильна и неприемлема.

Какие задачи стоят в связи с этой проблемой перед нами, советскими процессуалистами? Мы должны взять от старой науки права то, что может быть нами использовано, мы должны использовать отдельные институты буржуазного процесса явившиеся результатом известной судебной культуры, с одной стороны, и, с другой стороны, должны разоблачить классовое содержание этих институтов, направленных против интересов рабочего класса, и дать этим судебным институтам, которые мы можем заимствовать из буржуазного арсенала, новое назначение, новое направление, наполнить их новым социалистическим содержанием, обратить их на пользу советского социалистического строительства. С этой точки зрения вправе ли мы так разделываться с внутренним судейским убеждением, как предлагает это сделать М. М. Гродзинский и как ему вторит М. С. Строгович? На этот вопрос нужно дать решительный, категорический отрицательный ответ. Надо понять, что формула свободного судейского убеждения в оценке доказательств сейчас извращена фашистской юриспруденцией, что фашисты прикрываются формулой внутреннего судейского убеждения для того, чтобы замаскировать тот беззастенчивый произвол, образцом которого явилось знаменитое дело о поджоге Германского рейхстага, дело против нашего т. Димитрова. Надо разоблачить эту попытку фашистских юристов прикрыть свой произвол формулой внутреннего судейского убеждения, нужно защитить «внутреннее убеждение» судьи от тех грубейших извращений и фальсификаций, которым оно подвергается со стороны фашистских «юристов», фашистских палачей, одетых в судейские тоги. Вместо этого некоторые наши процессуалисты не разоблачают этой фашистской фальсификации, а, наоборот, идут по существу у них на поводу, изображая дело так, что внутреннее судейское убеждение — это буржуазная теория, что эта старая теория внутреннего судейского убеждения по существу не что иное, как фашистская теория судебного произвола. Гродзинский говорит: «Таким образом, если суммировать общую тенденцию фашистской литературы и практики, можно отметить стремление к расширению прав и полномочий суда, стремление освободить судью от формальных ограничений. Мне думается, фашистский процесс действительно сводится к полной свободе судьи». Это — грубейшая политическая ошибка. Говорить, что фашизм действительно дал судье свободу, — это значит потерять всякое понимание различия между свободой и «свободой», между свободой судьи и произволом палача.

Вместо того, чтобы разоблачить попытки фашистов прикрыть произвол своего суда ссылкой на внутреннее убеждение, являющееся одним из важнейших принципов либерально-демократической буржуазии, одним из важнейших принципов буржуазной судебной демократии, изображают буржуазную судебную демократию как фашистский произвол. Между буржуазной демократией и фашизмом ставят знак равенства. Вместо того чтобы взять от буржуазно-демократической культуры то, что нам нужно и что полезно взять, огулом ахаивают буржуазную культуру, мешают использовать заслуживающие внимания институты буржуазной культуры. Это не имеет ничего общего с указаниями Ленина и Сталина об отношении к буржуазной культуре, к буржуазному культурному наследству и использовании его для дела социалистического строительства. В 1927 г. т. Строгович, а еще раньше в 1925 г. проф. Гродзинский написали каждый по работе. Основные положения этих работ, направленные против «внутреннего убеждения», совпали, и авторы остались друг другом весьма довольны. По крайней мере Гродзинский в последнем своем выступлении с удовольствием ссылался на работу Строговича 1927 г. Строгович в работе 1927 г. с некоторой критикой, но очень мягкой и доброжелательной ссылался на Гродзинского. В чем же дело, товарищи? Откуда этот поход против внутреннего судейского убеждения? Поход против внутреннего судейского убеждения имеет свою историю. Родоначальником этого похода против внутреннего судейского убеждения был еще старик Миттермайер. Напрасно думают некоторые наши советские процессуалисты, что в своей критике теории внутреннего убеждения они открывают какую-то Америку. Еще в 1871 г. была переведена на русский язык работа Миттермайера — профессора Гейдельбергского университета, — «Европейские и американские суды присяжных». В этой книге вы можете прочитать ряд замечаний Миттермайера, говорящих о не вполне благосклонном его отношении к внутреннему судейскому убеждению. Самый термин «внутреннее убеждение» Миттермайер считает «темным выражением» нисколько не указывающим присяжным на их обязанность основывать свои приговоры на одних только результатах добросовестного, разумного обсуждения доказательств. «Гораздо скорее, — говорит Миттермайер, — оно располагает их относиться слегка и поверхностно, по впечатлениям смутного чувства...»

Говоря далее о французском суде присяжных, Миттермайер прямо указывал на «двусмысленное влияние на постановку приговоров присяжных», оказываемое этим «внутренним убеждением».

«Внутреннее убеждение, — говорил Миттермайер, — вышло из ненависти к прежнему пе-

дантизму и из надежды, не будут ли присяжные лучше решать дела, чем это было прежде, если освободить их от всех и всяких законных доказательств. Понравилась манера действовать благозвучными фразами, и вот таким образом находят желанный исход, предоставляя присяжным следовать единственно своей совести. Убыточность такой системы не могла скоро не обнаружиться. Присяжные при обсуждении доказательств не имеют теперь никакой точки опоры, и вместо разумного анализа, вместо разумного взвешивания и обсуждения всех представленных на суд доказательств, они теперь должны основываться на мнениях, чувствах, неопределенных общих впечатлениях, одним словом на всем том, что только может производить на них влияние. Если бы французские законодатели хоть сколько-нибудь были знакомы с духом английского суда присяжных, то верно убедились бы, что английский суд присяжных потому собственно и благодетелен, что присяжные не оставляют без разбора ни одного доказательства и руководятся мудрой и признанной столетиями теорией законных доказательств. Французский уголовный процесс теряет от этого всякий правильный юридический характер, и все в нем зависит только от того, какое впечатление произведет на присяжных судоговорение».

Таким образом М. М. Гродзинский, М. С. Строгович и другие ничего нового в области критики внутреннего убеждения не вносят, повторяя старые и достаточно полинялые «истины». Уже в 1871 г. мы имеем в юридической литературе высказывания против теории внутреннего судейского убеждения. Мы имели в последнее время выступление Ферри, который написал свою двухтомную уголовную социологию и в этой двухтомной уголовной социологии сделал попытку установить несколько фазисов эволюции теории судебно-уголовных доказательств. И вот теперь, в 1927 г., эту самую теорию преподнес советским читателям т. Строгович в очень доброжелательном для Ферри виде. По Ферри, доказательственная теория прошла следующие этапы развития: первый фазис — первобытный, когда все основывалось на наивном эмпиризме; второй фазис — религиозная эпоха; третий фазис — это система формальных доказательств, четвертый фазис — это, как он говорил, сентиментальный, это период господства теории свободного убеждения. Кстати, в арсенале критического оружия т. Строговича ничего не нашлось для разоблачения ненаучности этой историографии Ферри, кроме указания, что «в общем и целом» эта теория выражает верную и ценную мысль.

Тов. Строгович, очевидно, считает вместе с Ферри эпоху господства в буржуазном суде теории внутреннего убеждения «сентиментальной», забывая, что в истории буржуазного суда эта теория играла всегда роль маскировки, угнетения и эксплоатации трудящихся масс, маскировки судебного неравенства, маскировки той роли суда как органа угнетения трудящихся, которую этот суд играет в буржуазном государстве во все эпохи. Для Ферри теория внутреннего убеждения характеризует «сентиментальное» направление буржуазной судебной политики. А т. Строгович принимает это без критики. Для него, как и для Ферри, эта самая эпоха рисуется не в виде злой бабы-яги, а в виде сентиментальной светлоликой гётевской Маргариты — девушки с радостными мечтами и надеждами в голубых глазах. Это — грубая ошибка. Буржуазная юстиция никогда не была сентиментальной. Она всегда и во все эпохи была жестокой и беспощадной к трудящимся!.. Это нельзя забывать!..

Ферри предвидит наступление пятого фазиса в развитии доказательств, когда судья будет пользоваться строго «научными» данными, позволяющими распознавать истину по различным объективным, психофизическим и тому подобным признакам, характеризующим преступника.

Например, данные об очертании черепа того или иного лица, будут, по мнению Ферри, служить основанием к установлению виновности данного лица. Что это значит? Это значит на место судьи нужно посадить эксперта; вместо суда учредить клинику; преступника, изобличенного по ряду всяких психофизических признаком, поместить в клинику, словом — «измерить, взвесить и повесить».

Ферри мечтает о таком «научном» фазисе в развитии доказательственного права, когда можно будет приговор обосновать при помощи таких приборов, как, например, сфигмограф, определяющий скорость кровообращения заподозренного, а по этой скорости и виновность или невиновность привлеченного к уголовной ответственности!..

Вот к чему привела Ферри неудовлетворенность теорией внутреннего убеждения и стремление заменить «субъективное усмотрение» судьи объективными средствами доказывания! А вот эту галиматью проф. Строгович принял в 1927 г. за теорию, содержащую ценную и интересную мысль!.. Правда, сам проф. Строгович отмечает, что теория Ферри воскрешает судебное средневековье с такими «средствами доказывания», как дыба палача. Но, к сожалению, т. Строгович не сделал из этой оценки всех необходимых выводов, и даже сам запутался в сетях выдуманной им теории «объективизации» доказательств.

Тов. Строгович в 1927 г. писал: «Следует признать, что в рассуждениях Ферри имеется безусловно верная и ценная мысль. Развитие экспертизы и увеличение числа исследуемых объектов уже наблюдаются в уголовном процессе, в частности в советском; безусловно здесь открываются новые плодотворные пути». И вот этого Ферри, рекомендовавшего открывать преступников, пользуясь сфигмографом по изменению в кровообращении обвиняемого, т. Строгович рассматривает как ученого, открывшего «новые плодотворные пути» в науке доказательственного права. Сейчас т. Строгович готов кой от чего в этом вопросе отказаться. Но делает это он нерешительно, и по существу оставаясь на позициях 1927 г. Тов. Строгович говорит о каких-то объективных признаках, по которым можно отличать доброкачественного и достоверного свидетеля от недостоверного, по которым можно признать одни вещественные доказательства хорошими, другие — плохими. Но это может привести лишь к попытке обезличить судью, превратить его в какой-то арифмометр, какой-то механический аппарат, воспроизводящий заранее установленные улики и доказательства. Эту мысль целиком поддерживал в свое время и А. С. Тагер, рекомендуя повернуть науку по этому пути, усилив роль экспертизы в суде до такой степени, чтобы даже свидетелей, вызываемых в суд, подвергать перед допросом судебной

экспертизе, с целью установить, насколько свидетель является полноценным.

Представьте себе эту замечательную картину: во время судебного заседания вызывают свидетеля. Председатель говорит: Подвергните освидетельствованию. Подвергают. И вот является этот препарированный свидетель к судейскому столу, но прежде чем судья дает ему слово, говорит эксперт. Он говорит: «Свидетель обладает всеми данными, чтобы дать доброкачественные свидетельские показания».

Таким образом в стремлении помочь судье в деле правильной оценки доказательств, дело доводят до того, что свидетеля пропускают через экспертизу, через клинику и, только после того, как он получит соответствующую справку, после того, как на него навесят пломбу доброкачественности, как на ветчину на фабрике, доброкачественность которой удостоверяется пломбой, свидетель будет подвергнут судебному допросу. Разве не ясно, что теория Ферри служит прекрасным средством подбора угодных фашистскому суду свидетелей, средством подтасовки доказательств? Разве, с другой стороны, не ясно, что эта теория низводит суд до последней степени потери самостоятельности и независимости, превращает суд в игрушку усмотрения и произвола?

Я уже говорил о том, что, на мой взгляд, ошибка противников теории внутреннего судейского убеждения в советском процессе вытекает также из неправильной постановки вопроса об абсолютной и относительной истине. Противники внутреннего судейского убеждения в советском процессе исходят из того, что теория внутреннего убеждения в буржуазном процессе, буржуазная теория внутреннего судейского убеждения отражает собой господствующий в буржуазной философии агностицизм и субъективизм.

Сводя теорию внутреннего судейского убеждения к кантианству, связывая эту теорию с отказом буржуазных ученых, буржуазной науки от признания объективности существования того или иного явления, вещи, как вещи в себе, независимо от человеческого сознания эти товарищи, естественно, должны были выступить и против теории внутреннего убеждения, ибо они эту теорию неразрывно связывали с агностицизмом во всей общефилософской постановке этого вопроса. В этом вопросе надлежит внимательно разобраться. Можно ли утверждать, что судья не может познать подлинной истины, что для суда это совершенно недостижимая и неразрешимая задача? Так вопрос ставить нельзя. Это ошибочная постановка вопроса; она ошибочна тем более, когда этой постановке вопроса придается общефилософское значение, когда этот вопрос переводят на почву общефилософской теории непознаваемости вещей в себе, т. е. переводят на почву агностицизма.

Но мне кажется, что, несмотря на справедливость этой критики, здесь смешиваются некоторые вопросы. Как ставит диалектический материализм — наука Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина — вопрос об истинном, об абсолютном? Как ставит наша наука вопрос об абсолютной и относительной истине? Мне кажется, без ответа на этот вопрос нам трудно понять нашу позицию во всей ее полноте. Для ответа на этот вопрос обратимся к известной работе — к «Анти-Дюрингу», где мы находим ряд интересующих нас принципиальных положений.

«Суверенно ли человеческое мышление?»— ставит вопрос Энгельс и отвечает: «Прежде чем ответить утвердительно или отрицательно на этот вопрос, мы должны сначала исследовать, что такое человеческое мышление. Идет ли тут речь о мышлении какого-нибудь отдельного индивида? Нет. Человеческое мышление существует только как индивидуальное мышление многих миллиардов прошедших, настоящих и будущих людей.

Если теперь я объединяю в своем представлении мышление всех этих людей (включая сюда и будущие поколения) и скажу, что оно суверенно, что оно в состоянии познать существующий мир, поскольку человечеству обеспечено достаточно длительное существование и поскольку познанию не будут поставлены границы органами и предметами познавания, то я скажу лишь нечто изрядно банальное и к тому же изрядно бесплодное. Ведь наиболее ценным результатом этой мысли было бы крайнее недоверие к нашему теперешнему познанию, ибо, по всей вероятности, мы стоим лишь в самом начале истории человечества,—и поколения, которым придется исправлять нас, будут, надо думать, гораздо многочисленнее, чем поколения, значения которых, часто недооценивая его, исправляем теперь мы».

И дальше, полемизируя с Дюрингом, любителем, как известно, «вечных истин», Энгельс говорит: «Господин Дюринг сам считает неизбежным, что сознание,—а значит мышление и познание—может обнаруживаться лишь в ряде отдельных существ. Мышление каждого подобного индивида мы можем признавать суверенным лишь постольку, поскольку мы не знаем никакой власти, которая была бы способна силой навязать ему, в здоровом бодрствующем состоянии какую-нибудь мысль. Что же касается суверенного характера познаний каждого отдельного индивида, то мы все знаем, что об этом не может быть и речи и что, судя по прошлому опыту, во всех этих познаниях без исключения содержится гораздо больше элементов, нуждающихся в исправлении, чем не нуждающихся в нем или правильных.

Иными словами: суверенность мышления осуществляется в ряде крайне неуверенно мыслящих людей; познание, притязающее на безусловную истину, — в ряде относительных заблуждений; как эта суверенность, так и это познание могут быть вполне осуществлены лишь в процессе бесконечного существования человечества» («Анти-Дюринг», стр. 77—78).

Что мы можем извлечь из этой цитаты, какой мы можем сделать вывод отсюда для нашего спора? То, что само понятие абсолютной истины является относительным.

«У нас здесь снова, как выше, — читаем мы дальше у Энгельса, — то же самое противоречие между сущностью человеческого мышления, неизбежно представляемого нами себе абсолютным, и его осуществлением в одних лишь ограниченно мыслящих индивидах, противоречие, находящее свое решение только в бесконечном прогрессе, в нескончаемой — по крайней мере практически для нас — преемственной смене людских поколений. В этом смысле человеческое мышление столь же суверенно, как и несуверенно, его познавательная способность столь же не ограничена, как и ограничена. Оно суверенно и неограничено по своим задаткам, по

своему назначению, по своим возможностям, по своей исторической конечной цели; но оно несуверенно и ограничено по отдельному осуществлению, по данной в то или иное время действительности.

То же самое можно сказать о вечных истинах. Если бы человечество дошло до того, что стало бы оперировать только вечными истинами, только такими суждениями, которые обладают суверенной значимостью и притязаниями на безусловную истину, то это значило бы, что оно достигло пункта, где и реально и потенциально исчерпана бесконечность интеллектуального мира и где следовательно произошло знаменитое чудо сосчитанной бесчисленности».

В этих словах Энгельса содержится не только предупреждение относительно «вечных истин», в них содержится также объяснение того противоречия между абсолютным и относительным, разрешение которого возможно лишь в результате «бесконечного процесса».

Я знаю, что в этой постановке вопроса заключается одна опасная мысль для людей, которые не хотят или не любят работать над собой. Эти люди могут сказать: если можно ограничиться известной относительностью, тогда, пожалуй, не страшно, если наши приговоры будут отменяться вышестоящими инстанциями, так как ведь они отражают относительную истину... Но эту опасность устранить в наших силах.

Сейчас дело идет не об этом, не об абсолютности или относительности значения судебного приговора. Сейчас нам говорят: вы должны обеспечить правильное судебное решение независимо от того, как сложится у вас, в глубине вашей совести, в вашем сознании представление о явлении, которое прошло перед вашими судейскими глазами. Вы должны это решить независимо от вашего убеждения, а в зависимости от того, какими конкретными особенностями, положительными или отрицательными, будут обладать те факты, с которыми вы как судья будете иметь дело, и распознание которых вовсе не должно явиться результатом вашего «внутреннего убеждения», которое не может и не должно быть критерием оценки доказательств, так как само является «итогом» этих доказательств.

Здесь раньше всего совершенно искусственно разрываются две стороны дела, здесь совершенно искусственно отрывается вопрос о субъективном от вопроса об объективном, здесь чисто механически разрешается проблема объективного и субъективного. Это не имеет ничего общего с ленинской постановкой вопроса. В своей исторической работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин совершенно не так, как это представляют себе наши «объективисты», ставил вопрос о соотношении между субъективными и объективными, между действительными явлениями и познанием, между сознанием и вещью в себе.

«В теории познания, как и во многих других областях науки, — говорит Ленин, — следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным».

А дальше Ленин говорит: «Двигаясь все время по пути максимального стремления к наибольшей полноте, к всеобщей полноте, — нам необходимо не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из незнания является знание. Это возможно только ставя вопрос диалектически». У Энгельса мы находим очень ценные указания на этот счет.

«Слов нет, — говорит Энгельс, — это такая точка зрения, которую трудно, повидимому, опровергнуть одной только аргументацией. Но прежде, чем люди стали аргументировать, они действовали. «В начале было дело». И человеческая деятельность разрешила это затруднение задолго до того, как человеческое мудрствование выдумало его. The proof of the pudding is in the eeting. (доказательство для пудинга или испытание, проверка пудинга состоит в том, что его съедают»).

Хороший пудинг или нет — как вы это узнаете? Только когда вы его скушаете. Объективное качество этого пудинга познается через ваши вкусовые ощущения. Значит ли это, что качество пудинга зависит от моих вкусовых ощущений? Нет, это не значит, и было бы бессмысленным утверждать, что качество доказательств зависит от моего признания этого доказательства хорошим или плохим. Так говорить было бы совершенно бессмысленно, как все равно было бы бессмысленным отрицать, что хорошим я признаю и назову пудинг, который мне понравился, а не пудинг, который нравится сделавшему его повару. Качество пудинга определяется не моим вкусовым ощущением, не тем, что этот пудинг мне понравился, а определяется независимо от моего вкуса — качеством самого производства. Но как я могу познать это качество? Строгович говорит — познай качество пудинга, не вкушая его. А я говорю: хочу вкусить, чтобы познать. Я могу познать качество этого пудинга только тогда, когда я его съем. А Строгович говорит — нет, ты посмотри на его внешние признаки. Вот пудинг — с внешней стороны такой соблазнительный, такой пленительный — удовлетворись этим, но не кушай его, твой вкус субъективный, чувство обманет тебя, наслаждайся качеством пудинга независимо от своего вкусового ощущения. Это рассуждение в корне порочно.

В чем ошибка такого рассуждения? Ошибка в том, что рассуждающие так отрицают роль внутреннего убеждения как источника, как критерия оценки доказательств. Они говорят, что само внутреннее убеждение обусловлено доказательствами и, следовательно, не может играть критерия при оценке этих доказательств. Они упрекают нас в том, что мы попали в заколдованный круг. Наоборот, заколдованный круг в рассуждениях тех, которые не умеют мыслить диалектически, которые мыслять механистически, которые разрывают взаимность между доказательствами и их оценкой, отделяют объективное от субъективного, не понимая, что доказательство проходит перед сознанием судьи и является почвой, на которой формируется его сознание, на которой складывается и оценка им этого доказательства, но складывается не автоматически, а в процессе определенной психической, сознательной деятельности.

При разрешении вопроса о виновности или невиновности обвиняемого нельзя точно указать, где кончается роль доказательства как такового и где начинается роль убеждения, которое вытекает из этого доказательства. Судейское убеждение складывается путем известного процесса, в котором одни доказательства отвергаются, другие — принимаются,

в зависимости от целого ряда условий, которые заключаются в способности восприятия, с одной стороны, и от свойств воспринимаемых вещей или явлений — с другой. Негодное, недоброкачественное доказательство не может создать правильного убеждения; оно само по себе не дает ответа на вопрос, который стоит перед судьей, потому что судья должен переработать это доказательство в своем сознании, проверить его убедительность путем известного анализа, сопоставления с другими доказательствами и с собственными взглядами, представлениями, своим правосознанием. Нам говорят — значит это какая-то интимная сфера, которая не может быть подвергнута анализу и проверке. Да, в известном смысле она не может быть подвергнута контролю; этому контролю она может подвергнуться лишь в известных пределах. Если перед судом проходят, например, два свидетеля — Иванов и Петров, и выслушав Иванова и Петрова, судья верит Петрову, а не Иванову, то проверить правильность такого убеждения судьи можно лишь при определенных условиях и в определенных границах: это — показания других свидетелей, какие-либо документы, подтверждающие слова первого свидетеля, а не второго, представления судьи о естественности и вероятности утверждений свидетеля и т. д. Но бывает так, что ничего другого кроме показания этих двух свидетелей в деле нет. Один говорит одно, а другой — прямо противоположное. Как можно решить в подобном случае задачу? Если мы привлечем теорию объективизации, тогда должны поставить вопрос так: кто такой Иванов? Если он член партии с 1903 г. — одно дело, а если с 1935 г. — другое дело. Если Иванов ученый — одно дело. Если Иванов полуграмотный колхозник — другое дело. Но ведь это же и есть теория формальных доказательств, которая говорила: если духовное лицо — верь, а если светское — не верь. Если мужчина свидетельствует — верь, а если женщина—не верь; если же две женщины—тем более не верь. Судья говорит: я выслушал двух людей. Один говорит правду и я ему верю, а другому не верю. Как вы проверите убеждение судьи? Некоторые (Ферри) предлагают, прежде, чем решить вопрос, какому свидетелю верить и какому не верить, подвергнуть свидетеля экспертизе, и верить лишь тому, кто по свидетельству экспертов может заслуживать доверия. Но стать на такой путь — значит превратить суд в автоматически действующий механизм, судью заменить экспертом. На этот путь мы не станем, потому что это было бы неприемлемо, вредно и опасно и по политическим и по чисто практически-процессуальным соображениям. Вот один пример, способный лишний раз показать, как важно сохранить за судом свободную оценку фактов.

В одном из наших городов произошел такой случай: ночью при странных обстоятельствах был задержан один молодой человек, кандидат партии, его нашли у крыльца его же квартиры с огнестрельной раной. Оказалось, что он бежал от погони, по нему стреляли и ранили. Возникло дело. В процессе расследования выяснилось, что в эту ночь женщина, оказавшаяся проституткой, обратилась к милиционеру с просьбой задержать этого молодого человека, так как он якобы пытался ее изнасиловать. Милиционер пытался его задержать, тот бежал, открылась стрельба, он оказался ранен, задержан, отдан под суд и судим. Обвиняемый категорически отрицал свою вину. Женщина стояла на своем. Милиционер мог рассказать суду лишь то, что рассказала ему женщина и что произошло после того, как она заявила свою жалобу. Как быть? Кому верить? Свидетель милиционер, потерпевшая проститутка, обвиняемый студент, кандидат партии. Могут сказать: проститутка? Не верьте проститутке. Проститутка—это «с.-в. э.» — социально-вредный элемент. Ее показание «объективно» неполноценно... Мы на такую точку зрения встать не можем. В нашем государстве так подходить к людям нельзя.

Как же суду решить эту задачу? Стоит женщина потерпевшая, свидетель милиционер. Как судья будет решать? Судья скажет: вот это объяснение мало правдоподобно; это — более правдободобно; это — соответствует моему представлению о возможном ходе вещей, а это не соответствует... Этот свидетель, хотя бы и занимающий официальное положение, и ничем не опороченный что-то путает; показание потерпевшей, хотя она и с «дурной репутацией», наоборот, внушает доверие, представляется правдоподобным; факты, излагаемые ею, друг другу не противоречат и вполне возможны; ее рассказ кажется искренним и внушающим доверие. Может быть, она говорит неправду, может быть, здесь сговор? Дать ответ на этот вопрос лучше всего путем сопоставления одних показаний с другими показаниями и с другими обстоятельствами дела. Ну, а если этих других обстоятельств нет? Тогда весь вопрос сводится к убеждению судьи, и ни к чему иному. И как бы «объективисты» и в том числе т. Строгович не протестовали против такого «субъективизма», ничего другого здесь быть не может и не будет, пока судья будет призван рассуждать и решать в зависимости от результатов этого рассуждения...

Поэтому я и утверждаю, что оценить качество свидетеля — значит этого свидетеля «переварить» в своем сознании, «отведать его». «Оценить качество пудинга можно только отведавши этот пудинг», говорит английская пословица.

Здесь дело решает практика.

«В тот момент, — говорит Энгельс, — когда сообразно воспринимаемым нами свойствам какой-либо вещи мы употребляем ее для себя, — мы в этот самый момент подвергаем безошибочному испытанию истинность или ложность наших чувственных восприятий». То-есть мы подвергаем проверке правильность или неправильность восприятия и то, соответствует ли наше восприятие представлению о вещи самой вещи или нет.

«Если эти восприятия были ложны, то и наше суждение о возможности использовать данную вещь необходимо будет ложно, и всякая попытка такого использования неизбежно приведет к неудаче. Но если мы достигнем нашей цели, если мы найдем, что вещь соответствует нашему представлению о ней, что она дает тот результат, какого мы ожидали от ее употребления,—тогда мы имеем положительное доказательство, что в этих границах наши восприятия о вещи и ее свойствах совпадают с существующей вне нас действительностью». Подводя итог этим высказываниям Энгельса, Ленин писал:

«Итак, — материалистическая теория, теория

отражения предметов мыслью, изложена здесь с полнейшей ясностью: вне нас существуют вещи. Наши восприятия и представления — образы их. Проверка этих образов, отделение истинных от ложных дается практикой». А Строгович и Гродзинский говорят: нет, это дается нам не практикой, а признаками, присущими этим вещам. Вещь сама по себе бывает ложной либо истинной. А Ленин говорит: необходима проверка образов — восприятие есть отражение существующей реальной вещи, а проверка этих образов, отделение истинных от ложных дается практикой.

Дальше В. И. Ленин приводит цитату, которая еще больше уточняет этот вопрос. «Человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания». «Абсолютную истину, — говорит И. Дицген в «Экскурсиях,—мы можем видеть, слышать обонять, осязать, несомненно также *познавать, но она не входит целиком* (geht nicht auf) в *познание*».

С некоторой поправкой Ленин в основном признает это правильным. «С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма,— говорит Ленин, — исторически условны *пределы* приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но *безусловно* существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней».

Ошибка агностиков в том, что они говорят: невозможно познать истину и поэтому невозможно приближение к ней. Мы, марксисты, говорим — вещи поддаются познанию, и это познание, возможно во всей полноте. Но это познание не в каждый данный исторический момент осуществляется, и не каждый человек этим познанием овладевает. Нам на это отвечают — вы должны провозгласить возможность не только познать полностью существующую вне человеческого сознания вещь, но вы должны признать, что всякое познание вещи есть полное познание и абсолютное познание. Это неправильно. Ленин говорит, что для диалектического материализма не существует непроходимой грани между относительной и абсолютной истиной. И добавляет: «Исторически условны контуры картины, но безусловно то, что эта картина изображает объективно существующую модель. Исторически условно то, когда и при каких условиях мы подвинулись в своем познании сущности вещей до открытия ализарина в каменноугольном дегте или до открытия электронов в атоме, но безусловно то, что каждое такое открытие есть шаг вперед «безусловно объективного познания».

Поэтому теория внутреннего убеждения не противоречит ни в какой мере диалектическому материализму как «науке о действительно реально существующем и доступном абсолютному познанию человека в реальном мире вещей». С точки зрения диалектического материализма познание вещи возможно лишь через использование этой вещи, через овладение этой вещью.

Применительно к области судебного процесса это означает, что познать в процессе истину можно, лишь овладев доказательствами, проанализировав доказательства, отбросив при помощи своего анализа ложное, использовав от него справедливое и истинное, использовав для своего решения то, что является истинным, то, что я (судья, прокурор, следователь) признаю истинным в данной конкретной форме. Только так можно мыслить этот процесс, иначе мыслить нельзя, иначе будет не диалектический, а механистический подход к вопросу, иначе будет не решение вопроса, а путаница.

При оценке доказательств неизбежны сомнения, колебания. Оценка доказательств — это особый и достаточно сложный, подлинно диалектический процесс, в котором не может не быть элементов скептицизма, релятивизма.

Напомню еще раз слова Ленина о том, что «Диалектика,—как разъяснил еще Гегель,— включает в себя момент релятивизма, отрицания, скептицизма, но не сводится к релятивизму. Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему, т. е. признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине» (т. XIII, стр. 112).

Если мы встанем на иную точку зрения, мы выхолостим из работы судьи ее живую душу, мы превратим тогда наш суд в канцелярию, мы лишим его живой, настоящей творческой жизни, отличающей наш советский суд от всякого другого суда и в частности от нашего дореволюционного суда. По этому поводу у Ленина есть немало исключительно ценных по своей гениальности мыслей. Я напомню статью Ленина о промышленных судах, в которой он говорит, что собою должен представлять судебный приговор, выносимый «не по формальным, а по жизненным основаниям». В этой статье вы найдете указания именно на то, от чего бегут, как чорт от ладана, наши «объективисты». Говоря о преимуществах для рабочих в условиях капитализма промышленных судов, Ленин писал: «Судьи-чиновники заботятся больше всего о том, чтобы дело было гладко по бумагам: только бы в бумагах было все в порядке, а больше ни до чего нет дела чиновнику, который стремится лишь получать свое жалованье и выслуживаться перед начальством. От этого так безобразно много бывает всегда в чиновничьих судах бумажной волокиты, сутяжничества и крючкотворства: написал как-нибудь не так в бумаге, не сумел когда следует занести в протокол—пропало дело, хотя бы и справедливое было дело» (т. II, стр. 560).

И дальше: «От судей-чиновников никогда нельзя ждать полной справедливости».

Это указание Ленина на обязанность суда решать дела по справедливости в высокой степени важно.

Но что значит решать дела по справедливости, да еще по «полной справедливости»?

Где критерий того, что дело решено справедливо? В теории формальных доказательств этим критерием считался ряд формальных признаков. Например, по делу об изнасиловании приговор считался вынесенным справедливо, когда установлено, что на изнасилованной было изорвано платье, — это один признак. Если изнасилованная криками своими звала на помощь — второй признак. Третий признак — когда она заявила об изнасиловании не позднее трех дней, и т. д. Только при этих условиях разрешалось выносить обвинительный приговор, и приговор считался справедливым.

Но так было при господстве теории формальных доказательств, а т. Строгович пытается (объективно, конечно) эту теорию воскресить.

В самом деле, какими объективными признаками определить, справедлив или несправедлив приговор? Отрицая внутреннее убеждение как критерий такой оценки, мы должны фактически стать на путь, ведущий к теории формальных доказательств. Ленин требует, чтобы судья решал дела справедливо. Как же обеспечить, чтобы было справедливо решено дело? Как добиться этого?

На примере промышленных судов Ленин показывает всю разницу самих методов деятельности судей-чиновников и судей промышленных судов, где половина состоит из выборных от рабочих.

Судья-чиновник заглянул в рабочую книжку, прочитал правила и больше слушать ничего не хочет: нарушено, дескать, правило, так и отвечай, а я больше знать ничего не знаю». Это формальный суд, суд по формальным признакам, по «объективным» доказательствам. «А выбранные судьи из хозяев и рабочих смотрят не на одни только бумажки, а на то, как дело в жизни бывает. Иногда ведь правила-то остаются преспокойно стоять на бумаге, а на деле выходит совсем иначе».

Вот, по Ленину, какова разница между судом, действующим по формальным («объективным», сказал бы т. Строгович) данным, и судом, действующим в соответствии со своим житейским опытом, правильно понятыми жизненными интересами, по своей совести.

Как же мы будем решать? Чем будем поправлять эти правила? Жизненным опытом, пониманием того, что хорошо для рабочего, а что плохо? Эти источники нужно искать в своем убеждении — больше негде. Здесь уместно сказать, что нравственность и право неотделимы друг от друга каменной стеной. Принципы нравственности и принципы права переплетаются. В праве сочетаются нравственные принципы, принципы справедливого, хорошего, прекрасного, идеального. Суд должен решать дела не по книге, а по своему опыту, знанию жизни, заботясь не об одном соблюдении формальных правил, а и о том, чтобы эти правила не пошли в ущерб интересам рабочего человека, трудящегося.

«От судей-чиновников никогда нельзя ждать полной справедливости», — писал Ленин. «Мы уже сказали, что эти судьи-чиновники принадлежат к буржуазному классу и наперед бывают предубеждены верить всему, что говорит фабрикант, и не верить словам рабочего». По теории Строговича и Гродзинского получается не так, как по Ленину. По Ленину, буржуазный судья верит тому, чему ему подсказывает верить его классовое сознание. Значит он действует по убеждению, если имеется убеждение, значит оно регулирует его деятельность; а если это так, следовательно, убеждение есть критерий оценки доказательств. А если это так, то куда же девать теорию объективизации доказательств?

Ленин говорит, что у судьи-чиновника доверие к словам фабриканта объясняется не ценностью этих слов фабриканта, а убеждением судьи, его классовым убеждением, классовым правосознанием, заставляющим этого судью верить фабриканту больше чем рабочему. По Строговичу, получается, что судья верит фабриканту не потому, что сам судья принадлежит к буржуазному классу, стоит с фабрикантом на позициях классовой солидарности, а потому, что слова фабриканта имеют «объективную ценность». Конечно, они имеют ценность, но кто их расценивает? Если судья, выбранный фабрикантами, то расценит как выгодно фабриканту; если рабочий — расценит как выгодно рабочему.

В другом месте, говоря о суде присяжных, — это прямо относится к вопросу о внутреннем убеждении, потому что отличительной особенностью суда присяжных является то, что вердикт суда присяжных является немотивированным.

Ленин писал: «Суд улицы ценен именно тем, что он вносит живую струю в тот дух канцелярского формализма, которым насквозь пропитаны наши правительственные учреждения. Улица интересуется не только тем, даже не столько тем, — обидой, побоями, или истязаниями будет признано данное деяние, какой род и вид наказания будет за него назначено, сколько тем, чтобы до корня вскрыть и публично осветить общественно-политические нити преступления и его значение, чтобы вынести из суда уроки общественной морали и практической политики. Улица хочет видеть в суде не «присутственное место», в котором приказные люди применяют соответственные статьи Уложения о наказаниях к тем или другим отдельным случаям, — а публичное учреждение, вскрывающее язвы современного строя и дающее материалы для его критики, а следовательно и для его исправления. Улица своим чутьем, под давлением практики общественной жизни и роста политического сознания, доходит до той истины, до которой с таким трудом и с такой робостью добирается сквозь свои схоластические путы наша официально профессорская юриспруденция» (т. IV).

Здесь не в бровь, а в глаз Ленин бьет по тем, кто пытается выбросить из нашего Уголовно-процессуального кодекса внутреннее убеждение как критерий оценки доказательств.

«По этой причине, — говорит Ленин, — и ненавидят — да и не могут не ненавидеть — суд улицы реакционные публицисты». Суд улицы — это есть суд присяжных, это есть суд, действующий по внутреннему убеждению.

Ленин учил нас строить работу суда так, чтобы не было формализма, чтобы была настоящая творческая жизнь. Вот почему Ленин требует:

«Не стеснять судью чрезмерно формальными определениями, предоставлять ему известный простор — это, конечно, очень разумное правило, и за это не раз уже хвалили русское законодательство и подчеркивали его либерализм наши профессора уголовного права». Какой же это либерализм нашего уголовного права в России, за который его хвалили некоторые профессора: Случевский, Фойницкий и другие, на которых обрушиваются Строгович и Гродзинский? Либерализм этот заключался в том, что являлось достижением того времени, что сводилось к господствовавшему в теории уголовного процесса того времени принципу внутреннего убеждения.

Но внутреннее убеждение в буржуазном суде — это лицемерие, это обман масс, потому что внутреннее убеждение предполагает свободного судью и действительную общественность в суде, мобилизацию этой общественно-

сти вокруг судебного дела. «Они забывали при этом только ту мелочь, — писал Ленин, разоблачая лицемерие либералов, — что для применения разумных постановлений нужен судья, не сведенные на положение простых чиновников, нужно участие представителей общества в суде и общественного мнения в обсуждении дела». Именно при этих условиях, т. е. когда у нас судьи не чиновники, а сами трудящиеся, выборные представители трудящихся, когда общественные элементы в наших судах полностью представлены, когда обеспечено участие общественного мнения в обсуждении судебного дела, нужно меньше ненужных, бумажных формальностей, нужно больше простора, больше свободы убеждения, больше возможности свободно выразить это убеждение в действительно свободном судебном приговоре.

Говорят: внутреннее убеждение не есть критерий оценки доказательств, ибо внутреннее убеждение само обусловлено доказательствами. Ценность доказательства объясняется теми качествами, которые принадлежат этому доказательству. Но судебные доказательства — это люди, это факты, это вещи. Люди, вещи и факты, которые, разумеется, имеют свои качества, свое значение, свою ценность независимо от того, как об этих фактах, вещах и людях кто-нибудь думает. Несомненно, внешний мир, вещи не зависят от моего представления о них. Но они производят на нас какое-то впечатление, оставляют какие-то следы в нашем сознании. Именно из этих «восприятий и представлений» и складывается убеждение, уверенность, что я правильно решаю, когда решаю дело так, а не иначе. И голос, который говорит судье: это верно, ты правильно решил, — это голос его внутреннего убеждения, который определяет в конечном счете ценность и значение всех доказательств и всего процесса в целом.

Это внутреннее убеждение, конечно, наполнено классовым содержанием, и наша задача, во-первых, научно ставя вопрос, показать, как и в чем конкретно в истории буржуазного суда внутреннее убеждение отражало классово эксплоататорские интересы. Можно было бы, изучая работу суда присяжных, как это делал Миттельмайер, сказать, что не случайно суд присяжных выносит оправдательные приговоры, например, по делам об абортах, тогда как по делам о хищении имущества суд присяжных почти не выносит оправдательных приговоров. Надо же дать ответ на этот вопрос: почему суд по делам одной категории выносит преимущественно оправдательные приговоры, а по делам другой категории оправдательного приговора не дождешься? Почему по делам, связанным с хищением имущества, принадлежащего частным лицам, преобладают обвинительные приговоры, а дела, связанные с изгнанием плода, как правило, заканчиваются оправдательными приговорами? Объяснение этих фактов надо искать в правосознании господствующего класса, интересы которого определяют содержание и экономической и судебной политики, откладывающей в сознании людей и в частности судей свои требования, на основе которых и формируется то, что мы называем внутренним судейским убеждением.

Если мы признаем, что в основе приговора каждого судьи лежит господствующее в данном обществе правосознание, то мы должны будем признать, что в основе каждого приговора судьи лежит его внутреннее убеждение, являющееся конкретизацией в данном судебном деле этого самого правосознания.

Роль правосознания в деятельности судебных и следственных и прокурорских органов огромна. Огромна и роль социалистического правосознания в работе советской юстиции, хотя было время, когда ставилось под сомнение самое существование социалистического правосознания. Я напоминаю вам, как в первые годы нашей революции П. И. Стучка прямо отрицал у нас наличие социалистического правосознания. В 1922 г. он писал, что «революционное правосознание, провозглашенное нами, не имело такого классового содержания, которое мы вкладываем в эти слова ныне». «Мы тогда не говорили «классовое правосознание», да у нас тогда этого понятия и не было», — писал т. Стучка. «Мы говорили, что это правосознание все еще остается, к сожалению, слишком буржуазным».

Таким образом т. Стучка считал, что у нас в начале революции не было даже классового, пролетарского, не говоря уже о социалистическом, правосознания.

Характеризуя этапы развития советского права, П. И. Стучка утверждал, что «под революционным социалистическим правосознанием скрывалось в значительной степени то же буржуазное правосознание, ибо иного правосознания ни в «природе», ни в человеческом представлении еще не существовало, а самое понятие «правосознания» П. И. Стучка рассматривал как заимствованное у Петражицкого. Это абсолютно неверно.

Никак нельзя согласиться с тем, что в первый период революции мы ограничивались тем, что заимствовали формы права у буржуазии и не наполнили их своим новым содержанием. Вы по-новому применяли эти формулы к новым задачам, поставленным перед нами Великой пролетарской революцией. Поэтому мы и говорили, что старые буржуазные законы имели силу лишь постольку, поскольку они не противоречили нашей партийной программе. Стучка здесь жестоко ошибается. Когда Ленин писал в своей известной статье «Как организовать соревнование»: «Богатые и жулики это две стороны одной медали. Это два главные разряда паразитов, вскормленных капитализмом, это главные враги социализма, этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться, при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества, беспощадно», то, конечно, Ленин говорил тогда о новом революционном пролетарском правосознании, требовавшем беспощадной борьбы с паразитами и эксплоататорами, что никак нельзя смешивать с «буржуазным правосознанием», требовавшим защиты частного собственника, защиты эксплоататоров и эксплоатации.

Ленин в самые первые дни революции говорил, что нужно беспощадно расправляться с нарушителями правил и законов нашего социалистического общества. Это он говорил в 1918 г. и тем самым, конечно, требовал от нас социалистического подхода к делу. А П. И. Стучка говорит, что у нас не было никакого понятия о социалистическом правосознании. Когда Ленин в записке Д. И. Курскому (1924 г.) писал, что мы должны «применять не corpus

juris romani к гражданским правоотношениям» (т. XXIX, стр. 419), а наше революционное правосознание, то, конечно, он говорил о новых правовых понятиях, но ничего общего с буржуазным правом не имеющих.

П. И. Стучка смешал форму буржуазного права с содержанием, которое сама жизнь ввовдила в эту форму, ломая старину и воодушевляя нас на борьбу на наше дело, за новую социалистическую жизнь.

На XI съезде партии Ленин говорил, что у нас судья должен знать, что мы допускаем и что такое госкапитализм, что такое наша государственная политика.

Советский судья должен знать, что допустимо в советском государстве, против чего ведется борьба; он должен знать и действовать в соответствии с задачами и интересами нашей борьбы; он должен знать, должен иметь социалистическое правосознание, определяющее все направление борьбы, все отношения к действительности, к паразитам, жуликам и тунеядцам, к врагам социалистической собственности, ко всем, кто пытается расшатать социалистический порядок. Но ведь вести эту борьбу можно только с точки зрения правильного понимания наших основных задач, с точки зрения правильного отношения к действительности, на основании и исходя из нашего социалистического правосознания.

Что такое социалистическое правосознание?

Социалистическое правосознание — это социалистическое сознание в области права, социалистическое представление о задачах социалистического строительства и социалистической борьбы. Это сознание не отвлеченно; оно конкретно, оно является результатом новых экономических и общественно-политических отношений, созданных в нашей стране в результате победы Октябрьской революции и последующих успехов социализма. Социалистическое правосознание питает наши силы для реальной жизненной борьбы. Поэтому нашу борьбу нельзя отделять от социалистического правосознания. Это свет, который освещает каждый шаг нашей жизни и нашей деятельности. С точки зрения социалистического правосознания мы оцениваем факты, оцениваем явления действительности, определяем наши позиции в борьбе за наши идеалы и против наших врагов. Если с точки зрения нашего правосознания мы избираем формы и методы нашей борьбы, то можно ли исключить из этого правосознания ту важнейшую часть, которой является внутреннее убеждение того или другого судьи по данному, конкретному, судебному делу? Это абсолютно неверно. Поэтому непоследовательны проф. Строгович и проф. Гродзинский, признающие социалистическое правосознание почвой, на которой стоят наши судьи и наша судебная деятельность, но отрицающие внутреннее убеждение или отводящие этому внутреннему убеждению такое подчиненное место, которое в сущности сводит его роль и значение на нет. Мы не можем обойтись без социалистического правосознания в нашей работе. Правосознание всегда и во всех государствах является определяющим все направление судебной политики. В государствах, где господствует буржуазная идеология, господствует буржуазное правосознание, определяющее собой линию судебной политики, психологию буржуазного судьи, пропитанного духом частной собственности и эксплоатации. И поэтому вся линия буржуазной политики в буржуазном суде соответствует этой психологии.

Разоблачая плоскую и пошлую философию Энгельс, в Анти-Дюринге писал: «В то время как он воображает, что составляет нравственное и правовое учение для всех миров и времени, он в действительности вырабатывает оторванное от реальной почвы, искаженное, как бы поставленное на голову, словно в вогнутом зеркале, отражение консервативных или революционных течений своего времени».

Судебная политика, судебная работа не могут быть оторвана от соответствующей идеологии. Следовательно, идеология определяет деятельность судьи, она определяет его отношение к действительности, к фактам, подсказывает, чему верить, чему не верить, что признавать и что отвергать. Именно поэтому возможен был такой позорный процесс, как процесс о поджоге рейхстага, где суд признавал то, что нельзя было признать, и отрицал то, что нельзя было отрицать. Это определяет вопрос, где основные источники, определяющие направление судебной политики. Эти основные источники лежат в общеправовых взглядах данного государства, данного общества, т. е. господствующего в данном обществе класса, выступающего по праву или без всякого права — это зависит от того, о каком обществе идет речь, — от имени всего этого общества. Вот почему в социалистическом обществе социалистическое правосознание определяет направление и характер всей нашей судебной политики. «Внутреннее убеждение» социалистического суда—это форма выражения социалистического правосознания. Одно неотделимо от другого.

Мы говорили до сих пор о судебных доказательствах. Но «внутреннее убеждение» обнаруживает все свое значение и в других стадиях процесса. Доказательства оценены, вина подсудимого установлена. Суд должен сделать следующий шаг. Сказавши: «виновен», суд сделал только половину дела. Другая половина, не менее важная для государства и для подсудимого, — определить свое отношение к преступнику, определить наказание.

При определении наказания чем должен руководствоваться судья? Определяя по статьям закона год, пять или десять лет тюрьмы, чем должен руководствоваться судья? Только своим внутренним убеждением, только своим социалистическим правосознанием. Еще сложней становится вопрос, когда нам приходится применять аналогию. Как можно применить аналогию, исходя из признаков чисто формального порядка? Аналогию можно применить тогда и в том случае, если по допустимым в законе признакам сходства судья приходит к убеждению, что это явление оказывается преступным, хотя и необозначенным в кодексе и требующим уголовного наказания. Поэтому определение наказания, практическое применение аналогии, определение необходимости смягчить наказание или усилить наказание это целиком и полностью относится к области внутреннего судейского убеждения. Тот, кто не понимает этого, тот обнаруживает недооценку самого значения социалистического правосознания, как бы он не клялся тем, что он от этого социалистического правосознания не отказывается.

И последний вопрос. К чему ведет отказ от

внутреннего судейского убеждения как критерия, как способа оценки доказательств? Несомненно, этот отказ от внутреннего судейского убеждения ведет к сужению творческой деятельности судьи, а это неизбежно должно повлечь за собой внесение в такую важную и такую сложную область судейской работы, которая заключается в оценке доказательств, признаков формального порядка, которые связывают волю и деятельность судьи. Это положение стоит в прямом противоречии с требованиями нашей эпохи. Мы стоим и больше, чем когда бы то ни было должны стоять, за твердый и непреклонный советский закон, за такой закон, который с максимальной ясностью, но с достаточной твердостью излагает требования, с которыми обращается советское государство и советская власть ко всему населению нашей страны.

Мы не должны допускать какой-то разболтанности ни в тексте закона, ни в самом отношении к закону. Мы стоим на такой высоте, мы достигли такого уровня развития нашего социалистического, подлинно культурного развития, когда мы должны наше законодательство построить на принципиальных основах, исключающих какой бы то ни было произвол, исключающих какую бы то ни было опасность колебания твердости и непреклонности наших советских законов. Одна из величайших особенностей проекта новой Конституции заключается в стремлении придать больше устойчивости, больше стабильности, отчетливости, организованности отправлению таких важнейших функций государственного управления, как законодательство и суд.

Мы должны всю работу наших судов поставить в такие условия, когда судья, руководствуясь своим социалистическим правосознанием, своей социалистической совестью, т. е. правильным пониманием задач и целей борьбы за построение нашего коммунистического общества, имел бы право действовать так, как ему подсказывает это его свободное социалистическое убеждение, не опасаясь того, что это его решение будет отменено или сломано по тем или иным основаниям вышестоящей судебной инстанцией, расценившей иначе чем первая инстанция, те или иные факты и доказательства. Это не исключает необходимости борьбы за высокое качество судебной работы. Больше того, если мы предоставляем суду определенную свободу в оценке фактов и доказательств, не связывая судью заранее установленными, формальными требованиями, мы возлагаем на судью большую ответственность за содержание и качество его работы. Иначе говоря, чем свободнее судья в оценке явлений, доказательств, тем он должен быть лучше подготовлен к тому, чтобы уметь пользоваться этой свободой. Мы должны поэтому потребовать, чтобы судьями у нас были люди, с достаточно жизненной и политической подготовкой. Мы должны поставить своей задачей подготовку наших судей именно в этом направлении. Не может быть хорошего суда без хорошего судьи. Было бы тщетно думать, что можно создать какие-то правила, которые смогут обеспечить нам высокую политическую ценность работы суда, если сам судья не будет стоять на высоте политических и юридических требований, которые мы должны предъявлять к нему. Суд — не аптека, где приготовляются лекарства по заранее и точно выписанным рецептам, где ничего нельзя прибавить или убавить, где ни в чем нельзя отступить от врачебного предписания. Суд имеет дело с таким многообразием индивидуальных особенностей, которые нельзя предусмотреть ни в каких заранее установленных правилах или предписаниях. Суд поэтому должен быть максимально свободен в оценке доказательств. Поэтому нужно решительно возражать против попытки вычеркнуть из уголовного процесса сначала термин «внутреннее убеждение», а затем и самое «внутреннее убеждение», а затем, может быть, и все социалистическое правосознание и поставить вместо него какую-то «объективизацию» доказательств. Это может привести и неизбежно приведет к ослаблению политической и нравственной ответственности судьи. Наша страна подошла уже сейчас к тому исключительному подъему социалистической культуры, опирающемуся на уже решенную в основном задачу построения бесклассового социалистического общества, когда нельзя удовлетворяться старыми условиями и методами работы суда. В нашем обществе уже сейчас нет классов в старом смысле этого слова. У нас все больше и больше стираются грани между классами и наше общество все более и более становится обществом свободных людей. Наше общество состоит из свободных граждан. А нам в это время говорят, что в области судебной деятельности мы этого свободного гражданина должны лишить свободы «внутреннего убеждения». Если мы так поставим вопрос, то мы суд наш не поднимем на должную высоту, а, наоборот, потащим его назад, понизим чувство и политической и моральной ответственности судей.

Тов. Строгович полагает, что отказ от принципа внутреннего убеждения как критерия оценки доказательств улучшит работу нашего суда, ибо судья будет предоставлен не самому себе, а будет стоять под руководством каких-то правил, которые т. Строгович еще не придумал, но в непродолжительном времени должен, очевидно, придумать, но точно так рассуждали творцы теории формальных доказательств, вдребезги провалившейся в свое время. Мы хотим предоставить судье возможно больший в наших условиях простор судебной оценки доказательств, чтобы он умел лучше понимать и применять советский закон по своему убеждению и по своей социалистической совести, в соответствии с нашими пониманием задач советского правосудия, которое стоит на страже охраны советского государства, социалистического строительства, всех трудящихся, всех граждан нашей великой, счастливой и радостной страны. Мы не можем допустить, чтобы наш судья был превращен в чиновника, лишенного права решать данное дело по своему убеждению. Если мы требуем от каждого служащего величайшей политической сознательности и ответственности, которая его глубокой пропастью отделяет от старых чиновников, этих людей двадцатого числа, то в отношении советского судьи, занимающего особо ответственный пост на нашем политическом фронте, мы это требование ответственности и политической сознательности должны предъявлять в максимальной степени. Надо предоставить судье на основе закона, в соответствии с законом решать судебные дела по своему социалистическому внутреннему убеждению.

АНТОНОВ - САРАТОВСКИЙ

Советский суд в свете новой Конституции

Проект Великой Сталинской Конституции Союза ССР является не только всемирно-исторической хартией, отражающей победу социализма в нашей стране, но и могучим двигателем дальнейшего развития и углубления социалистических отношений.

Сохраняя глубочайшую связь с советскими конституциями прошедших этапов пролетарской диктатуры, проект новой Конституции, в соответствии с изменившимися экономическими, политическими и культурными условиями, дает новые исходно-опорные пункты для дальнейшего поступательного шествия социализма по пути к коммунизму во всех областях жизни и в частности в области задач, организации и методов работы судебных органов.

Товарищ Сталин, говоря о формах и методах пролетарской диктатуры, указывал, что «диктатура пролетариата имеет свои периоды, свои особые формы, разнообразные методы работы. В период гражданской войны особенно бьет в глаза насильственная сторона диктатуры. Но из этого вовсе не следует, что в период гражданской войны не происходит никакой строительной работы. Без строительной работы вести гражданскую войну невозможно.

В период строительства социализма, наоборот, особенно бьет в глаза мирная, организаторская, культурная работа диктатуры, революционная законность и т. д. Но из этого опять-таки вовсе не следует, что насильственная сторона диктатуры отпала или может отпасть в период строительства. Органы подавления, армия и другие организации необходимы теперь, в момент строительства, также, как в период гражданской войны. Без наличия этих органов невозможна сколько-нибудь обеспеченная строительная работа диктатуры. Не следует забывать, что революция победила пока что всего в одной стране» [1]).

Новая Конституция не «отменяет» рабочей диктатуры, как думают некоторые, в особенности заграничные, умники. Рабочий класс, в силу своей организаторской роли в производстве, в обществе, в силу того колоссального авторитета, который он завоевал за истекшие годы во всех слоях трудящихся нашей многонациональной страны, продолжает осуществлять свою диктатуру, свою гегемонию, свое руководство. Рабочая диктатура — основное условие организации нашего народа в единый, монолитный социалистический коллектив. «Союз ССР есть социалистическое государство рабочих и крестьян», руководящая роль в котором принадлежит рабочим не в силу каких-либо преимуществ, установленных для них в законе, а в силу вышеуказанного непререкаемого авторитета.

Современная форма рабочей диктатуры не исключает принудительного воздействия государственных органов, а в необходимых случаях — и подавления. Ибо не следует забывать, во-первых, что наша социалистическая страна находится в капиталистическом окружении, а в этом окружении наиболее непримиримые империалистические группы буржуазии готовят против нас войну и пытаются всеми доступными им средствами дезорганизовать нашу внутреннюю работу; что, во-вторых, — наряду с примирившимися и честно работающими людьми из бывших эксплоататорских классов у нас еще имеются озлобленные, яростно борющиеся, хотя и социально бессильные, последыши этих классов, а также последыши разбитых групп старых контрреволюционных партий и контрреволюционных организаций, вроде троцкистско-зиновьевско-каменевской оппозиции, что, в третьих, — в среде трудящихся (даже рабочих) имеются отсталые слои, зараженные в той или иной степени пережитками капитализма, а также люди развращенные и разложившиеся, смыкающиеся с прямыми врагами социалистического государства.

Поэтому всякие разговоры о том, что в нашей стране классовая борьба «отпала», «отменена», являются грубым непониманием положения и могут привести к снижению бдительности и к другим весьма вредным последствиям. Однако формы и методы классовой борьбы меняются. Если в эпоху гражданской войны, ожесточенной борьбы с кулачеством, пролетарская диктатура должна была применять метод подавления не только против «более могущественного врага, против буржуазии, сопротивление которой удесятерено ее свержением» [2]), не только против озверелого кулачества, но и против некоторых слоев колеблющихся, которые в труднейшие моменты борьбы примыкали к врагам и тем увеличивали их силу, то теперь, когда эксплоататорские классы ликвидированы, когда на первый план выдвигается великая задача социалистического перевоспитания и воспитания, мы переходим главным образом к методу убеждения, причем, как это неоднократно подчеркивал тов. Ленин, метод убеждения не исключает, а предполагает и применение, в определенных условиях, принуждения, необходимого потому, что люди лишь «постепенно привыкнут к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, без особого аппарата для принуждения, который называется государством» [2]. Метод подавления, как наиострейшая форма принуждения, также остается, но уже не как основной, а как дополнительный, направляемый против злостных врагов народа и наиболее тяжких преступников.

Сказанное об изменении в методах современной рабочей диктатуры целиком и полностью относится и к такому органу власти, как наш советский суд.

В эпоху ожесточенной классовой борьбы советский суд был прежде всего органом подавления классовых врагов, теперь он должен стать прежде всего органом принудительного дисциплинирования, воспитания.

Суд советского социалистического государства должен ставить своею целью охрану за-

---

[1]) Сталин, «Вопросы ленинизма» стр. 113, изд. 10-е.

[2]) Ленин, т. XXI, стр. 431.

воеваний социализма и воспитания к социалистической дисциплине, социалистическому общежитию средствами принуждения, указанными в законе, тех граждан. которые не освободились от пережитков капитализма в своем сознании, и вследствие этого совершают преступления против личности и государства или нарушают имущественные права граждан или общественных и государственных органов.

Вместе с тем, до тех пор, пока на территории Союза ССР будут иметь место социально опасные преступления враждебных элементов из бывших эксплоататорских классов или их агентуры, а также заграничной агентуры, советский суд в отношении их будет оставаться органом решительного подавления.

Проект новой Конституции определяет основные экономические и политические устои социалистического государства — родины трудящихся. Эти устои охраняются всеми гражданами, всеми государственными и общественными органами, в том числе — судом.

Суд должен: охранять родину, беспощадно подавляя измену во всех ее видах; охранять социалистическую собственность от расхитителей, воров, жестко наказывая их, лишая их политических прав и объявляя их врагами народа; охранять право колхозов на вечное пользование землей; охранять личное имущество граждан, как результат не эксплоататорской наживы, а честного труда на базе социалистической собственности; охранять жизнь и здоровье граждан, применяя к убийцам самую суровую репрессию, чтобы искоренить это чудовищное в условиях социализма преступление; охранять права, честь и достоинство женщин, решительно борясь с отвратительными пережитками эксплоататорского прошлого суд должен охранять указанные Конституцией экономические и политические права граждан независимо от пола, от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, строго наказывая за нарушение этих прав; суд должен стоять на страже равноправия граждан независимо от их национальности и расы во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни нашей страны, в корне пресекая, согласно закона, какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой или национальной принадлежности, а равно и всякую проповедь расовой или национальной исключительности или ненависти и пренебрежения: суд должен стоять на страже соблюдения государственной и общественной дисциплины,—честного исполнения долга и уважения к правилам социалистического общежития.

Эти величайшие по важности задачи суда поднимают автоитет судебной власти и ее носителей — судей, на небывалую в истории высоту.

И именно поэтому проект новой Конституции, уделяя суду (и прокуратуре) целую главу, устанавливает три важнейших положения: во-первых, полную независимость суда и подчинение его только закону, — «судьи — гласит Конституция — независимы и подчиняются только закону (ст. 112)», во-вторых, выборность судов всех степеней, причем основной суд, «единый народный суд» избирается на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права при тайном голосовании; в-третьих, — равенство судебной власти с другими формами власти, что выражается в способе выборов: народные судьи и народные заседатели избираются также как депутаты в Советы; судьи краевые, областные и автономных областей избираются соответствующими советами также как исполнительные органы последних; члены верховных судов автономных, союзных республик и члены Верховного суда Союза ССР избираются также как наркомы и другие высшие должностные лица. Это значит, что ни один административный орган, никакой нарком, не может вмешиваться в работу судьи по осуществлению им социалистического правосудия. Это значит, что Конституция (основной закон) защищает социалистический суд от какого то ни было постороннего влияния.

Она устанавливает лишь внутри судебной системы — надзор Верховного суда Союза ССР за деятельностью всех судебных органов Союза ССР и союзных республик и тем самым дает пример будущим конституциям союзных и автономных республик в отношении республиканских верховных судов, которые также должны иметь право надзора за деятельностью судов своей республиканской судебной системы. В чем же суть надзора Верховного суда Союза ССР. Исходя из определения надзора, данного товарищем Сталиным на XVII партсъезде, и применяя его к особенностям судебной работы, мы неизбежно должны притти к выводу, что надзор Верховного суда СССР должен заключаться, во-первых, в отмене и исправлении ошибочных, не отвечающих закону и обстоятельствам дела, не отвечающих социалистическому правосудию, приговоров, определений и решений нижестоящих судов, во-вторых, в принятии и разрешении кассационных жалоб и жалоб в порядке надзора на приговора, определения и решения верховных судов союзных и автономных республик, в-третьих, — в проверке судебной работы на местах, и в-четвертых, — в изучении и обобщении судебной практики (а тем самым политики) судов и в даче им развернутых указаний в направлении исправления выявленных недочетов судебной деятельности. Отсутствие хотя бы одной из этих необходимых сторон надзора обессиливает его, делает неповоротливым, извращает его и из живого, оперативного превращает в пассивный. И кроме этого надзора всякое иное воздействие других государственных органов будет находиться в противоречии с тем положением, что судьи подчиняются только закону.

Также четко Конституция устанавливает права прокуратуры, причем ст. 113 целиком отвечает той мысли товарища Ленина, которую он развил для Политбюро в известном письме к товарищу Сталину, а именно:

«в отличие от всякой административной власти прокурорский надзор никакой административной власти не имеет и никаким решающим голосом ни по одному административному вопросу не пользуется. Прокурор имеет право и обязанность делать только одно: следить за установлением действительно единообразного понимания законности в респуб-

лике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким-бы то ни было местным влияниям. Единственное право и обязанность прокурора передать дело в суд» [1].

Таким образом прокуратура также представляет независимую систему, с тем, однако, отличием, что прокуроры призываются к исполнению своих обязанностей путем назначения сверху до низу.

Кроме установления судебной и прокурорской системы Конституция устанавливает в системе республиканских и союзных исполнительных органов — наркоматов, — Наркомат юстиции. Его взаимоотношения с судебной системой и прокуратурой потребуют весьма тщательного уточнения, ибо ни прокуратура, ни тем более суд не могут находиться в подчинении у исполнительного административного органа, наркомата, подобно тому, как это имеет место в буржуазных странах, где министры юстиции назначают, скажем, судей.

Из изложенного мы видим, как велика забота Конституции о правосудии и его носителях и как высоки обязанности судьи в нашем государстве.

Судья—хранитель устоев социализма, судья—воспитатель людей к социалистической дисциплине и к социалистическому общежитию, судья — карающая рука социалистического государства, социалистического народа, обрушивающая свои меткие, беспощадные удары на врагов народа, врагов государства.

Эти обязанности требуют от каждого судьи высокого нравственного и политического уровня, достаточного знания законов и юридической техники.

Наш судья должен уметь политически правильно и юридически грамотно применять в судебном процессе, в приговоре, определении или решении законы своего государства, т. е. правильно, со знанием проводить судебную политику социалистического государства в каждом конкретном судебном деле. Глубоко усвоив, что в нашей стране самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, что ценность человеческой личности у нас поднята на огромную высоту, судья не должен допускать осуждения ни одного невинного человека, или такого, вина которого должна быть разрешена в порядке должностного или общественного воздействия. И не только не допускать, но и возбуждать преследование против тех, кто предъявляет в суд или по небрежности к человеку, или заведомо-необоснованное обвинение.

В охране жизни, здоровья, чести и достоинства граждан, в охране их прав, судья должен осуществлять правосудие независимо от социального (классового) происхождения и прошлой деятельности, независимо от расы, национальности и так далее потерпевшего. Судья должен оказывать судебную защиту всем гражданам без исключения. Но вместе с тем, в отношении преступников, посягающих на советский правопорядок, судья должен выявлять всесторонне и с исчерпывающей полнотой лицо обвиняемого, чтобы народ знал тех, кто посягает на его счастливую жизнь, на установленный им государственный и общественный порядок.

Памятуя свою воспитательную роль, судья должен, в зависимости от характера преступлений, от характера личности преступника, умело применять все те средства принуждения, которые установлены законом для того или иного вида преступлений.

Правильное применение мер наказания обеспечивает снижение преступности, неправильное — как в сторону ненужной мягкости, так и в сторону ненужной жесткости — не только затрудняет борьбу с преступностью, но может вызывать повышение преступности, т. е. в корне будет противоречить задачам социалистического суда.

В. И. Ленин в том же, уже цитированном, письме к товарищу Сталину писал, что судебная власть «обязана, с одной стороны, абсолютно соблюдать единые, установленные для всей федерации законы, а с другой стороны, обязана при определении меры наказания учитывать все местные обстоятельства, имеющая при этом право сказать, что хотя закон несомненно был нарушен в таком-то случае, но такие-то близко известные местным людям обстоятельства, выясняющиеся на местном суде, заставляют суд признать необходимым смягчить наказание по отношению к таким-то лицам, или даже признать таких-то лиц по суду оправданными».

Умелая, гибкая судебная тактика в применении разнообразных мер наказания — залог успеха воспитательной деятельности судьи. А между тем именно в этой области у многих судей еще крепко живут пережитки прошлого упрощенства. Верховному суду Союза ССР и верховным судам союзных республик придется много поработать, чтобы произвести здесь необходимый перелом и научить правильно применять те или другие меры наказания.

Наконец, в быту судья должен завоевать себе такое морально-политическое положение, такой общественный авторитет, при котором бы граждане видели в нем справедливого и всегда готового помочь им представителя социалистического народа и государства, — лучшего человека среди граждан.

Разумеется, в связи с новым положением и новыми задачами суда должны быть завершены и подняты до соответствующего уровня как постановка обучения кадров, так и материальные условия работы органов юстиции, материально-бытовое обеспечение судебных работников.

Конституция обеспечивает работу суда как никогда.

Товарищи, занимающие в настоящее время должность судьи, должны уже теперь переподготовить себя так, чтобы быть достойными всенародных выборов, быть достойными осуществлять правосудие в социалистическом государстве.

Наш народ, наше государство, под гегемонией рабочего класса, под руководством нашей партии во главе с мудрым учителем и вождем народов товарищем С т а л и н ы м, стали светочем трудящегося человечества. Достигнем же того, чтобы социалистическое правосудие стало светочем истинного, человеческого правосудия.

---

[1] Письмо напечатано 3 апреля 1925 г. в «Правде» № 91.

М. С. СТРОГОВИЧ

Вопросы уголовного процесса и новая Конституция

I.

Проект новой Конституции СССР вопросам юстиции, осуществлению правосудия в нашей стране, уделяет большое внимание, посвящая этим вопросам главу IX.

Самое демократическое в мире государство будет иметь самый демократический в мире суд.

Государство бесклассового социалистического общества, всенародное государство трудящихся будет иметь подлинный народный суд, самый справедливый, самый правосудный. Основное, что имеется в проекте Конституции по вопросам суда — это следующее: 1) Отправление правосудия присваивается только суду, только судебные органы имеют право выполнять судебные функции (ст. 102). 2) Судьи объявляются независимыми от других органов власти и подчиняются только закону (ст. 112). 3) Судьи основного звена советской судебной системы — народные судьи избираются непосредственно населением, гражданами на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании (ст. 109). Таким образом проект Конституции устанавливает в отношении суда принципы, которые в теории судебного права обычно называются: **исключительность и полнота судебной власти и независимость суда.** Эти принципы, прокламируемые буржуазными конституциями демократического типа, были боевыми лозунгами буржуазии в ее борьбе с феодализмом, но превращались в лицемерные фразы, в пышную и соблазнительную маскировку подлинной классово-угнетательской сущности и роли буржуазного суда, когда буржуазия пришла к власти и политически завершила свое господство. О какой исключительности и полноте судебной власти можно говорить в отношении буржуазного государства, когда массовые внесудебные репрессии и административная расправа вытесняют суд, отводят его на старый план?

О какой независимости судей буржуазного государства можно говорить, когда на службе «денежного мешка» (Ленин) находятся эти судьи и когда открывается целый поход на суд с участием присяжных заседателей, вообще ликвидированный в странах фашистской диктатуры (Германия, Италия)? Конечно, надо иметь в виду существенное различие в положении суда в странах фашистской диктатуры и в странах, сохранивших буржуазно-демократические формы.

Борьба за сохранение остатков буржуазно-демократических свобод должна включать в себя и борьбу за расширение судебной компетенции за счет устранения внесудебной репрессии, борьбу за сохранение относительной самостоятельности суда, его независимости в каких-то пределах от всевозможных внесудебных влияний со стороны магнатов капитала, реакционных клик, закулисных махинаций и инсценировок.

Но о действительной независимости суда можно говорить только применительно к народному социалистическому государству. Только здесь судьи трудящихся, облеченные доверием последних, беззаветно преданные делу социализма, могут осуществлять правосудие свободно и независимо, так, как им подсказывает это и социалистическая совесть и социалистическое правосознание.

Замечательный проект новой Конституции, выработанный под непосредственным руководством товарища Сталина, по-новому ставит вопросы о разграничении функций государственной власти, о размежевании полномочий и компетенций органов государственной власти. Проект Конституции устанавливает, что законодательная власть осуществляется только Верховным советом СССР и Верховными советами союзных республик (ст.ст. 32 и 59); Совнарком СССР, Совнаркомы союзных республик и Народные комиссариаты являются органами исполнительными и распорядительными (ст.ст. 64, 73, 79, 85); правосудие осуществляется судебными органами — от Верховного суда СССР до народного суда (ст. 102). Здесь есть внешнее (по форме) сходство с классической теорией деления властей в государстве на законодательную, исполнительную и судебную власти. Дело здесь в том, о чем говорил тов. В. М. Молотов в своем докладе об изменениях Конституции на VII Всесоюзном съезде советов: «Если буржуазии в странах капитала приходится теперь оплевывать то, что записано в качестве лучших достижений буржуазного государства в ее же учебниках, в ее же литературе и общественной науке, то советская власть берет все лучшее в развитии современных государств и смело воплощает в жизнь в интересах трудящихся».

Всем ясно, что здесь речь идет не о буржуазной теории разделения властей, накануне буржуазной революции исторически сыгравшей роль своеобразного классового компромисса восходящей буржуазии и дряхлевшего, но не сдавшего своих позиций дворянства, а позднее воспринятой буржуазными конституциями как основной элемент буржуазно-демократической формы государственного устройства. Но этот принцип может иметь и другое значение — четкое разграничение отдельных функций государственной власти, точное определение компетенции отдельных органов власти и их взаимоотношений, законодательство, как деятельность, осуществляемая непосредственно избранными депутатами народа, подзаконность других органов власти, независимость суда при решении судебных дел от всевозможных посторонних влияний, и, следовательно, самостоятельность и авторитетность его решений. Это действительно прекрасные принципы, извращаемые и лицемерные в буржуазном эксплоататорском государстве, но плодотворные и реальные во всенародном социалистическом государстве рабочих и крестьян.

II.

Проект Конституции создает самый демократический, самый справедливый, самый независимый суд в мире. Но суд — острейшее орудие государственной власти, в максималь-

ной степени концентрирующее в своей деятельности функции принуждения в отношении людей, граждан. Особенно сильно проявляется эта насильственная, принудительная сторона деятельности суда в области разрешения уголовных дел, где суд судит обвиняемых в совершении преступлений лиц, решает вопрос о их виновности и к виновным применяет меры наказания.

Эта деятельность суда затрагивает самые существенные интересы граждан, от решения суда по уголовным делам, от судебных приговоров зависит честь, свобода и достоинство, иногда сама жизнь гражданина, и эта деятельность должна быть обставлена рядом условий, гарантирующих правильность решений суда, обоснованность привлечения к уголовной ответственности и справедливость осуждения преданных суду лиц. Эти условия определены и гарантированы **уголовно-процессуальными нормами,** составляют существенный элемент той области правового регулирования, которая носит название **уголовного процесса.**

Проект Конституции выдвигает ряд признаков, положенных в основу советского уголовного процесса, и из него вытекает ряд требований, которые должны быть реализованы в области уголовного процесса для того, чтобы суд мог осуществить поставленные перед ним задачи.

Общим местом для почти всех учебников и курсов уголовного процесса буржуазных авторов является положение, что в уголовном процессе сталкиваются две противоборствующие тенденции, два противоречивых интереса: интерес целого, государства, требующий беспощадной расправы с преступником, чтобы ни один виновный не избег наказания, и интерес индивида, личности, требующий, чтобы тщательно были взвешены данные дела и чтобы невиновный не пострадал незаслуженно. Старые теоретики-процессуалисты XIX века обычно перевес давали этому последнему интересу — личности обвиняемого, придавая своим конструкциям определенно либерально-индивидуалистическую окраску. Новейшие теоретики либо ограничиваются констатацией непримиримости, неизбывной антагонистичности этих интересов (Липманн), либо дают преимущество интересам целого над интересом индивида, сужая и ограничивая права обвиняемого (Ру). К этому последнему направлению принадлежат представители реакционных кругов буржуазных юристов — представители антропологической школы уголовного права (напр. Ферри, позднее открыто примкнувший к фашизму), современные фашистские «юристы», утверждавшие, что прошло время либеральных и индивидуалистических послаблений для обвиняемых, что необходимо, чтобы преступник дрожал перед грозящим ему наказанием, что личность — ничто над всемогущим государством, и что в уголовном процессе гарантии и средства защиты для привлекаемых к ответственности лиц должны быть сужены с тем, чтобы были расширены полномочия и права органов государственной власти (следствия и суд) по применению репрессивных мер (напр. Рокко в Италии, Эткер в Германии и др.). Совершенно ясно, что это—проявление в области уголовного процесса общей линии на ограничение, сужение и ликвидацию демократических свобод и гарантий, на усиление неприкрытых террористических, насильственных мер в отношении трудящихся народных масс; ведь основной контингент обвиняемых, предстоящих перед буржуазным судом — это трудящиеся. Сама проблема соотношения в уголовном процессе интересов государства и личности — в буржуазном государстве неразрешима, и эти интересы всегда будут антагонистичны. Буржуазный суд — это суд эксплоататорского меньшинства, обвиняемые — это в большинстве случаев представители эксплоатируемого большинства. Как же могут быть согласованы эти интересы? В пределах буржуазного государства эти интересы несовместимы, несогласуемы, и теоретические споры по вопросу о соотношении интересов цолого и личности в процессе — не что иное как идеологическое отражение этих реальных противоречий общества и государства.

Иначе решается этот вопрос у нас, в стране победившего социализма. И для данной, рассматриваемой нами узкой области уголовного процесса, как и во всех областях государственной и общественной деятельности, решающее значение имеют замечательные слова товарища Сталина в беседе с Уэлсом: «непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не имеется, не должно быть. Его не должно быть, так как коллективизм социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов. Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество. Больше того — социалистическое общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности. В этом смысле непримиримого контраста между «индивидуализмом» и коллективизмом нет» (Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 602).

Этот же вопрос товарищ Сталин освещал и в своей беседе с Рой Говардом. Говоря о трудностях, связанных с построением социалистического общества, товарищ Сталин указал: «Но это общество мы построили не для ущемления личной свободы, а для того, чтобы человеческая личность чувствовала себя действительно свободной».

Отсюда и разрешение вопросов о соотношении интересов коллектива и личности в уголовном процессе. Социалистическое государство трудящихся заинтересовано в том, чтобы ни один гражданин не был ограничен в своих правах незаконно, чтобы никто не был привлечен к ответственности неосновательно, чтобы никто не был осужден неправильно, чтобы только при несомненной доказанности обвинения выносился бы обвинительный приговор.

Забота о людях, обеспечение их прав, их свободы и достоинства является неотъемлемой чертой социалистического общества. Из этого следует, что гарантирование граждан от неосновательного привлечения и осуждения является составной частью всей борьбы с преступностью, всего советского правосудия. И обеспечивая успешность и решительность борьбы с врагами народа, с дезорганизаторами социалистического общества и нарушителями его законов, уголовно-процессуальное право советского государства обеспечивает охрану прав личности граждан, вступающих в соприкосновение с органами юстиции по поводу совершенного преступления. Отсюда — ряд спе-

циальных требований в области уголовного процесса, частью прямо указанных в проекте Конституции, частью из него непосредственно вытекающих.

III.

Мы рассмотрим в дальнейшем ряд вопросов уголовного процесса, подлежащих разрешению в связи с проектом Конституции СССР, не претендуя ни на полноту охвата всех вопросов, ни на исчерпывающее изложение каждого отдельного вопроса.

Как известно, наше уголовно-процессуальное законодательство находится в стадии реформы. Эта реформа разрабатывается в направлении демократизации процесса — соответственно общей демократизации Советского государства. Выработанный назначенной правительственной комиссией проект Общесоюзного УПК был опубликован в 1934 г., по получении отзывов с мест он был переработан, и позднее (в 1935 г.) был переработан еще раз и сейчас находится на рассмотрении пленарного заседания правительственной комиссии по выработке кодексов.

Этот проект несомненно проводит реформу уголовного процесса в правильном направлении (усиление воспитательной роли суда, повышение качества судебной работы, демократизация процесса, усиление процессуальных гарантий и прав сторон, развитие состязательности процесса и т. д.). Но в свете тех величайших задач, которые новая Конституция ставит перед судом, этот проект в некоторых частях является недостаточным. В связи с проектом Конституции возникает ряд новых вопросов, проектом УПК не разрешенных, а некоторые поставленные им вопросы сейчас должны быть разрешены иначе.

Прежде всего должен быть поставлен вопрос — на первый взгляд второстепенный и технический, но в действительности крайне важный и существенный,—это вопрос о структуре и объеме нового Уголовного-процессуального кодекса СССР.

Из всего содержания новой Конституции, из ее смысла и духа вытекает требование **строжайшей законодательной регламентации** всего процесса деятельности органов советского правосудия. Весь процесс расследования и разрешения уголовного дела, отдельные стадии и этапы его прохождения, формы различных процессуальных действий органов следствия и суда, их компетенция, полномочия и обязанности, права и обязанности участвующих в деле лиц — все это должно найти в Уголовно-процессуальном кодексе подробное, точное, детализованное определение. Кодекс должен быть таким, чтобы самым точным образом регламентировать весь ход процесса, как в основных моментах, так и в деталях. Следователи и судьи должны иметь широкую возможность свободного оперирования во всех фактических обстоятельствах дела, в зависимости от его особенностей, но все их действия должны производиться в рамках точно определенных условий. Самотеку, произвольности, «отсебятине», кустарничеству и т. п. места быть не должно. Ведь судьи, как говорит проект Конституции, «независимы и подчинены только закону» (ст. 112). Это значит, что **сейчас необходим развернутый детализированный, подробный Уголовно-процессуальный кодекс.**

Неприемлемой должна быть признана установка на сжатый, сокращенный, упрощенный кодекс, в котором бы освещались лишь основные, узловые вопросы процесса, а вся «техника» была бы устранена (с расчетом на ее разработку в специальных инструкциях). Именно такая установка была характерна для всех ранее выработанных проектов УПК (начиная с 1927 г.) и от нее несвободен и последний проект. Надо иметь в виду, что само понятие «процессуальной техники» очень условно, что в уголовном процессе технические моменты неразрывно связаны с процессуально-правовыми и теснейшим образом переплетены с ними. Исключение из Уголовно-процессуального кодекса технической регламентации процессуальных действий неизбежно влечет неясность, неполноту, неопределенность в самых существенных областях судебно-следственной деятельности. Полный, подробный, исчерпывающий кодекс, который был бы основным руководством для суда, и который в минимальной степени требовал бы разъяснений, дополнений, инструкций, циркуляров и т. д. для своего применения — именно такой кодекс нужен сейчас.

Целый ряд существенных вопросов возникает и применительно к отдельным стадиям уголовного процесса, в отношении отдельных процессуальных институтов. Некоторые положения, считавшиеся в нашей юридической литературе бесспорными, нуждаются в коренной переработке, в коренном пересмотре.

Таков, прежде всего, вопрос о дознании и предварительном следствии и о компетенции (подследственности) органов дознания и предварительного следствия. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс (редакции 1923 г.) разграничивает дознание и предварительное следствие. Уголовно-процессуальный кодекс первоначальной редакции (1922 г.) это разграничение проводил значительно более резко. Основное значение этого разграничения состояло в том, что дознание, т. е. первичное простейшее расследование, первоначальные розыскные действия, производимые милицией, заменяло предварительное следствие лишь по несложным, простейшим делам, по всем же остальным, более серьезным делам дознание ограничивалось лишь производством самых неотложных расследовательских действий «по горячим следам», после чего дело переходило в стадию предварительного следствия, проводимого следователем в строго регламентированных процессуальных формах. Однако, в процессе развития нашего процессуального законодательства и судебно-следственной практики грань между дознанием и предварительным следствием постепенно стиралась, и в настоящий момент существует положение, которое может быть охарактеризовано, как полное смешение дознания и предварительного следствия. Первый шаг в этом направлении был сделан еще 5 Всероссийским съездом деятелей советской юстиции (март 1924 г.), в резолюциях которого было сказано: «следственно-розыскные органы (органы дознания и органы следственной власти), являющиеся по существу звеньями одной цепи, подготовляющими материал для судебного рассмотрения, должны в своей деятельности организационно быть частями единого следственно-розыскного аппарата, функционирующего на началах строгого и реального соподчинения, с одной стороны, и точного размежевания сферы их деятельности, с другой». Здесь несомненно была правильной мысль о необходимости увязки деятельности органов

дознания и предварительного следствия, но сведение их в «одну цепь» положило начало стиранию грани между ними. Дальнейшее развитие в этой области шло в направлении: а) расширения подследственности органов дознания за счет сокращения подследственности органов предварительного следствия (следователей) и б) перенесение на дознание всех тех процессуальных форм, которые были установлены для предварительного следствия.

В конечном итоге реальная подследственность следователей сократилась до крайних пределов, и вся основная масса уголовных дел перешла фактически (хотя закон этого и не устанавливает) в органы дознания, заменявшие собой следователей. Одно время (в 1930 г.) возник даже проект ликвидации следователей, обосновываемый псевдо-научными соображениями о том, что следователи — институт буржуазный («следственные судьи») заимствованный из буржуазного процесса. Стирание грани между дознанием и предварительным следствием иногда также обосновывалось принципиально теоретическими соображениями такого рода: в буржуазной теории уголовного процесса (и в законодательстве) дознание расматривалось как административная несудебная деятельность, тогда как предварительное следствие, проводимое следственным судьей, есть деятельность судебная; отграничение же судебной деятельности от административной есть вывод из теории разделения властей, поскольку неприемлема последняя — неприемлемо и само разграничение дознания и предварительного следствия. Характерно, что все опубликованные проекты УПК, начиная с проекта 1927 г. и кончая проектом 1934 г. (а также и неопубликованный проект 1935 г., находящийся сейчас на рассмотрении правительственной комиссии) вообще уничтожили самые институты предварительного следствия и дознания, слив их в единый институт предварительного расследования. Это вошло в действующий УПК Таджикской ССР, которая проект 1934 г. с некоторыми изменениями превратила в закон: это же приводит законодательство Грузинской ССР («Временные правила производства предварительного расследования по уголовным делам» 1 марта 1931 г.).

Следует признать, что в свете опубликованного проекта новой Конституции это положение о единой форме, едином порядке предварительного расследования, устраняющем разграничение дознания и предварительного следствия, должно быть пересмотрено. Во-первых, новая Конституция совершенно отчетливо проводит разграничение судебной деятельности и административной; во-вторых, повышенные требования, предъявляемые этой Конституцией к судебной власти и судебным органам, требуют установления достаточно определенных и основательных гарантий и условий, обеспечивающих всесторонность и полноту исследования до суда тех материалов, на основе которых производится предание суду и судебное рассмотрение; в третьих, конкретные условия и практические задачи органов дознания и предварительного следствия различны и отличаются специфическими особенностями: собирание первичных материалов по делу, непосредственный активный розыск преступника, его обнаружение, раскрытие преступления, являясь основной задачей дознания, проводится в иных условиях, связано с иными процессуальными формами, чем задача предварительного следствия, — всесторонне исследовать вопрос о виновности обвиняемого, собрать и взвесить доказательства как уличающего, так и оправдывающего порядка, дать обвиняемому все средства защищаться против предъявляемого ему обвинения и т. д.

Следовательно, предварительное следствие должно быть восстановлено в своих правах, а дознание введено в соответствующие границы. Только по простейшим делам, несложным по своему фактическому составу, не связанным с применением тяжелых мер наказания, расследование может ограничиваться дознанием, по всем же остальным делам дознание должно ограничиваться производством первичных, неотложных действий, а дальнейшее детальное расследование должно вестись в порядке предварительного следствия (следователем).

Другим существенным вопросом предварительного следствия, подлежащим разрешению, является вопрос о расширении процессуальных прав обвиняемого на предварительном следствии (в целях большего гарантирования для обвиняемого возможности защищаться от предъявленного ему обвинения. В этом направлении могут быть сделаны следующие предложения. При предъявлении обвинения (ст. 128 действующего УПК РСФСР) обвиняемому должно сообщаться не только то, в каких конкретных преступлениях он обвиняется, но и основания этого обвинения, т. е. доказательства, на которых его обвинение основано. Это положение может допускать известные ограничения и отступления, вытекающие из задач успешности расследования данного дела, но если это не препятствует следствию, оно должно применяться.

Особо стоит вопрос о допущении защиты на предварительном следствии. Проект Конституции устанавливает право обвиняемого на защиту на суде (ст. 111), но это право может быть в известных пределах распространено и на предварительное следствие.

В теории уголовного процесса понятие «защита» имеет два значения: защита в материальном смысле, т. е. совокупность прав обвиняемого защищаться от предъявленного ему обвинения, и защита в формальном смысле, т. е. право обвиняемого иметь специального представителя его интересов, защитника. Иными словами, право обвиняемого иметь защитника есть составная часть права обвиняемого на защиту в широком значении возможности защищаться от обвинения. Следовательно, ст. 111 проекта Конституции означает и расширение процессуальных прав обвиняемого, и предоставление ему права иметь защитника.

Я считаю необходимым и своевременным поднять вопрос о допущении защиты на предварительном следствии (а не только на суде).

Так, защита может допускаться при окончании предварительного следствия при предъявлении обвиняемому следственного производства (ст. 206 действующего УПК РСФСР). Но в ряде случаев защиту можно допускать и в более ранней степени — по предъявлении обвинения (ст. 128 действующего УПК РСФСР) с тем ограничением, что следователь и прокурор в зависимости от особенностей дела могут отказать обвиняемому в допущении защиты, каковой отказ может быть обвиняемым обжалован в суд. Равно могут быть изъяты из этого порядка некоторые категории дел — о

контрреволюционных преступлениях, бандитизм и некоторые другие, по которым защита либо вовсе не допускается, либо допускается в момент окончания следствия. Участие защиты на предварительном следствии известно ряду процессуальных кодексов буржуазных государств (во Франции — по закону 1897 г.) и это целесообразно ввести в нашем уголовном процессе как серьезную гарантию прав обвиняемого и средств повышения качества следствия.

IV.

Задачи усиления гарантий от неправильного предания суду по-новому ставит вопрос о процессуальной стадии предания суду. Надо иметь в виду, что самый факт судебного разбирательства дела в отношении гражданина является для последнего весьма чувствительным и серьезным испытанием, независимо от исхода дела, от примененного судом наказания, даже в случае, если наказание вообще не применено или подсудимый оправдан. Легкость, с которой резрешается вопрос предания суду в некоторых судах, с расчетом — «посмотрим на суде, там видно будет, в чем дело» — совершенно нетерпима и находится в резком противоречии с самим духом новой Конституции.

I всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников (апрель 1934 г.) и последующая директива Верховного суда Союза ССР восстановили одно время упраздненный в нашем уголовном процессе институт распорядительных заседаний, установив возможность участия (факультативного) обвиняемого на распорядительном заседании. Мероприятия эти были вполне целесообразны, но сейчас они являются недостаточными. Дело не в «гальванизации» распорядительных (подготовительных) заседаний, а в том, чтобы превратить их в действительные «камеры предания суду», в которых бы разрешение вопроса о наличии или отсутствии оснований для предания обвиняемых суду было обставлено определенными процессуальными условиями. Так, по утверждении прокурором обвинительного заключения, одновременно с направлением дела в суд об этом должно сообщаться обвиняемому, с разъяснением ему его права представить в распорядительное заседание суда свои возражения и ходатайства и просить о допущении к участию в рассмотрении дела распорядительным заседанием себя лично или своего защитника. Самый порядок рассмотрения дела в распорядительном заседании должен быть регламентирован — доклад дела прокурором, соображения судьи, знакомившегося с делом, оглашение судьей ходатайств обвиняемого, заключение прокурора, объяснения обиняемого или его заместителя, решение суда.

Если положительно разрешается вопрос о возможности допущения защитника на предварительное следствие (см. выше) — его допущение на распорядительном заседании сомнения не вызывает (опять-таки с известными ограничениями в отношении определенных категорий уголовных дел или специальных судов — военных трибуналов, спецколлегий крайсудов).

Стадия судебного рассмотрения дела наименее нуждается в переработке, эта наиболее установившаяся стадия нашего процесса, так что здесь основной вопрос заключается, главным образом, не в изменении действующих процессуальных норм, а в их четком и эффективном применении. Укрепление и развитие таких принципов как гласность (публичность процесса и право обвиняемого на защиту непосредственно указано в ст. 111 проекта Конституции, равно как и проведение судопроизводства на языке данной республики или области с обеспечением прав и интересов лиц участвующих в деле и не говорящих на языке на котором ведется судоговорение. Это последнее правило, предусмотренное ст. 110 проекта диаметрально противоположно националистическим установкам процесса фашистских государств (напр. Итальянский уголовно-процессуальный кодекс 1931 г. устанавливает ведение судопроизводства только на итальянском языке и угрожает наказанием в виде штрафа тем обвиняемым, которые отказываются от пользования на суде итальянским языком). Принцип состязательности процесса, являющийся демократической процессуальной стороной, свое наиболее полное осуществление должен найти именно в стадии судебного рассмотрения дела в виде широкого представительства сторон (обвинения и защиты) гарантий их процессуальных прав, полноты исследования на судебном следствии при участии сторон всех обстоятельств рассматриваемого дела.

V.

Серьезной переработке подлежит порядок кассационного рассмотрения. Здесь изменение должно быть внесено в направлении придания большей авторитетности судебному приговору суда 1-й инстанции и сокращения возможности его изменений в кассационном порядке. Сейчас наблюдаются довольно распространенные случаи, когда кассационная инстанция, не видя живых людей и не проводя судебного следствия, на основании одних бумажных материалов произвольно перекраивает судебные приговоры и дает доказательствам иную оценку чем та, которую дал суд 1-й инстанции, рассматривавший дело в порядке главного устного и состязательного процесса с участием сторон. Это дало тов. А. Я. Вышинскому полное основание утверждать, что у нас кассация сплошь да рядом превращается в «худший вид апеляции». Основные судьи 1-й инстанции — это народные судьи. По новой Конституции они будут выбираться непосредственно населением (ст. 109 проекта), трудящимися, которые актом избрания облекают судей своим доверием. Поэтому должна быть сужена область рассмотрения существа дела в кассационной инстанции с перенесением центра тяжести на проверку правильности выполнения и соблюдения судом 1-й инстанции процессуальных и материальных законов. Это не значит, что должен быть сужен контроль кассационных инстанций за правильность решения дел по существу, но это значит, что в случаях, когда кассационная инстанция имеет веские основания сомневаться в правильности решения дела по существу, она должна отменить приговор с передачей дела на новое рассмотрение суда 1-й инстанции, а не брать на себя функций 1-й инстанции и не решать самого дела, подставляя свое решение на место решения 1-й инстанции.

Особо должен быть разрешен вопрос о положении, известном в теории уголовного процесса под названием «reformatio in pejus», что

означает «поворот к худшему». Этот «поворот к худшему» означает следующее: осужденный приговором суда подает жалобу на приговор— и в результате получает ухудшение своей участи, т. е. повышение наказания по сравнению с тем, которое было определено в первом (обжалованном) приговоре. Несомненно, что такой принцип означает ограничение свободы обжалования приговоров, так как при подаче жалобы на приговор обвиняемый имеет перед собой угрозу повышения наказания, и должен остерегаться жаловаться на приговор, хотя бы он и считал его неправильным, несправедливым. Классическое буржуазное уголовно-процессуальное право проводить отрицательное отношение к принципу «reformatio in pejus», но фашистское прецессуальное законодательство его восстанавливает, хотя бы и в замаскированном виде. Так, он введен в действие итальянским УПК 1931 г. по тем мотивам, что, как сказано в объяснительной записке, что таким образом может быть положен предел неосновательным жалобам осужденных.

Наше общесоюзное процессуальное законодательство (основа уголовного судопроизводства СССР и союзных республик) отвергает возможность повышения наказания в кассационной инстанции, допуская лишь его снижение и это же проводит и УПК союзных республик, кроме УПК УзбССР, который в нарушение общесоюзного закона допускает повышение наказания самой кассационной инстанцией, путем отмены в кассационной инстанции примененного судом 1-й инстанции условного осуждения или снижения им наказания ниже низшего предела, установленного санкцией соответствующей статьи особенной части Уголовного кодекса (ст. 157).

Но если совершенно бесспорной является недопустимость повышения наказания самой кассационной инстанцией, то сложнее вопрос о праве суда 1-й инстанции при вторичном рассмотрении дела, по отмене первого приговора в кассационном порядке, назначать наказание более тяжелое, чем то, которое было назначено по первому (отмененному) приговору. Устранение возможности и такого, хотя и более отдаленного и осложненного, ухудшения положения осужденного в результате поданной им жалобы, несомненно вытекает из духа новой Конституции, а кроме того находится в прямой связи с решениями 3 пленума Комиссии советского контроля при СНК СССР по вопросу рассмотрения жалоб. Обвиняемому, осужденному приговором суда, должна быть предоставлена полная свобода обжалования приговора в вышестоящую судебную инстанцию, без опасения, что в результате жалобы он может получить более тяжкое наказание, чем то, которое было определено по первоначальному приговору: Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик (ст. 26) устанавливают совершенно правильное положение, что повышение наказания возможно лишь в том случае, если первоначальный приговор был отменен по протесту прокурора, а не жалобе осужденного. Однако, действующий УПК РСФСР (ст. 427) в противоречие с общесоюзными основами допускает повышение наказания, если приговор был отменен не по мотивам жалобы, разрешая тем самым кассационным инстанциям по делам, поступившим по жалобам обвиняемых, отменять приговор «по мягкости наказания». УПК Украинской ССР прямо оговаривает право суда 1-й инстанции повышать меру наказания по сравнению с той, которая была применена по первому, обжалованному и отмененному приговору (ст. 349), не ставя даже тех ограничительных условий, которые устанавливает УПК РСФСР. Очевидно, в этом вопросе должно быть полное единообразие и разрешение его возможно лишь в одном направлении: повышение наказания при вторичном рассмотрении дела возможно лишь в том случае, если приговор был отменен по кассационному протесту прокурора т.-е. по протесту, поданному в установленный для обжалования приговоров кассационный срок; если же приговор в кассционном порядке опротестован не был и дело поступило в кассационную инстанцию по жалобе обвиняемого, приговор не может быть отменен за мягкостью наказания, и это наказание не может быть повышено при вторичном рассмотрении дела.

VI.

В прямой зависимости от рассмотренных выше вопросов кассации находятся вопросы судебного надзора.

Судебный надзор по своему существу является исключительным порядком пересмотра судебных приговоров, в отличие от кассационного—нормального порядка. Однако, на практике порядок судебного надзора получил крайне широкое применение и привел к созданию чего-то вроде 3-й инстанции. Часты случаи, когда дело проходит ряд надзорных инстанций, в каждой пересматривается, приговор изменяется в том или ином направлении, по делу накапливается несколько последовательно сменявших друг друга приговоров и кассационных определений, по делу создается неимоверная, волокита и в нем теряется всякая возможность разобраться как для самих судебных органов, так и для заинтересованных в деле лиц. Повышение авторитета суда — в первую очередь основной судебной ячейки — народного суда, прямо устанавливаемое новой Конституцией, требует повышения авторитетности и устойчивости судебных приговоров. А это значит, что судебный надзор должен быть введен в жесткие рамки, должен стать действительно исключительным порядком пересмотра судебных приговоров, допускаемым лишь в тех, случаях, когда имеются несомненные данные, что дело в пределах двух нормальных инстанций (первой и кассационной) не получило правильного разрешения. Функций судебного надзора должен быть лишен районный прокурор, для которого сохраняется лишь право на принесение кассационных протестов, а пересмотр приговоров в порядке судебного надзора вышестоящими судебными и прокурорскими инстанциями должен допускаться лишь при наличии несомненных данных о существенной неправильности приговора, причем надзорные инстанции должны быть лишены права вносить в приговоры или кассационные определения те или иные изменения, а могут лишь передавать дело на новое рассмотрение в 1-ю или кассационную инстанцию. Необходимо вместе с тем признать, что сокращение, сужение судебного надзора не может быть проведено механически, путем, например, запрещения принимать жалобы в порядке надзора, или ограничения числа надзорных инстанций и т. д.

Ограничение судебного надзора должно проводиться неуклонно, но постепенно, параллельно и в связи с работой по укреплению судов 1-й инстанции и улучшению работы кассационных инстанций.

Таковы вопросы уголовного процесса, вытекающие из опубликованного проекта Конституции. Как уже было выше отмечено, здесь не исчерпаны все вопросы этого рода, и по существу некоторые вопросы являются спорными и подлежащими обсуждению и разработке.

Но одно является бесспорным и несомненным. Уголовный процесс, процессуальные формы расследования и разрешения уголовных дел, всегда важные и существенные для работы суда, в связи с новой Конституцией получат еще большее значение, еще большую актуальность. И более чем когда-либо нетерпимыми должны быть признаны сейчас еще встречающиеся в судебной практике случаи процессуального упрощенства, нарушения процессуальных норм, игнорирования процессуальных прав сторон, вынесения необоснованных, неправильных, дискредитирующих суд приговоров.

С. ГОЛУНСКИЙ

Проект Конституции СССР и задачи прокуратуры

«Прочно только то в революции, что завоевано массами пролетариата. Записывать стоит только то, что действительно прочно завоевано», (Ленин, т. XXIV, стр. 25).

Эти слова Ленина, написанные им 5 марта 1919 г. по поводу основания III Коммунистического интернационала, можно с полным правом повторить теперь, более 17 лет спустя, по поводу проекта Конституции СССР.

Выступая в июле 1918 г. с докладом на V всероссийском съезде советов, на том самом съезде, который принял первую Конституцию РСФСР, Владимир Ильич говорил: «Мы будем бороться в союзе с громадным большинством крестьянства, в этой борьбе мы победим, тогда каждый европейский рабочий увидит на деле, что такое социализм» (Ленин, т. XXIII, стр. 127). Эти слова, — подлинный образец настоящего научного предвидения — теперь сбылись. Трудящиеся Советского союза, под руководством рабочего класса, стальной коммунистической партии, под руководством великого Сталина победили в этой невероятно трудной борьбе, победили белогвардейских генералов, победили сопротивление международной буржуазии в лице интервентов, победили бешеное сопротивление русской буржуазии, ее последнего отряда — кулачества, ее передовой агентуры — охвостьев троцкистско-зиновьевской оппозиции.

И итог этой победы закрепим в документе, мировое значение которого не отрицает даже буржуазная пресса, — в проекте Конституции СССР.

Не следует думать, что эта Конституция «вводит» демократию в Стране советов, как хотят это изобразить некоторые буржуазные публицисты, вроде автора статьи в «Нью-Йорк «Таймс», который пишет, что новая советская Конституция «отказывается от советской системы ради того, что часто называлось дискредитированным, умирающим парламентаризмом».

Советская власть с первого дня своего возникновения была неизмеримо демократичнее самой демократической из всех существующих или когда-либо существовавших конституций эксплоататорских стран. «Советы являются непосредственными организациями самих масс, т.-е. наиболее демократическими и, значит, наиболее авторитетными организациями масс, максимально облегчающими им участие в устройстве нового государства и в управлении им, максимально развязывающими революционную энергию, инициативу, творческие способности масс в борьбе за разрушение старого уклада, в борьбе за новый, пролетарский уклад» (Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 10, стр. 31). Только благодаря этой пролетарской демократии, благодаря этой революционной энергии, инициативе и творческим способностям масс удалось одержать те великие победы, которые позволяют теперь отбросить частичные ограничения демократии, которые вызывались ранее особыми условиями классовой борьбы в России. Демократия, заложенная в самой сущности советской власти, дала в своем развитии, в борьбе с противостоявшими ей контрреволюционными силами еще более полную, еще более совершенную демократию.

Еще в июле 1919 г., в своем ответе на вопросы американского журналиста, Ленин предлагал любому буржуазному правительству, так сказать, соревнование на демократизм путем свободного обмена брошюрами, содержащими текст законов данной страны, текст Конституции, с объявлением ее превосходства над другими (см. т. XXIV, стр. 405). Само собою разумеется, что даже и тогда ни одно буржуазное правительство не рискнуло на подобное соревнование.

Самый способ появления на свет новой советской Конституции коренным образом отличается от того, как появлялись на свет все конституции буржуазных стран. Эти конституции были или плодом победоносной буржуазной революции, результатом насильственного свержения прежнего правительства (Конституция Великой французской революции 1793 г., конституция США или результатом слабости прежнего правительства, вынужденного итти на уступки, чтобы поддержать свое пошатнувшееся положение (различные германские конституции 1848 г., куцая конституция царской России 1905 г. и т. д.). При отсутствии таких условий если конституция и менялась, то только в сторону ограничения демократии, взятия назад вырванных ранее уступок (например закон 3 июня 1907 г. в России).

Проект Конституции СССР впервые в истории человечества является плодом непрерывно возрастающей силы и мощи того самого правительства, которое выработало эту Конституцию. Впервые правительство великой страны идет на расширение ремократии не потому, что ему что-либо угрожает со стороны того народа, для которого пишется Конституция, а именно потому, что ему уже ничего не угрожает не только со стороны народа (с этой стороны советскому правительству никогда ничего не угрожало), но и со стороны отдельных классов, групп, частей, слоев этого народа.

Поэтому новый проект советской Конституции отличается от всех конституций буржуазных стран также и тем, что в нем нет той самой «оговорки», которая по словам Маркса, всегда сводит на-нет все «свободы», провозглашаемые буржуазными конституциями («18-е Брюмера Луи Бонапарта», Партиздат, 1935, стр. 21—22).

Вот яркий образец рода оговорок ст. 48 Веймарской конституции, написанной друзьями и соратниками К. Каутского, проповедника «чистой» демократии:

«Если какая-нибудь область не выполняет обязанностей, возложенных на нее конституцией или имперскими законами, то президент империи может понудить ее к этому с помощью вооруженной силы.

Если в пределах Германской империи серьезно нарушены общественная безопасность и порядок или если грозит серьезная опасность такого нарушения, то президент империи может принимать меры, необходимые для восстановления общественной безопасности и порядка, в случае надобности — с помощью вооруженной силы. С этой целью он может временно приостанавливать полностью или частично гарантии основных прав, данные...» следует перечень статей конституции, предусматривающих неприкосновенность личности и жилища, тайну переписки, свободу слова и печати и т. д. Как известно, именно эта ст. 48 конституции и была использована Гитлером для формального обоснования его каторжного режима. Аналогичные оговорки содержат (или содержали) ст. 14 Японской конституции, ст. 124 старой и ст. 78 новой конституции Польши, ст. 87 бывших основных законов Российской империи и др.

Такие оговорки включались в эти конституции потому, что уже при самом составлении конституции предусматривалась необходимость в будущем нарушать эту конституцию для более успешного подавления эксплоатируемых масс. Проект Конституции СССР подобной оговорки не содержит, так как никакого нарушения этой Конституции допущено быть не может; это — подлинно всенародная Конституция, не предназначаемая для подавления каких бы то ни было слоев этого народа. Эксплоататорские классы, которые диктатура пролетариата должна была подавлять, как классы уничтожены. Что же касается отдельных осколков, отдельных представителей этих классов, которые могут еще пытаться вредить и пакостить всенародному государству трудящихся, то для подавления их нет надобности в нарушениях тех принципов демократии, которые изложены в Конституции. Наоборот, именно на основе этой демократии, на основе активного участия широких трудящихся масс всего успешнее могут быть разоблачены и уничтожены отдельные враги народа.

Расширение демократии до конца, без всяких оговоров, отнюдь не означает, что классовая борьба в СССР окончена и можно уже прекратить всякие разговоры о революционной бдительности.

«В нашей стране есть осколки, остатки классовых врагов. Против них диктатура пролетариата действует и будет действовать со всей силой, со всей остротой, со всей беспощадностью, классовая борьба в нашей стране не отменяется. Социалистическое перевоспитание трудящихся масс тоже есть особая форма классовой борьбы. Борьба за то, чтобы укреплять общественную собственность, — это есть классовая борьба, борьба за то, чтобы укреплять общественную дисциплину — это есть особая форма классовой борьбы» (Стецкий, О ликвидации классов в СССР. «Большевик, 1936, № 11, стр. 28).

Поэтому в связи с новой Конституцией не только не уменьшается, но значительно возрастает роль и советского государственного аппарата, неразрывно связанного со всеми трудящимися, и роль советского права.

Один из крупнейших буржуазных юристов, Иеринг, характеризуя в своей книге «Дух римского права» возникновение права, писал: «Человеческий пот и человеческая кровь, запах которых окружает генезис всякого права, обыкновенно прикрывают ореолом божественного происхождения. Иначе дело обстоит в Риме. Следы пота и крови, свойственные праву, здесь не удалось уничтожить никакому времени» (русское издание 1895 г., ч. I, стр. 93).

Иначе обстоит дело с советским правом. Это право, право трудящихся, не нуждается для своего обоснования ни в каких божественных ареолах. Если право классового общества, как определял его Маркс, есть не что иное, как возведенная в закон воля господствующего класса, то советское право теперь, после уничтожения эксплоататорских классов, после уничтожения основных причин, порождавших классовые различия между трудящимися, действительно превращается впервые в истории человечества в подлинное отражение общенародной воли, каким хотели его видеть французские просветители XVIII в. Поэтому неизмеримо возрастает авторитет советского права и во много раз увеличивается ответственность органа, специально призванного следить за точным исполнением советских законов, т.-е. прокуратуры. Теперь более, чем когда бы то ни было уместно вспомнить слова Ленина: «Прокурор имеет право и обязан делать только одно: следить за установлением действительного единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям» (т. XXVII, стр. 299).

Новый этап, в который вступает советская социалистическая страна, будет характеризоваться между прочим и большей устойчивостью законодательства, чем это было до сих пор. В своем докладе на V всероссийском съезде советов в июле 1918 г. Ленин говорил: «Да мы нисколько не боимся признаться перед вами в том, на что указывает ознакомление с нашими декретами, что нам приходится постоянно переделывать их; мы еще ничего готового не создали, мы еще такого социализма, который можно было бы вложить в параграфы, не

знаем», и несколько далее — «там, где социализм еще строится, где должна строиться новая дисциплина, там у нас такого опыта нет, мы его приобретем в переделках и перестройках» (т. XXIII стр. 121). Теперь мы такой опыт приобрели. Новый проект Конституции СССР, вышедший из рук Сталина, с величайшей четкостью, простотой и полнотой излагает итог восемнадцатилетнего опыта победоносного пролетариата. Теперь эта Конституция ляжет твердым фундаментом в основу четкого, определенного и для всех обязательного советского законодательства. Это не значит, конечно, что советское право приобретет, на подобие права буржуазного, исключительно охранительную роль, что оно уже не будет двигать вперед общественные отношения. Так рассуждать могут только буржуазные юристы, которые не понимают того, что в каждом положении советского права заложены начала дальнейшего развития общества к развернутому коммунистическому строю, что ни один советский закон не задерживает общественного развития, а, наоборот, каждый такой закон толкает его вперед. Но в постоянных «переделках и перестройках», о которых говорил Ленин в 1918 г., теперь уже не будет надобности. Сталин указал нам путь к коммунистическому строю. Эти указания записаны в Конституции и должны быть развиты и уточнены отдельными отраслями советского законодательства.

Поэтому перед прокуратурой стоит задача: овладеть знанием советского законодательства, без чего нельзя выполнить ст. 113 Конституции, возлагающей на прокурора СССР (а следовательно, и на всю прокуратуру) «высший надзор за точным исполнением законов всеми народными комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР».

Проект Конституции оставляет незыблемым основное ленинское положение о строгой централизации прокуратуры, о полной независимости ее от каких бы то ни было местных органов. Это положение прямо оговорено в ст. 117 проекта Конституции. Более того, централизация прокуратуры доводится до ее логического предела. Если до сих пор независимость прокуратуры от местных органов власти существовала в краях, областях и районах, то ее не было в союзных республиках. Прокуроры союзных республик подчинялись ЦИК этих республик. Прокурор СССР, назначая прокурора союзной республики, был обязан согласовать его кандидатуру с президиумом ЦИК этой республики. Теперь это ограничение отпадает. Прокуроры союзных республик становятся столь же независимыми от республиканских органов власти, как до сего времени краевые (областные) прокуроры были независимы от краевых (областных) исполкомов.

Ст.ст. 115 и 116 проекта устанавливают пятилетний срок, на который назначаются прокуроры республик, краев, областей и районов. Это правило имеет глубокий смысл. Это не означает, конечно, что до истечения этого срока того или иного прокурора нельзя будет сменить, если он будет плохо выполнять свои обязанности, но это значит, что прокурор не должен считать себя временным гостем в том крае, области или районе, куда он назначен. Разговорам вроде того, что «я уже три года сижу в этом районе, надоело» надо положить конец. Чтобы хорошо выполнять свои прокурорские обязанности, каждый прокурор должен изучить географию и экономику своего района, знать его особенности, знать людей.

Конституция гарантирует необходимую для этого устойчивость прокурорского аппарата. А порядок назначения прокуроров (даже районные прокуроры подлежат утверждению прокурора СССР) и строгой централизации прокуратуры гарантирует от попадания на прокурорские должности лиц, для которых может быть опасна возможность проникнуться за долгое пребывание на одном месте какими-либо мистическими тенденциями.

Каковы же конкретные задачи прокуратуры, вытекающие из проекта Конституции?

Каждый прокурор обязан прежде всего следить за неприкосновенностью социалистической собственности — экономической основы СССР в обеих ее формах: государственной и колхозно-кооперативной. Ст. 131 проекта Конституции объявляет врагами народа всех покушающихся на общественную, социалистическую собственность. Дать беспощадный отпор этим врагам народа — первоочередная обязанность прокуратуры. По поводу закона 7 августа 1932 г. об охране социалистической собственности т. Каганович говорил, что это такой закон, который будет жить века. Включение основного содержания этого закона в Конституцию, рассчитанного на весь период до создания полного коммунистического строя, подтверждает незыблемость принципа, выраженного этим великим законом, принципа неприкосновенности социалистической собственности. Будут меняться формы борьбы за соблюдение этого принципа, но самый принцип останется.

Перед прокуратурой стоит задача блюсти подтвержденную ст. 6 проекта Конституции национализацию земли и особо оговоренное в ст. 8 право колхозов на вечное пользование занимаемой ими землей.

Всякое нарушение землепользования колхозов, а также всякие посягательства на колхозную собственность с момента утверждения Конституции будут нарушением основного закона СССР.

Поскольку проект Конституции допускает на ближайший период существование частной собственности на средства производства мелкого частного трудового хозяйства крестьян-единоличников и кустарей, перед прокуратурой встает задача не допускать превращения таких частных хозяйств в нетрудовые хозяйства капиталистического типа. Ленин не раз говорил, что каждый частный хозяйчик есть потенциальный капиталист. Хотя, в настоящих условиях, говорить о какой-либо опасности реставрации капиталистических отношений было бы смешно, но отдельные случаи превращения мелких частных хозяйств в нетрудовые, главным образом путем спекуляции, все же возможны. Прокуратура обязана вести со всеми случаями такого рода самую решительную борьбу, отнюдь не успокаивая себя тем, что при ничтожном удельном весе таких частных хозяйств на них не стоит обращать внимания. Поскольку же такие хозяйства остаются трудовыми, прокуратура обязана охранять их частную собственность от всяких незаконных посягательств.

Несоизмеримо больший удельный вес, чем до сих пор, приобретают задачи прокуратуры по охране личной собственности трудящихся

на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, личного потребления и удобства.

Ст. 10 проекта Конституции объявляет, что эта личная собственность трудящихся охраняется законом. Это положение, гарантирующее прочный рост благосостояния трудящихся, имеет исключительно важное значение, так как в конце концов цель строительства социализма — обеспечение благосостояния всех трудящихся. Похищение у трудящегося его личной собственности — отнюдь не маловажное явление, с которым можно в какой бы то ни было степени мириться.

Прокуратура обязана добиться такого положения, чтобы то, что взято под охрану советского закона, было действительно неприкосновенно. Многие работники прокуратуры все еще не уяснили себе важности этой задачи, все еще считают, что дела о посягательствах на личное имущество трудящихся — это так сказать «частные дела», которыми прокуратура может и не интересоваться. С таким явно неверным взглядом надо решительно покончить.

Ярким проявлением социалистического характера проекта Конституции является ст. 11, говорящая о государственном народнохозяйственном плане, обеспечивающем увеличение «общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности». Подобная статья немыслима в конституции буржуазной страны. Всем известно, каким полным крахом окончились попытки Рузвельта провести нечто вроде планирования в условиях капитализма.

Борьба за выполнение народнохозяйственного плана — дело партийных, советских и хозяйственных органов, но специальная задача прокуратуры заключается в том, чтобы бороться со всем, что мешает выполнению государственного народнохозяйственного плана, со всеми преступлениями, срывающими выполнение качественных и количественных показателей плана, со всеми нарушениями государственной дисциплины, вызываемыми различными мистическими соображениями, заботой об интересах «своей колокольни». Прокуратура отнюдь не должна при этом подменять собой хозяйственных организаций, непосредственно ответственных за выполнение тех или иных плановых заданий. Надо помнить, что «правильное функционирование государственного аппарата, четкое разграничение функций между различными органами власти — таковы современные требования к государственному аппарату» (из передовой статьи в № 11 «Большевика» 1936 г.).

Прокуратура должна бороться за выполнение плана своими прокурорскими методами: неуклонное опротестование всякого постановления местных органов власти, нарушающего государственный народнохозяйственный план, привлечение к ответственности виновных в совершении конкретных преступлений, угрожающих успешному выполнению этого плана, — таковы те методы, с помощью которых прокуратура должна бороться за неуклонное соблюдение ст. 4 проекта Конституции. Но эти методы борьбы прокуратура должна пускать в ход неуклонно и со всей решительностью при каждой попытке кого бы то ни было помешать выполнению государственного народнохозяйственного плана в области промышленности, сельского хозяйства, товарооборота, транспорта, в любой области нашего социалистического хозяйства.

Прокуратура обязана вести борьбу также и со всеми попытками еще сохранившихся частных хозяйств уклониться от выполнения обязательств, возлагаемых на них законом и включенных в общегосударственный народнохозяйственный план (неплатеж налогов, уклонение от выполнения заданий по хозполиткампаниям и т. п.).

Не менее важны и ответственны возлагаемые проектом Конституции на прокуратуру задачи по охране неприкосновенности личности трудящихся.

Выше были приведены образцы тех «оговорок», содержащихся в буржуазных конституциях, смысл которых сводится к тому, чтобы дать понять чиновникам государственного аппарата, что личная неприкосновенность, по крайней мере в отношении трудящихся, только декларация, с которой можно серьезно не считаться.

В «Правде» за 18 июня 1936 г. Ильф и Петров описывают, как национальный герой Америки, всемирно известный летчик Линберг, был вынужден тайком бежать из своего отечества потому, что вся мощь Соединенных штатов не могла охранить его и его семью от посягательства бандитов.

Подобного положения в Стране советов быть не может. Ст.ст. 127 и 128 проекта Конституции, гарантирующие неприкосновенность личности, жилища и переписки трудящихся, — отнюдь не пустая декларация. Не только герои Советского союза, но каждый трудящийся должен быть твердо уверен, что он абсолютно гарантирован от каких бы то ни было посягательств с чьей бы то ни было стороны, если только он сам не нарушит советского закона. Создать такую уверенность — обязанность прокуратуры.

Польская газета «Экспресс поранны» в бессильной злобе против яркого проявления успехов социализма в СССР, каким является проект Конституции, квалифицирует этот проект как «буржуазные права советского гражданина».

Даже для трудящихся Польши ясен клеветнический характер подобного заявления. О трудящихся же СССР и говорить не приходится. Но нельзя отрицать, что возможны отдельные случаи нарушения гарантированной Конституцией личной неприкосновенности советских граждан как со стороны отдельных бюрократов в нашем госаппарате, так и со стороны преступных элементов; что это могут быть только отдельные случаи — само собой очевидно. Установленные Конституцией права граждан СССР гарантируются всем общественным и государственным строем: руководством партии, выборностью и сменяемостью должностных лиц, непосредственным участием всех трудящихся в управлении государством. Задача прокуратуры при этих условиях заключается в том, чтобы обеспечить немедленный отпор всякой попытке посягательства на личность или права гражданина СССР. Прежде всего прокуратура обязана добиться такого положения, чтобы совершенно исключить случаи нарушения прав граждан в той области, где сама прокуратура является полновластным хозяином, — в области уголовного процесса.

Должно стать непреложным положением правило: до тех пор пока не собрано достаточных доказательств виновности гражданина СССР в совершении какого-либо преступления, личность и жилище этого гражданина неприкосновенны.

Надо окончательно покончить с еще существующей кое-где практикой привлечения людей к уголовной ответственности по неопределенному подозрению, в надежде на то, что от привлеченного может быть удастся добиться сознания и тем избежать хлопотливой обязанности доказывать ему вину объективными доказательствами.

Пока таких доказательств нет, гражданина СССР нельзя не только арестовать, не только в той или иной мере ограничивать его права, гарантированные Конституцией, но нельзя и ставить его перед фактом официально высказанного против него подозрения. Вот яркий пример совершенно недопустимой практики подобного рода.

На почве жилищной склоки в газету «Выксунский рабочий» была послана заметка, что гр-ка Ю. — проститутка. Редакция без дальних размышлений переслала заметку в милицию.

Участковый инспектор Савченко, тоже не размышляя особенно над своим поступком, допросил двух свидетелей, которые ровно ничего существенного не показали, а затем допросил гр-ку Ю., «в качестве подозреваемой»... в каком именно преступлении — не известно. Все это было обставлено так, что о допросе Ю. и о том, о чем ее допрашивали, стало известно всему городу. Пошли разговоры, что Ю. изобличили в проституции и теперь дадут ей 5 лет лишения свободы. Не выдержав этого, молодая жизнерадостная девушка бросилась под поезд. Савченко и другие виновники смерти Ю. привлечены к уголовной ответственности, но этого, конечно, мало. Надо сделать так, чтобы случаи, подобные описанному, были вообще невозможны. Чтобы органы, которым доверено право привлекать граждан к уголовной ответственности, не бросались зря зловещим словом «подозрение», чтобы они звали гражданина СССР к ответу только тогда, когда для этого есть действительно серьезные основания. Этот вопрос, конечно, упирается прежде всего в общую проблему качества уголовного процесса, в уровень квалификации работников юстиции и милиции. За повышение качества всего процесса надо бороться и бороться упорно, но нельзя под этим предлогом отмахиваться от обязанности немедленно добиться решительного перелома в отношении неприкосновенности личности советского гражданина.

Нельзя рассуждать так: «Так как дело улучшения качества процесса и повышения квалификации работников сложное и трудное, то пока что подобные явления неизбежны и с этим ничего не поделаешь». «Поделать» можно, если только каждый прокурор действительно поймет, что личность гражданина СССР неприкосновенна, и внушит это всем тем, кто работает под его руководством.

Проект Конституции в ст. 127 особо отмечает как гарантию неприкосновенности личности то, что арест гражданина СССР не может последовать иначе, как по постановлению суда или с санкции прокурора. Надо, чтобы эта санкция была подлинной гарантией, а не выполнением бумажной формальности. Англия в течение двух с половиной веков гордится своим так называемым Habeas Corpus Act-ом. Это — закон, изданный 26 мая 1679 г., который установил право каждого гражданина требовать выдачи судом приказа о личном доставлении арестованного к судье для проверки правильности ареста. Как и всякий буржуазный закон, устанавливающий гарантии для граждан, и этот акт не обходился без оговорок: ст. VIII этого акта оговаривала, что его действия отнюдь не распространяются на лиц, заключенных в тюрьму за долги; ст. XIII акта лишала установленных им гарантий всякого, кто «в письменном контракте с купцом или владельцем какой-либо плантации или с другим каким-либо лицом согласится быть переведенным в какие-либо страны за моря и получит задаток по этому соглашению, хотя бы впоследствии такое лицо стало отрекаться от этого конфликта». Таким образом гарантии неприкосновенности личности должны были отступить, когда дело касалось кошелька буржуазии или ее возможности беспрепятственно эксплоатировать своих наемных рабов.

Социалистическая Конституция СССР не знает подобных оговорок. Неприкосновенность личности гражданина СССР уступает только общенародным интересам, и то только в том случае, когда эти интересы нарушены именно данным гражданином.

Для того чтобы санкция прокуратуры на аресты не стала бумажной формальностью, чтобы она была действительной гарантией неприкосновенности личности, прокурор должен каждый раз посмотреть подлинные материалы дела, дающие основание к аресту, ни в каком случае не удовлетворяясь докладом того органа, по чьей инициативе производится арест.

Но задачи прокуратуры отнюдь не исчерпываются тем, чтобы самой не нарушать неприкосновенность личности советских граждан и не позволять делать это каким-либо органам власти, не допускать необоснованных арестов, обысков, приводов, необоснованного возбуждения уголовного преследования и т. д. Очень важная задача прокуратуры заключается также и в том, чтобы вести решительную и эффективную борьбу со всеми преступлениями против личности. Дела об убийствах, о причинении телесных повреждений, о половых преступлениях и т. д., а также дела о хулиганстве приобретают теперь исключительно важное значение. Пора отказаться от взгляда, что задача Прокуратуры и ее следственного аппарата — борьба с должностными преступлениями, с растратами, злоупотреблениями и т. д., а дела об убийствах, изнасиловании и др. пусть расследует милиция, как умеет. Борьба с должностными преступлениями, конечно, отнюдь не ослабевает в связи с проектом Конституции. Наоборот, этот проект не уменьшает, а увеличивает ответственность должностных лиц. Но эта борьба, и самая решительная борьба, должна быть сосредоточена только на преступных злоупотреблениях должностных лиц, на случаях сознательного, преступного невыполнения должностным лицом лежащих на нем ответственных обязанностей. Пора перестать распылять уголовную репрессию на дисциплинарные проступки, на простые ошибки в работе, на перебои, происходящие от неуменья работать, и т. п. Последовательное проведение такой политики сократит

несколько раз нагрузку прокурорско-следственного аппарата делами о должностных преступлениях. За счет этого сокращения, а также за счет повышения все еще недопустимо низкой производительности следственного аппарата должны быть охвачены все важнейшие дела о посягательствах на личность и на личную собственность граждан СССР. Всем этим делам должно быть обеспечено быстрое, технически правильное, высокоэффективное расследование.

Гражданин СССР должен знать, что он прочно защищен от преступных посягательств с чьей бы то ни было стороны.

Но не только неприкосновенность личности и личной собственности советских граждан должна быть предметом заботы прокуратуры. Прокуратура должна сыграть активную роль также и в охране всех других прав советских граждан, установленных X главой проекта Конституции.

Обязанность охраны права на труд и отдых требует от прокуратуры прежде всего решительной борьбы со всеми формами противодействия стахановскому движению.

Гражданин СССР имеет право не только трудиться, но и повышать производительность своего труда. Если в условиях капитализма Лафарг в свое время шутливо говорил о «праве пролетариев на леность», если повышение производительности труда там было навязанной рабочим обязанностью, то в социалистическом государстве это становится правом каждого трудящегося, охраняемым всей мощью государственной власти.

Перебои в выдаче зарплаты, незаконные увольнения, обсчет рабочих, создание недопустимых условий работы, в частности нарушения техники безопасности и т. п., — вот те конкретные формы, в которых может проявиться нарушение права советского гражданина на труд и с которым прокуратура должна вести решительнейшую борьбу. Помимо быстрого и меткого расследования дел о соответственных преступлениях, усиление участия прокуратуры в гражданском процессе по трудовым делам — один из основных путей для достижения этой цели. Но прокуратура обязана охранить право на труд не только рабочих, но и колхозников. Поэтому борьба всеми мерами с нарушениями Устава сельскохозяйственной артели, который проект Конституции рассматривает, как одну из основ нашего общественного устройства, крайне важная задача прокуратуры.

По-новому ставится в проекте Конституции и вопрос о равноправии женщин. Речь идет не о формальном юридическом равноправии, которое признается, хотя и с оговорками, и в ряде буржуазных стран. Речь идет о создании женщине-матери действительной возможности участвовать наравне с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. Поэтому вопросы о неплатеже алиментов, о нелегальном производстве абортов, о понуждении женщин к занятию проституцией, об ограничении прав женщин в связи с беременностью и родами и т. п. должны занять большое место в работе прокуратуры. Особые задачи стоят в этом отношении перед прокуратурами тех областей и республик, где еще живы пережитки родового быта. Так, к перечисленным задачам присоединяются кроме того задачи борьбы с калымом, умыканием, многоженством и другими преступлениями того же рода, а также решительной борьбы со всеми попытками помешать женщине учиться или принимать активное участие в производственной, культурной и общественной жизни.

В противовес проповеди зоологической расовой ненависти, развиваемой фашистами всех мастей и оттенков, проект Конституции в ст. 123 не только декларирует полное равноправие всех граждан СССР независимо от их национальности и расы, но и устанавливает, что всякая попытка нарушить такое равноправие, а также всякая проповедь расовой или национальной исключительности карается законом.

Прокуратура обязана обеспечить полную реальность этой угрозы. Если борьба со всеми преступными проявлениями как великодержавного шовинизма, так и местного национализма и раньше была ответственной задачей прокуратуры, то теперь значение этой задачи во много раз усиливается.

Особое значение имеют задачи прокуратуры в области борьбы с нарушениями положений проекта Конституции, касающихся избирательного права и других гражданских прав советских граждан.

Эти задачи имеют двоякий характер.

Во-первых, прокуратура должна вести борьбу со всеми попытками лишать гражданина СССР «независимо от расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности» возможности беспрепятственного осуществления своих избирательных прав в полном соответствии с Конституцией. Прокуратура должна решительно бороться со всеми попытками восстановить в какой-либо форме те или иные категории «лишенцев».

Но, с другой стороны, прокуратура не должна упускать из виду и того, что если полное уничтожение эксплоататорских классов как классов позволило устранить те временные ограничения всеобщности избирательного права, которые существовали у нас до сих пор, то не исчезла необходимость борьбы с теми отдельными людьми, происходящими из этих классов, или по своим взглядам и стремлениям примыкающим к ним, которые все еще будут пытаться сопротивляться развитию социалистического строительства. Такие лица должны быть лишены избирательных прав не за их бывшую классовую принадлежность, не за их прошлую деятельность, а за их конкретные общественно-опасные поступки, которые не в прошлом, а в настоящем вредят общенародным интересам. Согласно ст. 135 проекта Конституции лишение таких лиц избирательных прав может иметь место только по приговору суда. Настаивать перед судом на применении этой меры в тех случаях, когда это необходимо, и доказать перед судом те конкретные действия данного лица, которые вызывают такую необходимость, — обязанность прокуратуры.

Но, ведя активную борьбу со всеми посягательствами на гарантированные Конституцией права советских граждан, прокуратура обязана содействовать также и усвоению ими их обязанностей.

Ст. 130 проекта Конституции требует от каждого гражданина СССР «соблюдать Конституцию Союза советских социалистических респу-

блик, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития».

Ст. 131 требует чтобы каждый гражданин СССР берег и укреплял общественную социалистическую собственность. Ст.ст. 132 и 133 устанавливают обязанности граждан в отношении обороны Советского союза.

Задача прокуратуры совместно с органами советского суда — содействовать усвоению этих обязанностей всеми гражданами СССР. Ленинско-сталинское учение об утверждении и принуждении как методах воздействия пролетарской диктатуры указывает путь к разрешению этой задачи. Принудить к соблюдению правил социалистического общежития отсталое меньшинство, которое в силу ли своей отсталости, в силу ли бывшей близости к эксплоататорским классам, в силу ли усвоенных навыков паразитического существования или все еще не вполне искорененных пережитков мелко-буржуазной анархичности не желает сознательно подчиняться требованиям новой социалистической дисциплины; применять такое принуждение к меньшинству на основе убеждения большинства и при активной поддержке этого большинства трудящихся; так организовать самое применение принуждения, чтобы каждый случай такого принуждения в свою очередь еще более убеждал массы трудящихся в необходимости строгого соблюдения всех правил социалистического общежития — таковы задачи прокуратуры в этом отношении. Мощным орудием для этого служит гласный судебный процесс, воспитательная роль которого на настоящем этапе возрастает в громадной степени. Выяснение всех тех изменений, которые должно будет вызвать как в нашем процессуальном законодательстве, так и в нашей процессуальной практике утверждение новой Конституции СССР, выходит за рамки настоящей статьи.

Но несомненно одно: участие прокуратуры в работе суда, в частности участие прокуроров в судебных заседаниях в качестве обвинителей, должно быть значительно усилено по сравнению с тем, что имело место до сих пор. Каждое выступление прокурора в суде есть борьба за соблюдение советской Конституции.

Таким образом выполнение крайне ответственных и многообразных задач, которые ложатся на прокуратуру в связи с предстоящим утверждением новой Конституции СССР, к выполнению которых надо приступить уже сейчас, не теряя ни одного дня, потребует решительной перестройки всех отраслей работы прокуратуры, поднятия качества этой работы на несравненно более высокий уровень. И работа прокуратуры по наблюдению за законностью действий органов власти, общественных и хозяйственных организаций и частных лиц, и руководство расследованием преступлений, и работа прокуратуры в суде, и работа по наблюдению за исполнением судебных приговоров, и массово-политическая работа прокуратуры, в частности ее работа с активом, должна быть перестроена так, чтобы обеспечить четкое, бесперебойное осуществление всех изложенных выше задач.

Это потребует безусловно и организационной перестройки аппарата прокуратуры, приспособления структур этого аппарата к новым требованиям, предъявляемым к прокуратуре.

Выполнение этих задач потребует от всех органов прокуратуры высокой культурности во всей их работе.

«Надо со всей решительностью поставить вопрос о культурном стиле работы, которого нередко еще нехватает нашему народному суду. Один из тезисов Ленина гласит о необходимости «научить бороться культурно за законность». Ленин писал, что «без наследия капиталистической культуры нам социализма не построить» (**Вышинский,** Советский суд и советская демократия. «Большевик», 1936, № 10, стр. 34).

Эти слова т. Вышинского, сказанные в отношении суда, полностью применимы и к прокуратуре. «Научиться культурно бороться за законность» требовал от нас Ленин еще в 1921 г. Тем более это требование необходимо теперь, при огромном росте культурного уровня всего народа, тем более необходимо оно в свете новой Конституции, которая сама по себе в каждой своей формулировке носит печать высокой культуры.

Наконец, чтобы справиться с новыми задачами, возлагаемыми на прокуратуру, необходимо самое решительное повышение специальной квалификации всех работников прокуратуры. Не будучи блестящим знатоком советского законодательства, не зная теории права, не зная его истории, не владея техникой расследования преступлений, не умея разбираться в сложных теоретических вопросах права и процесса, могущих возникнуть по любому конкретному делу, не умея различать ошибок в выступлении защиты, в приговоре суда, в любом юридическом документе, который ему придется оценивать, прокурор не справится с возложенными на него задачами. Речь идет не о том, чтобы немножко подчитать кодексы, заучить на память две-три цитаты, чтобы пользоваться ими кстати и некстати. Речь идет о глубоком изучении правовых дисциплин и действующего законодательства.

Мы должны в кратчайший период добиться от каждого прокурора, от каждого следователя, чтобы они подняли и свой общий культурный уровень, и свою политическую подготовку, и свою специальную квалификацию до уровня, достойного новой советской Конституции — величайшего памятника человеческой культуры.

Б. БОРИСОВ

Охрана материально-правовых интересов трудящихся и проект Конституции

Опубликование проекта новой Конституции — самой демократической в мире — связано с решающими успехами, которые мы имеем в деле построения социалистического общества и в результате которых достигнута решающая ступень в уничтожении классов, укреплено социалистическое отношение к труду, поднят материально-культурный уровень трудящихся, созданы предпосылки для окончательного уничтожения разницы между городом и деревней, между физическим и умственным трудом; лозунг товарища Сталина о максимальном внимании к интересам живого человека, «самого ценного капитала в мире», получил свое исчерпывающее воплощение в проекте Конституции; интересам отдельного гражданина Советского союза посвящены статьи как в первой, основной главе, посвященной общественному устройству нашей страны (ст.ст. 9—12) так и в главе десятой, трактующей о таких правах и обязанностях граждан, которых не знала и не может знать ни одна буржуазная конституция в мире (ст.ст. 118—133); имущественные права граждан предусмотрены ст.ст. 9 и 10 проекта; согласно ст. 9 «наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства СССР, допускаются законом мелкие частные хозяйства единоличных крестьян и кустарей, основанные на личном труде и исключающие эксплоатацию чужого труда»; удельный вес этого вида собственности иллюстрируется хотя бы тем, что с этим мелким частным хозяйством в настоящее время связано всего около 10% населения; «процент этого мелкого частного хозяйства и тем более его удельный вес и его роль крайне незначительны. Но оно еще существует и это надо учитывать» (**Стецкий**). «О ликвидации классов в СССР, журн. «Большевик» 1936, № 11). Совершенно очевидно, что по мере дальнейшего роста наших успехов, связанных с коллективизацией деревни и производственным кооперированием кустарей, процент мелких частных хозяйств будет неуклонно падать и уменьшаться.

Совершенно противоположное положение занимает предусмотренная ст. 10 проекта «личная собственность граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, равно как на предметы личного потребления и удобства»; этот вид собственности приобретает огромное значение в наших условиях, когда на основе социалистического отношения к труду при безраздельном господстве социалистической собственности на орудия и средства производства непрерывно растет материальное благосостояние трудящихся, все более повышается их спрос на предметы потребления и удобства: «социализм, марксистский социализм, означает не сокращение личных потребностей, а всемерное их расширение и расцвет, не ограничение или отказ от удовлетворения этих потребностей, а всестороннее и полное удовлетворение всех потребностей культурно-развитых трудящихся людей» (**Сталин**). Вопросы правового регулирования и защиты отношений, связанных как с частной трудовой собственностью, так и главным образом с личной собственностью граждан приобретают в наших условиях особую актуальность. Это подтверждается хотя был тем удельным весом, который занимают в наших судах по своему количеству и содержанию гражданско-правовые споры. Так, если взять общее число гражданских дел, поступивших в суды РСФСР за последние годы, то мы получим следующую картину:

1931	год	764 254 дел
1932	»	892 248 »
1933	»	1 100 182 »
1934	»	1 352 945 »
1935	»	1 700 800 »

Такую же картину мы наблюдаем и в других союзных республиках; так, например, в Грузии рост гражданских дел за 1935 г. составляет 21,7% (в 1934 г. — 43 193, в 1935 г. — 52 679 дел); в Армении рост гражданских дел за 1935 г. составляет 11,2% (в 1934 г. — 19 433, в 1935 г. — 21 711).

Таким образом явление неизменного роста гражданских дел мы наблюдаем повсеместно; однако не только с точки зрения количества этот участок приобретает исключительное значение. По содержанию своему гражданские дела в настоящее время качественно и принципиально отличаются от характера этих дел в восстановительный период нэпа; их политическое значение стало совершенно иным. Если в прошлые годы мы могли часто встречать среди участников гражданского процесса представителей классово враждебных элементов из числа нэпманов и кулачества (подрядчиков, поставщиков, комиссионеров, частные общества взаимного кредита, всякого рода товарищества и т. д.), то теперь в качестве сторон выступают в гражданском процессе, как правило, государственные и кооперативные учреждения и предприятия и трудящиеся. Миллионы граждан проходят через наши народные суды со своими материально-правовыми претензиями. Если в отношении споров внутриобобществленного хозяйства перед судом стоит задача всемерного укрепления договорной дисциплины и хозрасчета, то применительно к спору отдельных граждан на суд ложится задача максимальной охраны живого человека. Это видно хотя бы из статистики отдельных категорий гражданских дел. Так, за 1935 г. рассмотрено было колхозно-гражданских дел: по РСФСР — 6,3%, по УССР — 8,2%, по БССР — 7%, по Армении — 6,2%, по Туркмении — 6% алиментных дел; было рассмотрено за тот же год: по РСФСР — 16%, по УССР — 10,3%, по БССР — 10,7%, по Туркмении — 7,2%. В отношении алиментных дел интересно отметить, что 20% всех этих дел составляют иски об увеличении уже присужденных сумм. Это естественно стоит

в неразрывной связи с повышением материального уровня ответчиков, с тем, что «жить стало лучше». Одним из несомненных факторов такого роста гражданских дел является повышение культурного уровня граждан и укрепление социалистического правосознания, благодаря которым граждане стали более бдительно относиться к фактам ущемления их прав, добиваясь через суд восстановления нарушенных материально-правовых интересов.

Острая потребность в исчерпывающем правовом регулировании имущественных отношений трудящихся наталкивается однако в данный момент на такое препятствие, как абсолютная устарелость и отставание действующего гражданского законодательства.

До настоящего времени продолжают еще формально действовать гражданские кодексы отдельных союзных республик, отразившие в себе все особенности восстановительного периода нэпа: гражданский кодекс 1922 г., содержанием своим отражая диалектику нэпа, допуская в определенных пределах существование частной собственности и частно-предпринимательской инициативы, имел своим назначением всемерно содействовать положительному разрешению исторической ленинской проблемы «кто кого»; кодекс этот был направлен на ограждение командных высот пролетарского государства (ст.ст. 21—24), ограничение эксплоататорских тенденций и нетрудовых доходов буржуазных элементов города и деревни (ст.ст. 2 и 5 вводного закона, ст.ст. 1, 60, 147 и др.) и всемерную защиту экономически слабой стороны в ее правоотношениях с нетрудовым элементом (примечание к ст. 59, ст. 149 и др.). Кодекс этот сыграл большую положительную роль в прошлые года нэпа; сейчас же, однако, при новых условиях (безраздельное господство социалистических отношений, бесклассовое общество, отсутствие безработицы и т. п.) кодекс этот до того устарел, что он нуждается не в отдельных поправках, а в коренной и органической переработке; достаточно привести хотя бы следующие примеры: в силу статьи 5 «каждый гражданин РСФСР имеет право... организовать промышленные и торговые предприятия с соблюдением всех постановлений, регулирующих промышленную и торговую деятельность и охраняющих применение труда»; согласно ст. 54 предметами частной собственности могут быть «предприятия торговые, предприятия промышленные, имеющие несколько рабочих в количестве, не превышающем предусмотренного особыми законами» в силу ст. 57 «законно существующие кооперативные организации могут владеть всякого рода имуществом наравне с частными лицами»; кодекс уделяет значительное внимание таким юридическим лицам, давно ушедшим в область прошлого, как «полное товарищество», «товарищество на вере» и др. Вместе с тем совершенно не регламентируются проблемы колхозной собственности и личной собственности трудящихся; между тем именно с точки зрения ограждения и защиты личной собственности трудящихся должны быть сейчас по-новому поставлены и разрешены такие институты гражданского права, как «имущественный наем», «наследование», «застройка» и т. д. Все эти вопросы должны найти исчерпывающее разрешение в предусмотренном пунктом «ф» ст. 14 проекта Конституции в Гражданском кодексе Союза ССР. Необходимо немедленно же приступить к собиранию материалов и намечению основ для этого будущего кодекса.

В связи с задачей разработки нового гражданского кодекса Союза — кодекса эпохи социализма, кое-где стали раздаваться голоса о необходимости составления двух отдельных кодексов; одного — для регулирования отношений, вытекающих из государственной и колхозно-кооперативной собственности и другого — для регулирования отношений, вытекающих из частной трудовой и личной собственности граждан. При этом выдвигается то соображение, что нельзя единым законом регулировать правоотношения, лежащие в разных плоскостях и подчиняющиеся разным правовым режимам. Необходимо в самой категорической форме высказаться против подобных механистических предложений; личная собственность трудящихся органически связана с общественной собственностью, на нее опирается и с ее судьбой теснейшим образом связана. Рост личной собственности только и возможен на основе укрепления и умножения общественной собственности. Эти два вида собственности по характеру своему не антагонистичны, а, наоборот, дополняют друг друга; развитие одного вида собственности (общественной) неизбежно вызывают развитие и рост другого вида собственности (личной); очень ярко это положение иллюстрируется ст. 11 проекта Конституции, согласно которой «хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности».

Гражданский кодекс Союза должен быть единым кодексом, регулирующим как правоотношения внутриобобществленного хозяйства, вытекающие из экономической основы Союза ССР, — социалистической собственности на орудия и средства производства, так и правоотношения, основанные на личной собственности трудящихся. Кодекс, который был бы посвящен исключительно регулированию личной собственности, «повис бы в воздухе» как лишенный своей основной базы. Лучшим образцом диалектического сочетания личных и общественных интересов трудящихся является Сталинский устав с.-х. артели. По нему должен равняться и будущий гражданский кодекс Союза.

В этом едином кодексе должны найти себе место как основные положения и институты, характерные для обобществленного хозяйства (незыблемость общественной социалистической собственности, проблема хозрасчета, договорная дисциплина, основные вопросы планирования и др.), так и нормы, регулирующие права отдельных граждан. В Гражданский кодекс 1922 г. не были включены по принципиальным соображениям нормы, регулирующие семейно-правовые отношения и отношения, возникающие внутри крестьянского двора; эти вопросы регулировались специальными кодексами: о браке, семье и опеке и земельным; совершенно ясно, что при том положении, когда Гражданский кодекс имел дело преимущественно с товарными отношениями, законодатель хотел подчеркнуть, что вопросы семьи и крестьянского двора решаются особым образом и в отличие от буржуазного гражданского кодекса

ничего общего с товарными отношениями не имеют. Однако, эти соображения совершенно отпали сейчас. Гражданский кодекс Союза будет иметь дело не с частной собственностью и не с рыночным товарооборотом, будучи целиком построен в основе общественной социалистической собственности и личной потребительской собственности трудящихся. Сейчас необходимо включить как вопросы семьи, так и вопросы колхозного двора в Гражданский кодекс. Целесообразно также включить в этот единый кодекс и так называемые «исключительные права» (авторские, изобретательские и др.), значение которых в связи с ростом культуры и развитием стахановского движения усиливается с каждым днем.

По-новому должны быть поставлены и такие институты, которые нашли себе место и в действующем Гражданском кодексе; так, например, сейчас нет уже никакой надобности к такому ограничению круга наследников, который предусмотрен ст. 418 Гражданского кодекса. В свое время, когда объектами наследования могли быть предметы частной собственности, ограничение круга наследников рассматривалось как составная часть системы мероприятий, направленных на ограничение нетрудовых доходов; иначе также должна быть теперь разработана глава о праве застройки. Незачем присваивать застройщику особые льготы и права, которые предусмотрены действующим Гражданским кодексом; стимулом для частного строительства должна быть не ожидаемая выгода от эксплоатации и сдачи в наем жилплощади, а стремление обеспечить себе постоянное и удобное жилое помещение; по-новому также должен быть разрешен вопрос о судьбе добросовестного приобретателя государственного имущества, коль скоро приобретателем этим является не частный собственник, а трудящийся. В соответствии с развертыванием правоотношений, вытекающих из личной собственности, в гражданском кодексе должны быть подробно регламентированы все имущественные связи граждан. (жилищное право, прокат, бытовой заем и т. д.). Знаменитая ст. 1 Гражданского кодекса должна быть сформулирована таким образом, чтобы защита гражданского права обусловливалась соответствием его социалистическому правопорядку (борьба со спекуляцией личной собственностью, с перерастанием последней в частную собственность и т. д.).

Задача всемерной охраны материально-правовых интересов граждан упирается также в необходимость переработки действующего Гражданско-процессуального кодекса. Новый гражданско-процессуальный кодекс Союза, предусмотренный ст. 14 проекта Конституции Союза, должен быть перестроен таким образом, чтобы гражданский суд доступно, своевременно и с соблюдением необходимых гарантий защищал и восстанавливал нарушенные материально-правовые интересы сторон.

Действующий Гражданско-процессуальный кодекс существует с 1923 г. В отличие от уголовного процесса за все время не было даже попытки приступить к составлению нового кодекса. Между тем в нем сейчас мирно уживаются положения, характерные для разных периодов нашей революции: с одной стороны, в нем продолжают формально оставаться положения, корнями своими уходящие в годы восстановительного периода нэпа (право суда ликвидировать по несостоятельности не только частные, но государственные и кооперативные предприятия, право судебного исполнителя продавать с публичных торгов государственное и кооперативное имущество неисправного должника); с другой стороны, в нем можно найти и такие положения, которые являются прямым результатом «упрощенческих» тенденций последних лет, единоличное рассмотрение дел, случаи запрещения обжалования и т. д.). Все это должно быть устранено из будущего гражданско-процессуального кодекса Союза. В нем должны найти себе место принципы развернутой судебной демократии и доступности суда для тяжущихся.

С этой точки зрения необходимо в первую очередь:

а) устранить случаи единоличного рассмотрения гражданских дел в суде;

б) снизить ставки государственной пошлины, сделав их едиными для всех граждан;

в) сократить перечень бесспорных взысканий с передачей их на разрешение коллегиального суда;

г) пересмотреть порядок исполнения судебных решений с тем, чтобы решение суда не оставалось на бумаге, а было реально приведено в исполнение;

д) пересмотреть весь порядок обжалования в том направлении, чтобы устранить инстанционную волокиту и поднять авторитет судебного решения, вступившего в законную силу (этот последний вопрос приобретает особое значение, если иметь в виду, что решения будут выноситься народным судьей, избранным на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании).

По-новому нужно будет сформулировать роль прокурора в гражданском процессе и случаи его вмешательства в порядке надзора. Критерий, предусмотренный ст. 2 ГПК, согласно которому прокурор вмешивается в гражданское дело лишь в интересах государства и трудящихся, должен быть уточнен. В свое время этим имелось в виду, что прокурор не должен вмешиваться в интересах нетрудового элемента. Сейчас же, когда мы имеем дела исключительно с трудящимися, этот критерий должен быть пересмотрен в том направлении, что участие прокурора в гражданском процессе необходимо во всех тех случаях, когда этого требуют интересы государства, принципиальный характер данного гражданско-правового конфликта или особое значение той или иной категории дел (колхозные дела, иски об отобрании детей и др.).

С. БЕРЕЗОВСКАЯ

Проект Конституции СССР и задачи прокуратуры в области общего надзора

Переданный на всенародное обсуждение проект Конституции возлагает на органы прокуратуры задачу огромнейшей важности. Задача эта — «надзор за точным исполнением законов всеми народными комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР».

На прокурора СССР, возглавляющего всю систему органов прокуратуры, ст. 113 проекта Конституции возлагает **высший надзор** за соблюдением законов. Этот избранный Конституцией термин «высший надзор» подчеркивает всю полноту ответственности, которая ложится на прокурора Союза в данной области, а с другой стороны, он указывает на исключительность прав прокуратуры по надзору за революционной законностью. Практически это должно обозначать, что никакой другой высший орган советской юстиции (следовательно, ни НКЮ, ни Верховный суд Союза) не могут брать на себя разрешение вопросов общего надзора и ставить их, в порядке осуществления своих функций, помимо прокурора Союза. Это имеет немаловажное практическое значение. Мы знаем, что по действующему Положению о Верховном суде Союза ССР, в задачи его входит опротестование постановлений союзных наркоматов, противоречащих общесоюзному законодательству. Это создает известный параллелизм в работе Верховного суда и Прокуратуры и делит, а следовательно, и уменьшает их ответственность за результаты работы по общему надзору.

Проект новой Конституции решительно порывает с этой двойственностью, предоставляя органам прокуратуры все права в данной области и возлагая на них же всю полноту ответственности за соблюдение в стране социалистической законности.

Проект не ограничивается установлением прав и обязанностей органов прокуратуры. Он, как и во всех других своих разделах, обеспечивает им пользование предоставленными правами и выполнение возложенных обязанностей. Чем же обеспечиваются права и обязанности органов прокуратуры? Они обеспечиваются провозглашаемым в ст.ст. 115, 116 и 117 принципом единства подчинения всех органов прокуратуры прокурору Союза и независимостью их от каких бы то ни было местных органов.

По действующему законодательству прокуроры некоторых союзных республик имели двойное подчинение, — с одной стороны, наркому юстиции соответствующей республики, с другой — прокурору Союза. Эта двойственность несомненно ослабляла дисциплину в органах прокуратуры и не способствовала успешности внедрения единой социалистической законности во всем Советском союзе. Проект Конституции порывает с этим организационным двоевластием; кроме того, что очень важно, он чрезвычайно укрепляет положение и авторитет прокурора на месте, устанавливает порядок, при котором прокуроры республик, краев и областей назначаются прокурором Союза, районные прокуроры им же утверждаются.

Само собой разумеется, это имеет непосредственное отношение к провозглашаемому ст. 117 проекта принципу независимости органов прокуратуры от местных органов, независимости, обеспеченной в проекте Конституции организационно.

Таким образом органам прокуратуры даны все возможности к тому, чтобы они успешно могли выполнять возложенную на них почетнейшую задачу надзора за осуществлением в стране социалистической законности и в первую очередь выполнения основного закона государства рабочих и крестьян — его великой Конституции.

Вопросы организации работы прокуратуры по общему надзору приобретают тем большее значение, что проект Конституции ставит перед органами прокуратуры новые, поистине величественные задачи по самому содержанию надзорной работы.

Целый ряд новых важнейших положений, устанавливаемых Конституцией требует, при проведении их в жизнь самого пристального, неослабного внимания органов прокуратуры для того, чтобы охранять эти положения от малейших извращений, и нарушений, откуда бы они ни исходили.

Взять хотя бы раздел Конституции об избирательной системе. Неослабное наблюдение за точным проведением в жизнь принципов всеобщности выборов, равенства в них мужчин и женщин, тайны голосования, возрастного лимита и т. д. должно явиться первейшей задачей органов прокуратуры в области общего надзора. О тех прокурорах, которые не заметят могущих быть нарушений, «промажут» их, можно будет с уверенностью сказать, что они плохие прокуроры и что они не обладают нужными для советского прокурора качествами.

Ограждение устанавливаемых Конституцией основных прав граждан — права на труд, на образование, на отдых, защита от всевозможных бюрократических извращений и прямых нарушений представляют не меньшее поле деятельности для надзорной работы прокуратуры. Нечего и говорить, что такие гарантируемые Конституцией права, как свобода слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций, неприкосновенности личности и женщин и т. д., должны быть объектом постоянного внимания органов прокуратуры в целях отражения каких бы то ни было поползновений на эти завоеванные пролетарской революцией драгоценнейшие права.

Предоставляемые Конституцией организационные возможности для успешного выполнения задач общего надзора сами по себе еще недостаточны для того, чтобы работа органов прокуратуры в области общего надзора стала действительно успешной, стоящей на той высоте, которой требует от нее проект нашей Конституции.

Необходима коренная перестройка всей постановки работы органов прокуратуры в этой области.

Известно, что у наших работников имеется определенная недооценка важности работы по общему надзору и неуменье вести эту работу. Прокуроры на местах, да и в центральных аппаратах органов прокуратуры сплошь и рядом не замечают грубых нарушений советских законов, которые совершаются рядом с ними. Взять хотя бы факты налоготворчества, допускаемые местными органами, нарушений основных законов о национализации земли, о строительстве колхозов, о денежной системе, о государственных заготовках, о кооперативной собственности, которое получили одно время довольно широкое распространение, не встретив должного сопротивления со стороны органов прокуратуры на местах. В одних случаях наши прокуратуры просто не замечали этих грубых нарушений советских законов, а в других случаях не считали нужным или возможным с ними бороться (нарушения прав кооперативных организаций в Белоруссии и РСФСР, выпуск денежных суррогатов в Полтаве, Грозном, Омске и т. д.).

Нельзя сказать, которое из этих двух явлений хуже, оба они свидетельствуют о непригодности соответствующих прокуроров к выполнению возложенных на них обязанностей, о несоответствии их своему назначению.

Но если раньше наши прокуроры в оправдание своего бездействия позволяли себе иногда ссылаться на решения «местных директивных органов», то теперь у них отнимается малейшая возможность таких ссылок. Теперь в самой Конституции, этом основном законе СССР, обеспечена их независимость «от каких бы то ни было местных органов».

Таким образом всем прокурорским работникам необходимо решительно перестроить работу по общему надзору, поставить ее на новые, указанные Конституцией основы.

Что необходимо для успешной работы прокурора в области общего надзора? Прежде всего необходимо знание законов, на страже которых поставлена прокуратура. Конечно, нельзя себе представить, что прокурор, знающий о содержании законов что называется «по наслышке» (а таких у нас, к сожалению, еще немало), сможет успешно осуществлять наблюдение за точным исполнением этого закона, а у районного прокурора да и у многих областных консультантов ведь нет! Сам прокурор, хотя бы он имел 10 консультантов, обязан быть первым знатоком законов. Для того состава районных прокуроров, который мы имеем сейчас, это требование еще не вполне реально. Но такая задача должна быть поставлена уже сейчас. Ведь мы не собираемся мириться ни с малограмотными прокурорами, ни с малограмотными судьями. Прокурор должен соответствовать тому уровню культуры, на который поднялась вся страна **и которая сделана возможным создание великого документа эпохи — Конституции нашего социалистического государства.**

Значит, надо учиться, упорно работать для повышения своей политической, юридической и технической грамотности. Прокуратура СССР должна оказать в этом работникам мест всемерную помощь.

Второе условие, необходимое для успешности работы по общему надзору,—это приближение прокурора к органам, надзор за законностью действия которых он должен осуществлять. Протест прокурора наиболее эффективен, конечно, тогда, когда он подан не через год после издания незаконного постановления, а тотчас за ним. Идеал в области общего надзора состоит в том, чтобы вообще ни одно постановление, нарушающее закон, не получило бы силы и реализации. Для того, чтобы достигнуть этого идеала или хотя бы приблизиться к нему, прокурор должен знакомиться со всеми издаваемыми приказами и распоряжениями органами власти на местах и хозорганизациями немедленно после их подписания. Более того, он должен присутствовать на заседаниях местных советов и их исполнительных органов, для того, чтобы иметь возможность своим выступлением предупредить возможность издания распоряжений, содержащих нарушения закона. Это не значит, как думают некоторые, что прокурор должен предварительно визировать издаваемые хозорганами приказы и распоряжения. Это было бы искривлением задач органов прокуратуры в области общего надзора, подменой прокурорского надзора консультантскими функциями.

Говоря о задачах органов прокуратуры в области общего надзора и организации этой работы, нельзя не затронуть вопроса о правах прокурора при осуществлении надзорных функций.

Необходима постановка вопроса о пересмотре установившихся взглядов на этот счет и соответственном изменении действующего законодательства.

Вопрос состоит в следующем: отвечает ли жизненной необходимости ограничение прав прокурора как органа, наблюдающего за точным исполнением законов, во всех случаях, только опротестованием незаконного распоряжения или ему должно быть предоставлено в известных случаях и право приостановления этого распоряжения? Действующие законоположения говорят лишь об обязанности прокурора **опротестовать** незаконное постановление, не упоминая о праве приостановления его исполнения. Однако и сейчас здесь имеются некоторые исключения. Исключением является, например, право прокурора приостанавливать и даже без опротестования распоряжения хозорганов об административном выселении граждан из жилых помещений.

Нам кажется, что теперь, когда на прокурора ложится ответственнейшая задача ограждения от нарушений принципов нашей новой Конституции социалистического общества, права его как органа надзора должны быть в известных областях надзора расширены.

Мы думаем, что всякое незаконное распоряжение или действие любого из органов, надзор за законностью действий которых осуществляет прокуратура, **если это распоряжение непосредственно нарушает основные положения самой Конституции, должно не только опротестоваться прокурором, но и приостанавливаться.**

Предположим, прокурор получает сведения о том, что в день выборов в советы по распоряжению того или иного органа к избирательным урнам незаконно не допускаются некоторые категории граждан (например, по признаку прошлой нетрудовой деятельности).

Нам кажется, что прокурор в известных, установленных в законе случаях, должен иметь

право не только опротестовать незаконное распоряжение и привлечь виновных к уголовной ответственности, но **и приостановить незаконное распоряжение.**

Что касается случаев нарушения других законодательных актов (не Конституции), то необходимости в представлении прокуратуре подобных экстраординарных прав нет.

При надлежащей оперативности прокурора и быстроте его реагирования на незаконные распоряжения вопрос об отмене этих незаконных распоряжений должен и может быть разрешен достаточно быстро, для того чтобы действие его не причинило непоправимого ущерба. Кроме того при возрастании авторитета органов прокуратуры, обеспечиваемого новой Конституцией, одного лишь указания прокурора непосредственно лицу, отдавшему незаконное распоряжение, чаще всего будет достаточно для отмены им самим этого распоряжения.

Таким образом и разрешение таких вопросов, как вопросы предупреждения вредных последствий незаконных распоряжений, зависит от четкой работы самих органов прокуратуры, от их оперативности, от степени их авторитета на местах.

Наша великая Сталинская Конституция, таким образом, дает органам прокуратуры все необходимое для настоящего расцвета действенного, эфективного общего надзора.

Дело теперь за нами самими.

В. ТАДЕВОСЯН

Рассмотрение жалоб трудящихся — важнейшая наша задача

Утвержденное Советом народных комиссаров Союза ССР постановление III пленума Комиссии советского контроля при СНК Союза ССР «О рассмотрения жалоб трудящихся» имеет исключительно важное значение для всей нашей работы. Оно со всей решительностью и глубиной вскрыло основные недочеты в рассмотрении жалоб трудящихся различными советскими и хозяйственными органами и указало пути и методы немедленного и реального улучшения всей этой работы.

«Успехи социалистического строительства и рост общественной активности трудящихся, говорится в постановлении Пленума КСК, ставят с особой остротой вопрос об усилении борьбы с недостатками и бюрократическими извращениями в советском аппарате, а также с фактами нарушения революционной законности».

Значение этого обстоятельства должно быть во всей полноте усвоено каждым работником, имеющим дело с жалобщиками. Нередко бывает теперь так, что огромный поток поступающих жалоб и заявлений вызывает у многих недоумение, если не сказать недовольство. Иному бюрократу всегда спокойней, когда перед окошечком народ не толпится, а жалоб письменных и того поменьше. Но дело идет как раз и не так. Количество жалоб и заявлений растет и растет. Как будто бы и должно было быть наоборот: успехи социалистического строительства должны были бы привести к улучшению всей работы всех наших органов, советских и хозяйственных, и вместе с этим к наиболее полному удовлетворению требований трудящихся, которые поэтому должны были бы меньше жаловаться. Но получается не так: жалуются больше, чем раньше. А иные бюрократы легкомысленно и поспешно стараются избавиться от поступающего к ним большого количества жалоб, они наспех и издевательски «накладывают резолюции» на жалобах, пачками посылают их на периферию, отмахиваясь от назойливых жалобщиков и стараясь как-нибудь избавиться от них, застраховав себя какой-либо надежной по форме резолюцией.

Схематически мыслящие люди и явные бюрократы никак не могут понять диалектики нашей жизни и революционной стройки. Они не могут понять того, что успехи социалистического строительства действительно привели к улучшению работы советского и хозяйственного аппарата, к полному и всестороннему удовлетворению потребностей трудящихся, но это не привело и не должно было привести к уменьшению количества жалоб и заявлений трудящихся. И в этом залог наших дальнейших успехов.

Успехи социалистического строительства привели к резкому и невиданному росту политической сознательности и культурного уровня трудящихся. Трудящиеся теперь уже не те, что раньше. Малейшее нарушение революционной законности, незначительное по прежним масштабам ущемление их прав и интересов оказываются ощутимыми теперь вчера еще малограмотным и культурно отсталым рабочим или крестьянином.

«Повысилась политическая сознательность и культурность всего советского народа, пишет «Правда» в передовой от 30 мая 1936 г., посвященной постановлениям III пленума КСК при СНК СССР, и резко возросли требования к государственному аппарату. В заявлениях, жалобах все больше чувствуется живейшая заинтересованность каждого труженика в том, чтобы государственный аппарат работал безупречно, чтобы ни в одном его звене не было бюрократических извращеинй, чтобы точно соблюдались советские законы и не нарушалась государственная дисциплина, чтобы советский закон нигде не подменялся административным произволом того или иного чиновника». Поступающие в органы прокуратуры жалобы точно такого же содержания и свидетельствуют о тех же требованиях трудящихся.

Однако, далеко не везде и не всегда органы прокуратуры, являющиеся основным и главным органом, рассматривающим многочисленные и разносторонние жалобы трудящихся, находятся на должной высоте в осуществлении этой важной своей задачи.

Правда, нельзя отрицать того, что за последние годы работа прокуратуры по рассмотрению жалоб трудящихся улучшилась. Однако, этого явно недостаточно, ибо требования трудящихся к нашему аппарату возросли.

Констатируя недочеты по разбору жалоб трудящихся в разных наркоматах, советских, профсоюзных и др. организациях, Пленум КСК специально не указывает на недочеты в работе органов прокуратуры. Однако, из этого вовсе не следует, что эти органы свободны от тех недочетов, которые перечислены в постановлении КСК.

В самом деле, и в органах прокуратуры также, как и в обследованных Комиссией советского контроля органах «нередко руководители учреждений сами не занимаются разбором жалоб; жалобы, даже заслуживающие большого внимания, механически пересылаются в местные организации без контроля за ходом их разбора, иногда жалобы передаются на разрешение тех учреждений и лиц, на которых подана жалоба. Имеет место совершенно небрежное хранение, а подчас и утеря жалоб, отсутствует проверка исполнения принятых по жалобам решений, а также проверка постановки разбора жалоб в подведомственных организациях». Таков тот перечень основных недочетов в работе по разбору жалоб трудящихся, который установлен проверкой. Эти же недочеты имеются и в работе органов прокуратуры и, несмотря на целый ряд принятых уже мер к их устранению, они далеко еще не изжиты и нередко прямо дискредитируют прокуратуру в глазах трудящихся и нарушают нормальную работу самой прокуратуры. Мы уже указывали в предыдущей статье по этому же вопросу («Соцзаконность» № 6) на факты недопустимого отношения к жалобам даже в некоторых отделах республиканских прокуратур, которые казалось бы, своим примером должны были бы давать образцы отношения к жалобщикам-трудящимся. Прокуратура СССР еще в январе и марте 1936 г. вновь вынуждена была констатировать непорядки в нашем «жалобном хозяйстве», она вскрыла у себя в аппарате сверху до низу целый ряд серьезных недочетов, основным из которых было и пока еще остается во многих местах отсутствие надлежащего контроля за исполнением по жалобам. И действительно, сколько приходится до сих пор еще страдать жалобщикам, которые в ожидании исполнения распоряжений и поручений вышестоящих органов прокуратуры нижестоящими десятки раз ходят и наведываются о результатах рассмотрения их жалоб и дел, пишут и телеграфируют о том же; сколько времени тратится на всякого рода повторные требования о присылке ответов из периферии; сколько раз добросовестным работникам прокуратуры приходится буквально краснеть перед трудящимися жалобщиками за то, что по вине бюрократов, сидящих в том или ином месте, они бессильны своевременно давать ясный и исчерпывающий ответ жалобщикам. А иной райпрокурор, занятый другими делами, особенно заседаниями и комиссиями, не в состоянии сам разобрать жалобы, принимать жалобщиков и перелагает эту работу на следователя; благо этот безмолвный помощник его ни от чего не отказывается и своего собственного дела толком не делает.

Не принимают жалобщиков лично и не рассматривают сами жалоб трудящихся не только отдельные райпрокуроры, но и многие руководители отделов и секторов в вышестоящих прокуратурах. Перелагают они эту работу на подчиненных им прокуроров, вместе того, чтобы самим разобраться в жалобах и либо немедленно тут же отказать в жалобе, когда совершенно ясно, что жалоба неосновательна (а таких жалоб не мало и они требуют во многих случаях лишь квалифицированного и дельного разъяснения того, что жалоба подана неосновательно), либо же давать аппарату оперативные и конкретные указания о принятии необходимых мер по проверке дел, по расследованию преступлений и т. п. Несоблюдение этого элементарного порядка рассмотрения жалоб и заявлений не только лишает самих руководителей краевых (обл.) и республиканских прокуратур и отделов этих прокуратур возможности быть в курсе всего дела рассмотрения жалоб, знать своевременно о нарушениях революционной законности и принимать меры к их устранению, конкретно и оперативно руководить работой всего своего аппарата, но и приводит к волоките и затяжке в рассмотрении жалоб трудящихся; последние нередко, неудовлетворенные малоквалифицированным рассмотрением их жалоб, ходят из комнаты в комнату внутри одной и той краевой (обл.) или республиканской прокуратуры, находя здесь уже, таким образом, при инстанции для рассмотрения жалобы: прокурор сектора или отдела, заведующий сектором или отделом и прокурор края (области) или республики.

Последствия несерьезного, невдумчивого, нечуткого отношения к рассмотрению жалоб чрезвычайно разнообразны и тяжелы. Об этом говорить здесь не приходится; это хорошо всем работникам прокуратуры известно. Об одном последствии обычно забывают. Это последствие — потеря драгоценного, счастливого времени, которое уходит на бесконечную волокиту, путаницу, безалаберщину, создаваемые канцелярски-бюрократическим отношением к рассмотрению жалоб. Достаточно немного присмотреться к тому, как идет эта работа, несколько ближе подойти к нашим канцеляриям, которые обычно недооцениваются многими руководителями, считающими, что вопросы техники делопроизводства их не касается, чтобы воочию убедиться, какая масса непроизводительного труда затрачивается как жалобщиками-трудящимися, которые подолгу не могут добиться толкового разрешения своего дела, так и самим аппаратом, не умеющим как следует, по культурному организовать свою работу.

Главное, чего нам всем теперь очень не хватает, это организации контроля исполнения по жалобам. Во многих местах нет совершенно систематического контроля за исполнением того, что предложено сделать по жалобе. Абсолютно не к лицу прокуратуре, пользующейся большим уважением и доверием в нашей стране, делать всякие безрезультатные напоминания, посылать бесконечные просьбы и увещевания об исполнении своих законных распоряжений, тем более, когда эти просьбы и напоминания делаются по адресу нижестоящих звеньев централизованной прокурорской системы. Во многих случаях вместо нормально и правильно организованного контроля за исполнением, вышестоящие прокуроры, давшие уже свои распоряжения по жалобам, успокаиваются на этом и фактически не доводят до

конца начатой ими по конкретному факту нарушения прав борьбы за социалистическую законность. Только после того, когда поступает вторичная или третья, четвертая жалоба от того же жалобщика, аппарат прокуратуры начинает осуществлять контрольные функции. Ясно, конечно, что от такой постановки дела ничего хорошего ожидать нельзя, это роняет авторитет такого прокурора, это исключительно тяжело отражается на интересах жалобщиков, особенно тех из них, которые менее грамотны, менее настойчивы, менее требовательны, менее способны вести борьбу с бюрократическими извращениями в работе аппарата.

По условиям своей работы вышестоящие органы прокуратуры обычно передают очень большой процент поступающих к ним жалоб на рассмотрение нижестоящих органов прокуратуры. Правда, и здесь встречается большое количество случаев механической передачи жалоб на места. Нередко жалоба, которая могла бы быть тут же разрешена, передается все же на проверку местному органу прокуратуры из опасения, как бы чего не вышло.

Однако, в большинстве случаев передача жалоб на рассмотрение местных органов прокуратуры вполне правильна и целесообразна. Но плохо то, что почти нигде нельзя встретить такой организации работы, когда бы передающие на рассмотрение нижестоящих органов вышестоящие органы прокуратуры систематически выезжали на места (особенно туда, где эта работа плохо поставлена) и проверяли бы рассмотрение жалоб трудящихся, помогали бы местам лучше организовать это дело и т. д.

Нельзя сказать, чтобы хороших циркуляров и постановлений по всем этим вопросам у нас было мало. Однако, беда в том, что плохо осуществляется проверка проведения их в жизнь.

Малейшее ослабление внимания к этим вопросам приводит к тому, что аппарат начинает давать перебои в работе. Достаточно указать на то, что во многих местах нет еще надлежащей регистрации поступающих в прокуратуру жалоб, имели место потери жалоб, сроки рассмотрения их, установленные постановлением Правительства, не выдерживаются, жалобщикам не дается своевременных ответов по их жалобам, а иногда и забывают просто дать им ответ и т. д.

III пленум Комиссии советского контроля указал на все эти недочеты и потребовал их немедленного устранения. Задача всех органов прокуратуры состоит теперь в том, чтобы как следует проверить состояние своей работы по жалобам трудящихся и серьезно взяться за улучшение этой работы.

Пленум КСК своим решением и политически важными мероприятиями, вытекающими из рассмотрения жалоб трудящихся, нанес решительный удар по тем бюрократам в советских и хозяйственных органах, которые своими действиями порождали ежедневно большое количество жалобщиков.

Такие мероприятия, как прекращение увольнения и отказа в приеме на работу советскими, хозяйственными и другими организациями по мотивам социального происхождения, судимости в прошлом, осуждения родителей и родственников и тому подобное, запрещение посылки «секретных характеристик» при переводе работника из одного учреждения в другое, привлечение к строгой ответственности, вплоть до судебной, руководителей советских, хозяйственных и других организаций за выдачу неправильных фактических справок о трудящихся и так далее, сами по себе такие мероприятия, точное соблюдение которых должно быть всецело обеспечено прокуратурой, приведут к уменьшению количества жалоб, поступающих, в частности и в органы прокуратуры.

Не менее важное значение имеет та часть постановления Пленума КСК, которая говорит о должностных преступлениях и проступках. Огромная часть жалоб, поступающих сейчас в прокуратуру, это жалобы должностных лиц, осужденных за те или иные преступления, квалифицированные по ст.ст. 109, 111 и др. УК РСФСР и соответствующим статьям других союзных республик.

Значительная часть этих жалоб совершенно правильно указывает на то, что осуждение в судебном порядке за должностные проступки незаконно. Но этого до сих пор еще не понимают многие работники на местах. Они не понимают и того, что суд и репрессии являются крайними мерами, к которым приходится прибегать в необходимых случаях. Под напором бездельников-бюрократов, крепко сидящих в отдельных советских, хозяйственных и других организациях, которые весьма облегчают свою работу тем, что при малейших недостатках и проступках в работе отдельных должностных лиц они считают своим долгом снять этих лиц с преданием суду, некоторые органы прокуратуры не задумываясь заводят уголовное дело, дергают людей, нарушают всю их нормальную производственную и личную жизнь, а затем, когда оказывается, что ничего особенного и не было, то в лучшем случае прекращают дело, не извинившись даже перед зря привлеченными лицами, самыми свободными гражданами на свете, так грубо оскорбленными и оклеветанными со стороны бюрократов.

Пленум поэтому указал следующее: «Особенно нетерпимым считать факты передачи судебно-прокурорским органом дел о служебных проступках, не содержащих никаких признаков уголовного преступления». Это постановление обязывает прокуроров прежде чем передавать поступающий от различных органов материал о привлечении должностных лиц к уголовной ответственности следователю на расследование, тщательно разобраться в том, является ли поступивший материал таким, который дает основание на возбуждение уголовного преследования. Этого до сих пор во многих местах не делалось. Прокурор просто ставил свою краткую резолюцию «расследовать», а там видно будет. Такое отношение абсолютно нетерпимо.

Точно также нетерпимо грубое нарушение Сталинского устава с.-х. артели, допускаемое в ряде мест и сводящееся к незаконному исключению колхозников из колхозов. Пленум предложил уполномоченным КСК и органам прокуратуры привлекать к суровой ответственности всех нарушителей этого устава.

В полном соответствии с величайшей Сталинской заботой о человеке, о тружениках социалистической страны издано это замечательное постановление, которое должно послужить основанием для решительной перестройки всей нашей работы по рассмотрению жалоб трудящихся.

Е. ЛЬВОВ

О „нормах выработки“ в органах суда и прокуратуры

В великой Сталинской Конституции—конституции социализма нашли свое выражение права граждан, завоеванные и закрепленные нашими победами. Среди них мы имеем «право на труд — право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством» (подчеркнуто нами. — Е. Л.). Итак, количество и качество труда определяет его ценность. Это требование следует предъявлять как к труду, в результате которого возникают новые материальные блага, так и к труду, не создающему их, но общественно-полезному и необходимому. Труд литейщика и труд врача, труд кожевенника и труд работника юстиции обязательно должен быть высококачественным. Предел количественный наступает там, где возникает опасность качественного снижения. Соблюдение необходимого соотношения этих двух показателей может обеспечить успешный результат всякой работы.

В органах прокуратуры и суда, где на практике в целом ряде звеньев введены «нормы выработки», не всегда учитывается качественная сторона дела. Обычно говорят так: в день надо разобрать 50 жалоб, в день надо доложить и написать решения по 20 делам и т. д. Устанавливая такие нормы, делают это обычно не диференцированно и по существу в порядке обезлички, исходя из «средних чисел». Люди, «нормирующие» труд прокурора или судьи, забывают, что все работники по своей правовой подготовке, культуре, опыту и, наконец, по своим способностям различны, что различны и жалобы и дела, что каждый материал (жалоба, дело) надо прочесть, понять, продумать, проверить по законодательным материалам, определить разрешение вопроса, нередко возникает необходимость посоветоваться, как поступить и всю эту работу необходимо письменно надлежащим образом оформить. Можно ли такую работу заранее расписать по часам и минутам? Не напоминает ли это «нормирование» некоторых судей из Фрунзенского района Москвы, которые, принимая в распорядительных заседаниях дела к своему производству, в определениях писали: «назначить к слушанию и рассмотреть в течение 25 минут».

Работа прокурора и судьи, разрешающего дела и жалобы, сопряжена и с такими ньюансами как личные, вернее субъективные, переживания работника-большевика. Бывает так, что такую жалобу или дело прочтешь, что от возмущения или удивления минут 20 в норму притти не можешь... Бывает и так, что возникает потребность поделиться о деле или о жалобе с товарищем по работе. И это не плохо, это не вредно, ибо это — живой показатель живого отношения к порученному делу. Когда все «нормировано», когда все определяется только количеством — человек засушивается, стремится автоматизировать свою деятельность. А работники юстиции обслуживают граждан нашей страны и тут прежде всего качество этого обслуживания.

В речи на совещании судебно-прокурорских работников Закавказских республик т. Вышинский указывал: «сейчас неправильное применение советских законов вызывает гораздо более резкую реакцию, чем раньше. В этом сказывается рост самосознания, рост политической сознательности, социалистического правосознания. Ныне каждый трудящийся более чутко прислушивается к требованиям нашего закона, но и более решительно и твердо реагирует на нарушение законов, особенно со стороны тех, кто призван к охране закона». Это утверждение т. Вышинского после опубликования проекта Сталинской Конституции становится во много раз более значимым для работников суда и прокуратуры, ибо нетерпимость к любым нарушениям закона со стороны каждого трудящегося нашей страны вновь колоссально возросла.

Когда речь идет о возможности «нормирования» работы судьи и прокурора, уместно вспомнить еще один тезис т. Вышинского из той же речи. Тов. Вышинский говорил: «Нам нужно свою работу строить не как «службу», а как общественное служение, как подвиг». Можно ли, например, при рассмотрении уголовных дел, где речь обычно идет о жизни, свободе и чести советского гражданина, исходить из нормы, основанной на средних арифметических данных?.. Можно ли, рассматривая жалобы трудящихся, реализовать директивы третьего пленума КСК, исходя из таких же норм? Нам думается, что нельзя. Подвига и служения тут не получится.

По линии уголовного суда и прокуратуры, занимающейся уголовными делами, мы имеем снижение количества дел. По линий гражданского суда и гражданского отдела прокуратуры, на участке так называемых бюро жалоб мы имеем рост дел и рост жалоб. Тов. Березовская, например, в своих заметках о судебном надзоре («Соц. законность» № 3) сообщает, что по Прокуратуре Союза по сравнению с январем 1935 г. поступление жалоб увеличилось почти на 70%, по Прокуратуре РСФСР по сравнению с январем 1934 г. в январе 1935 г. поступило жалоб 163%, а в мае 1935 г. — 303%. Работа по судебному надзору, которая, как пишет в той же статье т. Березовская, часто идет «следом за жалобами» и так организована, что люди, ведущие эту работу, «часто напоминают белку в колесе, невидящую ни начала, ни конца своему вращению, и, главное, не улавливающую смысла его». Это верно. И беда не только в том, что люди не всегда владеют техникой надзорной работы и не подчиняют ее определенной направленности, но и в том, что за количеством забывается качество. Оттого судебный работник частенько и напоминает белку.

Когда в этом году мы проводили по Москве перевыборы народных заседателей, один рабочий кузовного цеха завода им. Сталина, выступая в прениях, спрашивал: «почему, когда приходишь к судье или прокурору — они всегда очень спешат? Что они норму выполня-

ют? И этот товарищ просил дать судьям и прокурорам побольше времени для рассмотрения дел и жалоб и добиться того, чтобы эти работники не спешили. Где речь идет о живом человеке — внимание, отсутствие спешки, ясная, неутомленная голова прежде всего. «Нормы выработки» в их теперешнем виде содействуют тому, чтобы формировался тип «торопыги»-судьи, а это можно отнести и к прокурору, против чего с огромной силой протестовал Ленин.

Говорят, что нормы есть средство контроля. Нельзя, однако, пользоваться этим средством без учета качества работы, уровня отдельных работников и специфики порученной работы.

Добросовестность работника в суде и прокуратуре должна определяться в первую очередь не тем, сколько сделано, а как выполнена работа. Следить, за тем, чтобы люди уплотненно работали, чтобы не было лодырничества, отлынивания от наиболее трудной работы надо не по количественным показателям (в суде и прокуратуре количественный момент должен играть второстепенную роль). Этот контроль должен осуществляться в порядке административного управления и по линии общественных мероприятий. А оценивать работника надо прежде всего по существу его работы.

В системе юстиции в вопросе о «нормах выработки» имеются явные ошибки. Идут они по линии забвения вопросов качества.

Труд каждого труженика нашей страны определяется и тем, каков он. Нельзя, поэтому, под напором объема массы дел и жалоб забывать основные принципы организации труда, которые со всей четкостью следует осуществлять там, где объектом труда является живой человек и его интересы.

Уменьшению количества дел и жалоб будут способствовать не разгрузочные мероприятия, к которым фактически сводятся «нормы выработки», а правильное, законное и чуткое их разрешение.

М. ЧЕЛЬЦОВ

О дефектах предварительного следствия

1

В процессе, построенном по типу состязания, все предварительное производство предоставляется инициативе сторон. Так, английский судья только контролирует деятельность обвинителя и обвиняемого и дает разрешение на совершение таких действий, которые выходят из круга их полномочий. При этом объем предварительного производства значительно суживается: задача его — лишь закрепить необходимые для предания суду обвинительные доказательства, отнюдь не останавливаясь ни на всех деталях совершившегося преступления, ни на личности обвиняемого, его прошлом, обстановке жизни, характере мотивов. Все эти моменты находят свое освещение лишь в процессе окончательного (судебного) рассмотрения.

При таком построении процесса, конечно, не устраняется возможность основной ошибки, т. е. предания суду лица, не совершившего преступления. Но зато упрощенное следственное производство не загромождает судебного «дела» и внимания судей массой допросов и актов и не вызывает столь опасной для правосудия склонности судей «заранее» решать все спорные моменты дела на основе материалов предварительного следствия и считать утомительной формальностью повторение на судебном следствии допросов свидетелей и экспертов.

Наконец, быстрота английского предварительного производства в гораздо большей степени обеспечивает и явку всех необходимых свидетелей в суд и свежесть и полноту их показаний, не подвергшихся неизбежной «обработке» в процессе расследования.

Наше предварительное производство, построенное по типу розыскной (К р ы л е н к о, Суд и право, т. 1, стр. 114), возлагает на следователя задачу выяснить до суда и для суда все детали дела. Следователь обязан «выяснить и исследовать обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а равно все обстоятельства как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности». Это значит, что нашему расследованию законодатель ставит столь же широкие пределы, как и судебному следствию (старофранцузская система). При этом «сторон» как активных двигателей следствия наш УПК не знает, и следователь является «хозяином» его.

Может быть, в настоящее время следовало бы поставить вопрос о теоретической и практической ценности такого построения предварительного следствия, неминуемо влекущего растягивание его во времени. Но этот большой и дискуссионный вопрос не входит в задачи настоящей статьи. Здесь нам необходимо отметить только, что наш тип расследования повышает значение письменных материалов и в частности обвинительного заключения как обстоятельного, мотивированного вывода автора, расследования о необходимости предания суду, а следовательно и о наказании обвиняемого.

Психологически совершенно неустранимо сильнейшее влияние на судей-непрофессионалов наших народных заседателей, хорошо составленного обвинительного заключения, торжественно прочитываемого в начале судебного следствия. Оно запечатлевается в их памяти и, как показывает опыт, нередко сохраняет свое значение в процессе образования внутреннего убеждения даже в тех случаях, когда данными судебного следствия тот или иной момент его не подтвердился.

Самое обвинительное заключение является (мы не говорим, конечно, о случаях злоупо-

требления следователя) частью отражением собранных им доказательств, частью — при отсутствии прямых улик и сознания обвиняемого — логическим выводом из их совокупности.

Отсюда ясно, какое огромное значение имеет вся работа следователя в целом и в частности соблюдение им тех правил УПК, которые гарантируют всесторонность и полноту расследования.

2

В резолюции I всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников (апрель 1934 г.) по докладу И. А. Акулова «О задачах органов юстиции в связи с решениями XVII съезда партии» было отмечено, что расследование «является самым узким местом нашей системы». «Политическая значимость и роль расследования особенно возрастают в условиях требования меткой и политически подготовленной репрессии. Качественно полноценное проведение расследования является решающим условием правильности судебной политики и высокого качества работы суда».

В резолюции же по докладу А. Я. Вышинского «О мероприятиях по улучшению качества судебно-прокурорской работы» было признано необходимым «повысить ответственность прокурора и народного следователя за качество следственного материала и расследования в целом». Среди конкретных мероприятий, направленных на улучшение следовательской работы, были указаны: созыв периодических следовательских конференций, охват работников заочными курсами, введение в практику следственных упражнений, рассылка на места методических указаний.

Как известно, летом 1934 г. Прокуратура СССР издала специальный циркуляр о мероприятиях, направленных на повышение качества расследования: прокурорский контроль над возбуждением уголовного дела, восстановление вышедшего из практики порядка обжалования действий органов расследования, подтверждение обязательности предъявления обвиняемому всех материалов законченного следствия, сроки расследования, содержание и форма обвинительного заключения, — вот моменты, преподанные к руководству «впредь до изменения в законодательном порядке действующих в союзных республиках УПК».

Вслед за этим Верховный суд СССР предложил всем судам ввести как форму предварительной проверки обоснованности привлечения к ответственности подготовительное заседание, рассматривающее по докладу прокурора вопрос о достаточности собранных улик для предания суду, а также все заявляемые обвиняемым ходатайства с вызовом последнего в заседание.

Историческая речь товарища Сталина 4 мая прошлого года, круто повернувшая внимание всех советских работников к вопросу о человеке, о роли и значении людей в деле социалистического строительства, в первую очередь касалось работников юстиции и нашла первое отражение в докладе А. Я. Вышинского 19 мая 1935 г. на объединенном заседании Института уголовной политики и секции уголовной политики ИССП Комакадемии. В этом докладе вновь отмечены т. Вышинским и частые в нашей практике легкость и необдуманность привлечения к ответственности и слабость работы подготовительных заседаний по преданию суду. По существу и второй из указанных моментов обличает низкое качество расследования. Если бы руководимое прокурором предварительное следствие стояло на достаточной высоте, то мог бы действовать тот порядок предания суду, который и сейчас изображен в ст.ст. 221 и 235 УПК РСФСР и при котором утверждение обвинительного заключения прокурором и «является преданием подследственного суду».

К сожалению, и сейчас, т. е. через два года после Всесоюзного совещания и через год после речи товарища Сталина приходится констатировать, что ни разъяснения Верховного суда СССР о важности соблюдения процессуальных норм, ни циркуляры Прокуратуры СССР, ни резолюции совещания, ни те конкретные мероприятия по повышению квалификации прокурорских и следственных работников, которые принимались за это время, не вытравили полностью пренебрежительного отношения к основным требованиям советского процессуального кодекса в области предварительного производства. А такое отношение имеет своим следствием судебный брак и больно отражается на живых людях, на кадрах социалистического строительства, о которых говорил товарищ Сталин.

«Народный следователь должен быть достаточно квалифицированным, обладать хорошей техникой своей работы, чтобы не дергать зря и не отрывать от работы людей, ни в чем не повинных, и чтобы от суда одновременно не ускользнул классовый враг, дезорганизатор социалистической стройки, всякий, нарушающий государственную дисциплину», — говорил М. И. Калинин в речи на заседании, посвященном 10-летию Верховного суда СССР. И дальше: «От прокурора зависит направление каждого дела. Мы требуем и вправе требовать от прокурора, чтобы ни один невинный не был привлечен к суду. Мы требуем от него такой постановки и такого обоснования обвинения, которые действительно помогли бы судье разобраться в деле» [1].

Ряд дел, прошедших в порядке надзора через Прокуратуру СССР, убедительно показывает, что нередко еще и сейчас следователи и прокуроры не соблюдают — первые при проведении расследования, а вторые—в руководстве следствием и в стадии предания суду— основных норм УПК, не считаясь ни с общими политическими указаниями высших партийных и советских органов, ни с логикой фактов каждого данного дела. Резкая обвинительная тенденция, не останавливающаяся перед самыми очевидными доказательствами невиновности привлеченных к следствию лиц, грубое нарушение гарантированных законом прав обвиняемых, крайний субъективизм в изложении обвинительного заключения, иногда переходящий в прямое искажение фактов, — все еще замечаются в отдельных делах.

Ниже мы приведем несколько примеров. В некоторых из них вмешательство Прокуратуры СССР еще в стадии расследования предотвратило предание суду привлеченных без достаточных данных лиц, в других мы встретились уже с неправильным приговором, который, как

---

[1] «10 лет Верховного суда Союза ССР 1924—1934 гг.», стр. 7—8.

это легко можно констатировать, вырос на почве грубых ошибок и нарушений следователя.

3

Первым примером грубой ошибки может служить дело Абдулаева, проведенное Бакинской горпрокуратурой. Здесь самый серьезный пункт обвинения б. председателя деревообделочного комбината Абдулаева в подлоге и присвоении совместно с б. зав. производством Шипиловым 4 тыс. руб. остался совершенно не расследованным. При обвинении в подлоге в копии договора с Хладопромом к делу не был приобщен подлинник договора, так что совершенно нельзя установить, внесены ли действительно в копию дополнения и какие именно. В деле фигурирует подложный счет от имени инженера Маркова, подпись которого заверена надписью от имени администрации Хладопрома с оттиском круглой печати этого учреждения. Следователь даже не пытался выяснить, кто сделал эту надпись и поставил печать, не произвел экспертизы почерков, а между тем свидетель — директор Хладопрома — показывает, что надпись эту сделал, кажется, кто-то из его сотрудников. При таком положении следователь обязан был внимательно отнестись к заявлению обвиняемого Абдулаева о том, что он был введен в заблуждение представленным ему Шипиловым счетом инженера Маркова с надписью и печатью Хладопрома. Интереснее всего, что Шипилов, который подделал, согласно конструкции обвинения, копию договора и представил подложный счет от имени Маркова, **не разыскивался следователем, и в деле нет даже постановления о привлечении его к ответственности.**

Второе обвинение — в бесхозяйственности — формулировано неконкретно, и в части итогов деятельности комбината за 1934 г. следователь не выделил тех моментов, ответственность за которые ложится на бывшего до Абдулаева председателя правления — Рабаева.

Прокуратура направила в суд, а суд утвердил явно дефектное обвинительное заключение; судебное следствие шло в рамках заключения, и в результате — обвинительный приговор, который никак не может считаться убедительным, имеющим политическое значение документом, а только иллюстрирует плохое качество работы суда и прокуратуры. Приговор этот опротестован Прокуратурой СССР в президиум Верхсуда Азербайджанской ССР.

Та же Бакинская прокуратура вела зимой 1935/1936 г. следствие по обвинению доктора Х. в покушении на изнасилование пациентки. Следователь произвел следствие крайне поверхностно, устремив все внимание на собирание сведений, дурно характеризующих доктора Х., вместо того чтобы обективно проверить конкретное обвинение, и счел возможным направить дело с обвинительным заключением, не допросив в качестве свидетеля медсестру, которая, по словам доктора Х., присутствовала в кабинете во всех случаях приема им больной И., якобы потерпевшей. Прокуратура Азербайджанской ССР вернула дело на доследование с рядом конкретных указаний. Выполнение их показало вздорность обвинения, выдвинутого против д-ра Х. Тем не менее следователь составил обвинительное заключение с эффектной формулировкой обвинения: «Находясь на службе в качестве врача, злоупотреблял своим служебным положением и опошлял советскую медицину». В обвинительном заключении, кстати сказать, крайне неграмотном, автор допустил вместо объективного, изложения данных следствия целый ряд своих «психологических» выводов: «больная в момент осмотра, находясь в подчинении врачу, должна была молчать», «используя это молчание, доктор Х. со слов стал переходить к делу». Все это — при наличии категорического показания медсестры о ложности заявления «потерпевшей», а также при подтверждении самой «потерпевшей» на очной ставке с доктором Х (произведенной по предложению прокуратуры республики) очень существенного момента, указанного с самого начала следствия доктором Х. Так как это обстоятельство явно подрывало все обвинение, то «объективный» следователь записал в обвинительном заключении прямо противоположное положение, будто бы гр-ка И. на очной ставке отрицала этот момент. Попутно отметим, что половина актов следствия не подписана следователем, а один протокол допроса и обвиняемым.

Интересно все же, что прокуратура республики (правда, в лице другого работника) согласилась с обвинительным заключением, и только вмешательство Прокуратуры СССР «сорвало» показательный процесс, который должен был закончиться либо явной судебной ошибкой, либо (в лучшем случае!) скандальным провалом обвинения. Прокуратура СССР прекратила это дело.

Еще более ярким примером в смысле систематического нарушения норм УПК и грубой обвинительной тенденции следствия может служить дело работников ростовского на-Дону управления недвижимыми имуществами комхоза.

Следствие по этому делу велось городской прокуратурой. В отношении целого ряда лиц следователь применил следующий метод. Составив заранее трафаретные постановления о привлечении работников РУНИ, в которых вместо конкретных обвинений была ссылка на «преступные деяния, дающие возможность обогащения частновладельческого сектора», следователь допросил всех этих работников в качестве свидетелей и, **не предъявляя обвинения, заключил их под стражу;** в постановлении о привлечении заранее была определена мера пресечения в виде «содержания под стражей по 1-й категории», и прокурор заранее же ее санкционировал.

Двое из таких «свидетелей» просидели в тюрьме без предъявления обвинения по 6 дней, третий — 10 дней, четвертый — 13 дней, пятый—18 дней и шестой—23 дня.

В отношении одного из таких «заключенных свидетелей» (или «обвиняемых по секрету») следователь ухитрился в течение 18 дней вынести 4 различных постановления о мере пресечения, не имея к этому никаких оснований в материалах дела, но, очевидно, считая, что подобная «игра в кошки-мышки» поднимает авторитет прокуратуры. Сейчас же после допроса в качестве обвиняемого «мышка» была освобождена.

Так как подобный прием с мерой пресечения был применен в отношении большого числа обвиняемых, то может возникнуть сомнение: грамотен ли этот следователь или для него УПК — книга за семью печатями... Но ведь все аресты с ничего не говорящими форму-

лировками обвинения утверждал горпрокурор. Неужели и он не ведал, что творил, не зная ни УПК, ни инструкции 8 мая?!

За недостатком места мы не можем подробно излагать всего существа этого интереснейшего дела, по которому проходит красной нитью желание раздуть процесс, привлечь побольше обвиняемых и предъявить им обвинения в самых серьезных преступлениях без малейшей заботы относительно обоснованности этих обвинений.

Молодые специалисты — техник, экономист, юрист, старые, с большими общественными заслугами члены коллегий защитников привлекаются к ответственности более чем легкомысленно, органы следствия не желают считаться ни с данными экспертиз, ни с фактическим положением вещей, ни с приводимыми обвиняемыми законами и ведомственными распоряжениями, полностью их оправдывающими, присоединяют к делу материал о других работниках комхоза, ничего общего не имеющий с данным делом, и создают процесс в краевом суде с рядом абсурдных обвинений.

К сожалению, и крайсуд, под гипнозом ли чрезвычайно внушительного обвинительного заключения или под каким-либо иным гипнозом, продолжает ту же линию: оправдав 3 обвиняемых, он крепко осудил всех остальных, полностью подтвердив все абсолютно неграмотные как с политической, так и с юридической стороны построения обвинительной власти.

Городская прокуратура решила еще опротестовать приговор в отношении одного из оправданных и в отношении двух из осужденных за мягкостью!..

Верховный суд РСФСР, однако, посмотрел на дело иначе и согласно заключению Прокуратуры СССР отменил приговор в отношении всех осужденных и полностью прекратил все дело за отсутствием в действиях обвиняемых состава преступления. (Определение Верхсуда от 7 мая 1936 г.).

При этом Верховный суд РСФСР и прокурор СССР, признав дело ярким образчиком «судебного (дорого стоящего) брака», приняли каждый по своей линии соответствующие меры воздействия в отношении работников суда и прокуратуры, явно пренебрегающих велениями партии и правительства об укреплении социалистической законности, о заботе и внимании к живым людям, к кадрам.

***

Как мало внимания уделяют иногда органы расследования существу дела, как легко идут на поводу у ловких обывателей, сводящих путем уголовного преследования свои личные счеты, показывает дело Чепланова в Казани.

Развернутое постановление президиума главсуда АТССР отметило исключительную невнимательность и бюрократическое отношение ряда работников суда и прокуратуры при ведении этого дела, в результате чего «получилась наслоенность его ненужными документами»: из 150 листов материалов, поступивших к старшему следователю, лишь 10—15 относились к этому делу. Как видно из постановления президиума Главсуда, прокуратура без всяких оснований признала «потерпевшего» по делу гр. Костина активистом-общественником и придала делу исключительно серьезное значение, поручив расследование старшему следователю. Этот последний так ретиво взялся за дело, что к моменту направления его в суд оно выросло до 300 листов за счет переписки между Татарским обкомом ВКП(б) и прокуратурой, объяснений горпрокурора, жалоб Костина на работников прокуратуры и прочих, не относящихся к нему бумаг. Но обвинительное заключение было утверждено прокурором, и машина завертелась и вертелась, пока после двукратной отмены коллегией Главсуда оправдательных приговоров не вмешался в дело президиум Главсуда по инициативе, увы, не прокуратуры, а народных судей!

***

Последний пример мы приводим для иллюстрации того, как небрежное отношение следователя к «мелочам», работа по трафарету усложняют дальнейшее производство по делу и затягивают его. В Москве на площади Красных ворот легковая машина под управлением профессора Г. наехала на гр. Головина, который при падении на мостовую получил трещину основания черепа с кровоизлиянием в мозг и тут же скончался.

Профессор Г. объяснил, что гр. Головин неожиданно спрыгнул с шедшего полным ходом трамвая прямо под машину, с левой ее стороны, так что даже сделанный им крутой вираж с целью объехать прыгнувшего не спас последнего от толчка крылом.

По показанию же сестры убитого Головина, у которой он проживал, приехав на несколько дней в Москву, она, за несколько часов до несчастного случая проводила его до станции метрополитена «Красные ворота» для поездки к врачу на Смоленскую площадь, и он сказал ей, что таким же образом, т. е. на метро вернется домой. Если бы гр. Головин действительно приехал на площадь Красных ворот поездом метро, он должен был переходить улицу справа налево по ходу машины профессора Г.

Таким образом направление этого дела зависело от установления одного факта — слева или справа пересекал улицу потерпевший: если слева, то, следовательно, спрыгнув с трамвая на ходу, и тогда наезд на него машины нельзя было вменять в вину водителю; если справа, то, значит, водитель допустил наезд по грубой неосторожности.

Следователь Оруда, ведший дело, даже не пытался отыскать очевидцев случая, не произвел осмотра платья убитого с целью установить наличие билета трамвая или метро, не произвел экспертизы технической и судебно-медицинской для решения вопроса о том, с какой стороны попал гр. Головин под машину и насколько правдоподобны объяснения водителя о крутом вираже влево для объезда человека, бегущего на перерез машине слева же.

Эти упущения дали возможность профессору Г. в течение нескольких месяцев упорно во всех прокурорских инстанциях отстаивать свою версию о прыжке потерпевшего с трамвая и требовать на этом основании прекращения дела.

Прокуратура СССР, к которой дело попало по такой же жалобе обвиняемого, поручила доследовать дело и кроме производства экспертизы выяснить у сестры ряд вопросов относительно состояния верхней одежды покойного, точного адреса врача, у которого он был, и пр.

Заключение экспертизы оказалось не в пользу водителя машины (неправдоподобность виража влево!), но врач не смог определить по характеру повреждений, слева или справа попал потерпевший под машину. Но самым интересным оказалось заявление сестры покойного о том, что на следующее утро после несчастного случая она разговаривала с очевидцем его — трамвайной стрелочницей, и та подробно описала, как гр. Головин пошел через улицу с правого тротуара, а через минуту, подбежав на крики к месту происшествия, она увидела его лежащим на мостовой.

Свидетельница была разыскана, полностью подтвердила указанные моменты. И после этого водителю машины пришлось умолкнуть и покорно итти на суд. Но до выяснения этой решающей все дело мелочи дело тянулось из-за невнимания следователя к «мелочам» 6 месяцев.

Мы выбрали для примера несколько следственных дел. Количество примеров легко было бы умножить. Вряд ли в этом есть надобность. Тот факт, что в крупном краевом центре — Ростове на-Дону, в центре автономной республики — Казани, в столице союзной республики — Баку и в столице СССР — Москве в конце 1935 г. и в 1936 г. следствие хотя бы в отдельных случаях может производиться так, как это иллюстрируют наши примеры, громко говорит сам за себя. Такое положение совершенно нетерпимо.

Проект новой Конституции СССР, Сталинской Конституции, только что опубликованный, поднимает на огромную высоту органы суда и прокуратуры. Впервые в истории человечества создается суд, по-настоящему независимый от всяких местных влияний и подчиненный только закону. Полностью централизованная прокуратура с единым организационным и оперативным руководством в лице прокурора Союза, также освобожденная от какого бы то ни было подчинения местным органам, должна обеспечить незыблемость советского закона, укрепить социалистическую законность в отношениях между всеми органами власти и трудящимися.

Огромные полномочия получают таким образом построенные суд и прокуратура. Но и велика их ответственность перед партией и правительством.

Постоянной работой над повышением своих теоретических знаний, над овладением техникой расследования, углубленной критикой и самокритикой, последовательным и суровым осуждением любого проявления бюрократизма, чванства и пренебрежения к трудящимся—органы прокуратуры должны укрепить свои ряды и поднять качество следственной работы на высокий уровень, достойный суда социалистического государства.

Б. МАНЬКОВСКИЙ, Б. ОШЕРОВИЧ, А. ШЛЯПОЧНИКОВ

К вопросу о юрминимуме повышенного типа

Развертывание советской демократии в эпоху социализма в громадной степени подымает роль судебных органов в борьбе за социалистическую законность, за охрану социалистической собственности и защиты личных и имущественных интересов трудящихся.

Эти задачи судебными органами могут быть выполнены при систематическом повышении теоретического уровня судебных работников. В особенности важное значение приобретает задача повышения правовой подготовки судебно-прокурорских работников. Низкая подготовка в области специальности нередко, как это показывает практика, приводит к грубейшим нарушениям революционной законности.

В целях повышения правовой подготовки сейчас судебные работники сдают зачеты по юрминимуму. Сдача этих зачетов показывает, на какой низкой ступени в своей теоретической подготовке стоят сейчас некоторые практические работники. Совершенно очевидно, что нельзя удовлетвориться сдачей юрминимума. Необходимо вести упорную работу по дальнейшему повышению правовой подготовки. Существующий юрминимум не является пределом. Тем более, что существующий юрминимум был рассчитан на низовых судебно-прокурорских работников и ни в коей мере не может удовлетворить работников областных и центральных органов юстиции. Поэтому со всей остротой стоит вопрос о необходимости подготовки к печати юрминимума повышенного типа.

Необходимость подготовки учебных пособий повышенного типа вызвана тем обстоятельством, что по своей квалификации и юридическому образованию работники областных и центральных органов должны стоять значительно выше районных работников. Подготовка повышенного юрминимума вызывается еще и тем обстоятельством, что работники, сдавшие юрминимум, должны вести дальнейшую работу над повышением своей квалификации.

Юрминимум повышенного типа должен дать более развернутое и углубленное освещение предмета основных дисциплин советского права.

В юрминимуме повышенного типа необходимо в целях расширения кругозора практических работников дать известное знакомство и с современным буржуазным законодательством, судебной практикой и правом.

Поэтому необходимо, чтобы Институт судебной политики немедленно приступил к подготовке к печати юрминимума повышенного типа.

Подготовка юрминимума повышенного типа встретит значительные трудности. Он должен дать достаточно углубленно, на высоком теоретическом уровне, освещение основ марксо-ленинской теории уголовного права. В то же время повышенный юрминимум должен быть изложен в доступной и популярной форме.

Поэтому мы считаем необходимым поставить вопрос перед практическими работниками о подготовке повышенного юрминимума, чтобы они на страницах печати высказывали свои соображения о том, как лучше разрешить эту задачу.

М. СТРОГОВИЧ

О юрминимуме и юридической грамотности

Приказ прокурора СССР об обязательной сдаче юрминимума работниками прокуратуры был издан 1 октября 1934 г. С тех пор прошло свыше 1½ лет, но имеющиеся данные показывают, что, несмотря на то, что в центре и на местах была проделана немалая работа, результаты ее не могут быть признаны в какой либо мере удовлетворительными. Задача была ясная и простая — обеспечить овладение всеми прокурорскими работниками определенными элементарными юридическими знаниями, без чего не может выполнить своих обязанностей прокурор или следователь. Объявленная в приказе прокурора СССР № 287 от 1 октября 1934 г. программа юрминимума не была ни особо громоздкой по объему, ни особо сложной по содержанию. В конце концов в ней содержались, главным образом, те вопросы, с которыми приходится сталкиваться и которые приходится разрешать каждый день и каждый час каждому прокурору, каждому следователю.

И вот сейчас, по прошествии свыше 1½ лет, приходится констатировать, что в целом, по всем прокуратурам союзных республик работа по юриминимуму не только не закончена, но в ряде мест, собственно говоря, по-настоящему еще не начиналась. Относительно благополучно (но только относительно) обстоит дело в РСФСР— сдали юрминимум по всей периферии 1830 чел. Однако Прокуратура РСФСР не располагает сведениями, какой процент всех прокурорских работников, обязанных сдать юрминимум, эта цифра составляет. Из отдельных краев и областей РСФСР выделяется Прокуратура Калининской области, где сдача зачетов по основным правовым дисциплинам (1-й том пособия «Юрминимум») закончена, Курсая область, Ленинградская область, г. Москва, Московская область и некоторые другие. Здесь и работа проделана большая в смысле подготовки работников прокуратуры к испытаниям, и результаты получились ощутительные. Дефектов при проведении юрминимума много и по РСФСР. Но работа все же проделана большая, хотя и не вполне подытоженная и проверенная.

А на Украине дело обстоит из рук вон плохо. В Прокуратуре УССР только последнее время стали, что называется, «развертывать» работу, организовывать кружки, рассылать литературу и т. д. Но к самым испытаниям еще почти не приступали, а насколько широко развернута подготовка на местах к испытаниям по юрминимуму — нет сведений в самом аппарате Прокуратуры УССР.

Неважно (хотя лучше чем в УССР) обстоит дело в Белорусской ССР. Там организованы в ряде мест курсы, кружки и т. д., начаты сами испытания, но они не только не закончены, но пока что и срок окончания нельзя даже определить приблизительно. А главное это то, что по свидетельству самого наркома юстиции и прокурора БССР тов. Кузьмина не была обеспечена связь подготовки к сдаче юрминимума с органической работой по повышению квалификации работников покуратуры и следствия.

В Узбекской, Туркменской и Таджикской республиках работа идет слабо, испытания по периферии еще не проводились и о результатах сообщить что-либо определенное нельзя.

О самих испытаниях, о требованиях, предъявляемых при испытаниях и об оценках, которые даются знаниям практических работников, сведения имеются очень неполные и отрывочные. Есть серьезные сигналы о том, что в ряде мест допускается «либерализм» в оценках, что оценки ставились слишком высокие, не в соответствии с действительными знаниями. Так, если при испытаниях по Прокуратуре Московской области 75% всех судей, прокуроров и следователей сдали на высшие оценки — «отлично», «хорошо», то в реальности этих оценок можно усомниться.

В общем имеющиеся по отдельным республикам, краям и областям сведения таковы, что на основе их дать точную обоснованную цифрами картину хода испытаний по юрминимуму — невозможно. Очевидно для большинства прокуратур задача сейчас заключается не в том, чтобы подвести итоги работы по юрминимуму, а в том, чтобы как следует за эту работу взяться. Нужно иметь в виду, что сейчас задача решительного проведения юрминимума не только не снимается, но, наоборот, делается еще больше важной и актуальной, чем тогда, когда впервые были объявлены требования сдачи юрминимума. Никогда не были так высоки требования, предъявляемые к органам юстиции, никогда так остро не стояла проблема качества работы органов юстиции, как сейчас, когда завершается построение бесклассового социалистического общества, когда неизмеримо вырос материальный и культурный уровень трудящихся, когда наша страна находится накануне принятия новой Конституции — Конституции всенародного советского социалистического государства. Неужели кому-нибудь в голову может притти мысль, что в этих условиях, в этом государстве может работать хотя бы один прокурор, судья или следователь юридически неграмотный, не знающий тех законов, на страже которых он призван стоять?

А таких работников у нас, к сожалению, еще немало — и это наглядно показали проведенные в ряде мест испытания по юрминимуму. Некоторые ответственные работники — прокуроры, судьи и следователи, и на местах и в центре — проявляли вопиющую неграмотность в области действующих законов. Организация, компетенция и взаимоотношения органов советской власти, порядок и форы деятельности органов следствия, суда и прокуратуры, действующие кодексы, ряд важнейших законов — все это оказывалось для некоторых работников совершенно незнакомой областью. Можно было бы привести много курьезов этой категории, но ограничусь лишь парой из них. Например, один прокурор в Москве не знал, в чем разница рассмотрения уголовных дел в порядке кассации и в порядке надзора. Другой прокурор в Курской области на вопрос, что такое реплика в прениях сторон, ответил: «это — когда прокурор произносит речь, а защитник его перебивает». Некоторые ничего не слышали и не могли сказать о письме т. Ленина к

т. Сталину — «О «двойном» подчинении и законности» (основной документ для всякого работника прокуратуры). Кое-кто не знал разницы между ЦИК и Совнаркомом и т. д. и т. п.

Я вовсе но хочу сгущать краски и обобщать эти случаи, распространяя их на всех работников прокуратуры, но беда в том, что случаи эти нередки, и по поводу их приходится бить тревогу, тем более, что случаи неграмотных, нелепых приговоров и других актов обнаруживаются в различных местах, часто делаются достоянием гласности, публикуются в нашей юридической и в общей прессе. Очевидно, здесь серьезная опасность, и борьба с ней должна быть очень и очень серьезна.

При испытаниях по юрминимуму обнаруживались также факты общей и политической неграмотности (или недостаточной грамотности) некоторых прокурорских и следственных работников. Некоторые не читают газет, незнакомы с литературой (классической и современной). Один следователь не читал речи т. Молотова на VII всесоюзном съезде советов об изменениях Конституции, другой ничего не мог сказать о беседе товарища Сталина с Рой Говардом. А ряд работников, оказывается, не читают журналов, непосредственно их работы касающихся («Социалистическая законность» и «Советская юстиция»).

Проведение юрминимума, при всех его недостатках, имело одно несомненно положительное значение — оно всколыхнуло всю массу наших работников юстиции, пробудило у нас достаточно ясное сознание необходимости учиться, без чего невозможна практическая работа. Потребность в правовых знаниях у практических работников юстиции очень велика, желание учиться, жажда знания громадны и все возрастают, но умение организовать это дело, построить свою практическую работу так, чтобы учеба, работа над собой были бы ее органической частью, — совершенно недостаточно. Кое-кто так и ставит вопрос «или работать, или учиться». Как будто учеба — не работа и можно работать не учась!

При проведении юрминимума на местах встречается ряд действительных и серьезных трудностей, преодолевать которые было, конечно, нелегко. Прежде всего недостаточна и подчас отсутствует необходимая юридическая литература. Учебник «Юрминимум», сильно запоздал с выходом в свет, и это осложняло на местах работу. Да и сам учебник слишком краток и схематичен, в особенности во II части, посвященной, главным образом, гражданскому праву и процессу. Других пособий по отдельным правовым дисциплинам либо нет, либо их тираж недостаточен для снабжения всей периферии. Особо велики трудности в национальных республиках, где пособий на национальном языке нет и с переводом имеющихся дело не организовано.

Большие затруднения встречаются с проведением испытаний по дисциплинам хозяйственного и гражданского права и связанным с ним трудовым и аграрным правом. Помимо отсутствия учебников, сильно сказывается недостаток (а в иных местах и отсутствие) работников, знающих эти дисциплины настолько, чтобы они могли вести занятия и проводить испытания. По вопросам уголовного права и уголовного процесса у нас есть много достаточно квалифицированных прокуроров, судей и следователей, которые не только сами знают предмет (хотя бы и в практическом разрезе), но и других могут учить, но «цивилисты» среди практических работников юстиции крайне дефицитны, а во многих местах и вовсе отсутствуют. Очевидно, здесь сказываются последствия одно время достаточно распространенного пренебрежения к вопросам гражданского права и гражданским делам. А ведь сейчас удельный вес гражданских дел в работе органов юстиции сильно возрастает и, очевидно, будет возрастать, как следствие роста материального благополучия трудящихся и повышения их культурного уровня и требований к защите их личных и имущественных прав и интересов.

Наличие всех этих трудностей несомненно. Но они не являются непреодолимыми, они могут быть устранены, если вопросам повышения квалификации работников юстиции будет уделяться больше внимания, если будет проявлено больше настойчивости в этой крайне важной и актуальной области работы. И это — задача всей системы наших органов юстиции, всех правовых учебных и научно-исследовательских учреждений.

Помимо всего этого надо иметь в виду следующее: мы говорим о юрминимуме, т. е. о минимуме юридических знаний работников советской юстиции. Но если мы и доведем эту работу до конца (чего еще не сделано), это не все и этого будет недостаточно. Один минимум знаний нас удовлетворить не может, это только необходимый этап в нашей работе, но это еще далеко не все. Не минимум юридических знаний, а достаточно глубокие и основательные знания в области права, всестороннее развитие и высокая культурность необходимы для наших работников юстиции для того, чтобы они могли успешно справиться с поставленными перед нами задачами, в особенности в свете тех положений, которые установлены проектом новой Конституции СССР.

А из этого вытекают следующие требования:

1. В кратчайший срок завершить проведение испытаний по юрминимуму для всех работников юстиции, не имеющих высшего юридического образования.

2. При проведении юрминимума обеспечить достаточно высокие требования при оценке знаний каждого работника, не допуская скидок на занятость, загруженность оперативной работой, недостаточную общую грамотность и т. д.

3. Проведение подготовки к сдаче юрминимума (кружки, лекции, консультации и т. д.) и самих испытаний связывать с общей работой по повышению квалификации работников юстиции, всеми мерами и всеми способами содействуя росту всесторонне развитого, культурного, политически и юридически в достаточно высокой степени грамотного судьи, прокурора, следователя.

Б. МАНЬКОВСКИЙ

Формы сопротивления стахановскому движению

Товарищ Сталин в своей речи на I всесоюзном совещании стахановцев с исключительной глубиной показал историческое значение стахановского движения для построения коммунизма. Сопротивление стахановскому движению классово враждебных и бюрократических элементов должно встретить жесткий отпор со стороны всех органов пролетарской диктатуры. Классовый враг оказывает всемерное сопротивление развертыванию стахановского движения, используя мелкобуржуазные пережитки в сознании неустойчивых элементов из среды трудящихся.

Бюрократические элементы среди хозяйственников также оказывают сопротивление развитию стахановского движения.

Перед органами юстиции стоит задача в борьбе с сопротивлением стахановскому движению: беспощадно подавлять классового врага; применять убеждение в отношении консерваторов среди хозяйственников и трудящихся, мешающих развитию стахановского движения, и лишь в последнюю очередь прибегать к методам принуждения.

Сопротивление стахановскому движению имеет место в самых разнообразных формах, начиная с угроз, побоев и кончая террористическими актами. Изучение этих форм сопротивления стахановскому движению имеет важное значение для правильной организации карательной политики оргнами юстиции.

Неоднократно отмечалось, что классовый враг в борьбе с социалистическим строительством главным образом прибегает на современном этапе к хищениям социалистической собственности. Но наряду с этим классовый враг не отказывается и от острых форм сопротивления социалистическому строительству. Убийства стахановцев на почве классовой мести являются ярким примером бешеного сопротивления остатков классово враждебных элементов.

В качестве примера террористических актов против стахановцев можно привести следующие случаи:

1. 24 ноября 1935 г. была зверски убита стахановка-комсомолка Зоя Пупыкина, электросварщица вагонно-ремонтного пункта станции Ершово.

Убийство Пупыкиной было совершенно Беловым и Крылатовым, которые в прошлом имели судимость за уголовные преступления, бежали из-под стражи и скрывались от следственных органов. Отец Белова был расстрелян за контрреволюционные преступления, а два брата осуждены и сосланы органами НКВД.

Убийцы сознались, что убийство стахановки Зои Пупыкиной ими было совершено с целью мести советской власти.

2. Газета «Коммунист Таджикистана» от 5 декабря 1935 г. приводит следующий факт исключительно зверской расправы кулачья с стахановцем хлопковых полей Саматом Бекмуратовым: сын хожентского батрака из кишлака Каттаган, в прошлом сам байский батрак, Самат Бекмуратов, переселенец в Вахшскую долину, был одним из застрельщиков перенесения стахановских методов на хлопковые поля. Путем разделения труда, неустанной борьбы за высокую производительность и качество работы, бригадир Самат Бекмуратов добился высокой урожайности и значительного перевыполнения плана на участке своей бригады. Борьба бригадира за применение стахановских методов была неразрывно связана с борьбой за высокую трудовую дисциплину. Здесь-то Самата Бекмуратова встретило ожесточенное сопротивление группы классово чуждых элементов, пробравшихся в колхоз во время переселения из Ходжента в долину Бахша.

Кулак Хамидов Мирмахмуд, сын кулака Юлдаш Мусульманкулов и кулацкий подпевала Абдурахмедов Рустам входили в состав бригады Самата Бекмуратова. Отъявленные лодыри, они демонстративно не желали собирать больше 5 кг хлопка в день, в то время как добросовестные колхозники собирали по 16—20 кг. Бригадир Бекмуратов вел неустанную борьбу с кулацкими саботажниками. Он применял к ним штрафы, ставил о них вопрос на колхозных собраниях, разоблачал их кулацкое прошлое. Разъяренные кулаки не раз угрожали бригадиру кровавой расправой. Убедившись, что разоблачения бригадира Бекмуратова приведут их к исключению из колхоза, кулацкие вредители пришли к мысли о его убийстве.

Глухой ночью, напав на спящего в своей кибитке Бекмуратова, кулацкий агент Мусульманкулов нанес ему несколько ударов ножом в грудь и перерезал ему горло до позвонков. Завернув труп в кусок ревендука, Мусульманкулов вместе со своими сообщниками Хамидовым и Абдурахмановым, зарыли труп на хлопковом поле в километре от кишлака.

Для борьбы со стахановским движением в целях срыва его классовый враг подчас прибегает к поломке станков, к выведению из строя станков, на которых работают стахановцы. Об этом говорит целый ряд дел.

В то же время в ряде случаев имеет место привлечение к ответственности при отсутствии контрреволюционных мотивов и даже при отсутствии состава преступления. Так, на Северокавказской дороге привлекли к уголовной ответственности по ст. 58⁷ УК Евашова за то, что он занимался вредительством, проколов душники формовщику-стахановцу Заронянцу, в результате чего у Заронянца произошел брак. При расследовании оказалось, что сам Евашов является таким же стахановцем, как и потерпевший Заронянц. Установлено, что он, поссорившись с Заронянцем, сказал ему: «Вот, погоди, я тебе напакощу». После этого происходит случай, когда в душнике оказалась дырочка. Предполагают, что брак произошел в связи с этой дырочкой. Кто сделал эту дырочку — не установлено, и только на том основании, что один стахановец поругался с другим стахановцем, его привлекают к ответственности.

Классовый враг, проникающий в ряды инженерно-технических работников, оказывает ожесточенное сопротивление стахановскому движению. В качестве примера можно привести следующее дело: сменный мастер сахарного завода им. Куйбышева Лоцман оказывал активное противодействие рабочим, которые хотели перейти на стахановские методы работы. В

прошлом Лоцман, в августе 1919 г., активно помогал белой армии в борьбе с советской властью—исправил мост через реку для переправы белогвардейцев. В дальнейшем ему удалось, скрыв свое контрреволюционное прошлое, проникнуть в ряды партии. Но будучи в партии, Лоцман проводил антисоветскую работу в связи с развертыванием коллективизации в деревне и, в связи с изменением цен на хлеб, распространял среди рабочих контрреволюционные клеветнические слухи. Деятельность этого классового врага тогда не была разоблачена.

С развитием стахановского движения Лоцман путем контрреволюционного саботажа пытался всячески противодействовать комсомольцу Артюшкину в его стремлении перейти на стахановские методы работы. Артюшкин подал заявление о желании перейти на стахановские методы работы. Лоцман, желая сорвать инициативу Артюшкина, сказал ему: «Вот, видишь, ты все вперед карьеру себе пробиваешь, на тебя все рабочие обижаются, потому что ты карьерист. Тяжкороб говорит, что если ты возьмешься варить на 5 аппаратах, то тебя с песком сотрут». Под влиянием Лоцмана старший мастер Коренский заявил Артюшкину следующее: «Если справишься с обслуживанием 5 аппаратов, — берись, да смотри, чтобы хуже не было». Будучи терроризован, Артюшкин боялся сообщить дирекции завода об этом саботаже со стороны мастера Лоцмана к его переходу на стахановский метод работы. Приговором суда Лоцман был осужден по ст. 58^{14} УК к 6 годам лишения свободы.

В другом случае, директор типографии Чувашгиза Гурьев, его заместитель Алексеев и начальник печатного цеха Григорьев сознательно срывали стремление рабочих типографии перейти на стахановские методы работы. Применялась целая система мероприятий, чтобы достигнуть этой цели: намеренно повышался брак у отдельных рабочих и на этом основании увольняли передовых рабочих, желавших перейти на стахановские методы работы; техническое обслуживание машины было так поставлено, что неизбежно вызывало значительные простои у рабочих. Указанные выше руководители типографии привлечены к уголовной ответственности за контрреволюционный саботаж.

Чаще всего классовый враг в борьбе со стахановским движением прибегает к контрреволюционной агитации. Здесь имеет место немало случаев, когда классовый враг разжигает мелкобуржуазные пережитки в сознании отдельных отсталых трудящихся, толкая их на путь контрреволюционной агитации против стахановского движения.

Так гр. Лащенков публично оскорбил рабочего шахты «Артем» Токарева за то, что последний перешел на стахановские методы работы, указывая, что «таких стахановцев, как вы, в старое время вешали по десятку». В другом случае, на Черченском бочарном заводе шорник Белоусов открыто выступил против стахановского движения, указывая, что стахановский метод в связи с пересмотром расценок приведет к резкому ухудшению материального положения рабочих. Белоусов даже избивал стахановцев. Приговором суда он по ст. 58^{10} УК осужден на пять лет лишения свободы.

Нужно отметить, что в практике судебных органов имеется немало перегибов, выражающихся в частности в том, что высказывание рабочего по несознательности против стахановского движения иногда квалифицируется как контрреволюционная агитация.

Но нередко имеет место сопротивление и при отсутствии контрреволюционного умысла. Эти действия совершаются бюрократическими элементами среди инженерно-технических работников, не понявших громадного значения стахановского движения для дальнейшего роста материального и культурного уровня широких трудящихся масс, для построения бесклассового социалистического общества.

В качестве примеров можно привести следующие дела.

1. Браковщица 16 цеха Пензенского завода им. Фрунзе Бахлычева Н. К., член ВКП(б), парторг цеха, стала в личное неприязненное отношение к стахановке Подотеевой по той причине, что высокие нормы последней заставили как самую Бахлычеву, так и других отстающих рабочих и работниц подтягиваться. На этой почве Бахлычева распространила про Подотееву заведомо ложные слухи о якобы социально-чуждом ее происхождении, в силу чего стахановки, рабочие и работницы стали сторониться Подотеевой, и создалась обстановка травли. 30 декабря 1935 г. нарсуд г. Пензы приговорил Бахлычеву по ст. 73^{1} УК к 6 мес. и.-т. работ.

2. Бурмистров и Скобелев, рабочие завода «Антидинок» систематически занимались травлей работницы Измайловской фабрики Зарубиной Марии Ефимовны за то, что Зарубина, будучи ударницей, перешла с 20 на 40 ткацких станков. За перевыполнение плана нормы выработки Зарубина получила премию в 300 руб. С развертыванием стахановско-виноградовского движения Зарубина начала работать на 60 станках. За отличную работу и перевыполнение плана Зарубина получила вторую премию от наркома т. Любимова в размере 500 руб. Дирекция фабрики дала Зарубиной дополнительную жилищную площадь.

Бурмистров и Скобелев оскорбляли Зарубину, говорили, что она бандитка, и избили ее. Приговором суда Бурмистров лишен свободы на 3 года, а Скобелев — на 4 года.

Необходимо отметить, что во многих случаях, как это видно из вышеприведенных примеров, в отношении стахановцев имеет место не только нанесение побоев, но и распространение порочащих и клеветнических слухов. Поэтому наряду со ст. 73^{2} здесь необходимо было бы применить также и ст. 161 УК. В нашей судебной практике не всегда уделяется должное внимание охране чести советского гражданина. В приведенных примерах распространялись различные порочащие слухи о стахановцах, и тем не менее это не нашло соответствующего выражения в квалификации судом данного преступления.

Далее, должностные лица, злоупотребляя властью, оказывают сопротивление стахановскому движению. Так, в одном случае активом прокуратуры г. Феодосии при проверке условий, созданных для стахановцев на Феодосийской станции завода «Двигатель», было обнаружено, что начальник ремонтно-механического цеха Пряхин грубо обращается с рабочими, произвольно дает им сниженные нормы и снижает расценки, чем парализует инициативу и энтузиазм рабочих масс и противодействует стахановскому движению.

Расследованием было установлено, что Пряхин при выполнении рабочими работы в более короткое время, чем это установлено, нормой, ставил вопрос об оплате лишь фактически затраченных часов и, когда рабочие стахановцы потребовали оплаты полностью, назвал кузнеца Виноградова, лучшего стахановца завода, «рвачом». Когда рабочие пытались вскрыть все эти недочеты через стенгазету, Пряхин запугивал их, заявляя: «Я вас привлеку за агитацию на военном заводе».

Пряхин был привлечен к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 73[1] и ст. 109 УК и осужден по совокупности на 5 лет лишения свободы. Наличие мелкобуржуазной распущенности, разгильдяйства, халатности должностных лиц в ряде случаев создает большие трудности для развертывания стахановского движения. Так, можно привести следующий пример. В ноябре 1935 г. рабочий пошивочного цеха Куйбышевской обувной фабрики Керженецкий, работая стахановскими методами, перевыполнил норму; вместо прошивки за смену 450 пар ботинок и 300 пар чувяк, он прошивал вдвое больше. Однако вскоре норма его выработки резко снизилась, заработок упал. На его машине стали часто ломаться иголки, от 13 до 20 иголок в день. Халатное отношение к работе начальника цеха Вавилина И. М. привело к тому, что были нарушены технические правила забивки гвоздей (вместо расстояния в 8—9 миллиметров, гвозди вбивались в самый край затяжки). Вследствие этого Керженецкому приходилось прошивать подошвы по гвоздям, отчего ломались иголки и получался простой. Вавилин был приговорен по ст. 111 УК к 2 годам лишения свободы, а мастер затяжного цеха Шишкин и бракер Зеленов Г. П. за выпуск бракованного полуфабриката — к 1 году и.-т. работ.

Серьезным препятствием в развитии стахановского движения в ряде случаев является халатное отношение руководителей предприятий к состоянию техники безопасности.

Бешеное сопротивление классового врага стахановскому движению встречает решительный отпор со стороны карательных органов пролетарской диктатуры. В то же время принимаются жесткие меры репрессии к дезорганизаторам стахановского движения и из среды трудящихся.

Классовая физиономия осужденных (например, по данным прокурора БССР) представляется в следующем виде:

По социальному составу осужденные по вошедшим в силу приговорам распределяются:

1. Кулаки	9,4
2. Выходцы из классово враждебных групп и разложившиеся	39,2
3. Служащие (адм.-хоз., инжен.-техн. работники)	9,4
4. Колхозники	23,2
5. Рабочие	18,8

Таким образом репрессия органами юстиции БССР в основном правильно была направлена против сопротивляющихся стахановскому движению классово враждебных элементов: процент кулаков, выходцев из классово враждебных групп и разложившихся элементов среди переданных суду достигает 48,6%, среди осужденных — 55,0%.

По рассмотренным делам судами БССР были применены следующие меры наказания (с учетом приговоров КК Верхсуда):

1. Лишение свободы	61,8%
2. Исправтрудработы	31,0%
3. Условные меры	17,2%

Высокий сравнительно процент применения этой категории наказания для дел, не связанных с лишением свободы, обусловлен классовым лицом осужденных, степенью их политического и общекультурного развития и обстоятельствами совершения ими преступления.

Наряду с этим в практике органов юстиции имеет место большое количество необоснованных привлечений к уголовной ответственности.

Так, дела, рассмотренные Прокуратурой БССР, получили следующее направление:

Передано в суд	76.5%
Прекращено	20,5%
Возвращено для доследования	3,0%

Обращает на себя внимание высокий процент прекращения Прокуратурой БССР дел, направленных райпрокурорами с обвинительными заключениями. Районные прокуроры в ряде случаев не сумели правильно оценить и не обеспечили бережного отношения к кадрам, привлекая в уголовном порядке как за сопротивление стахановскому движению трудящихся — рабочих, колхозников, не являющихся врагами стахановского движения, за мелкие поступки, подлежащие воздействию в дисциплинарном или общественном порядке — через общественные суды. По некоторым делам неправильная оценка имела место в результате того, что прокуроры не сумели противостоять влиянию местных организаций, также неверно оценивших такие факты.

Рабочие Бобруйского лесокомбината Бондарчук, Шифрин, Михальченко, все 1917 г. рождения, бывшие беспризорные, воспитанники детского дома, ранее несудимые, проживали в общежитии рабочих лесокомбината совместно со стахановцем этого комбината Кузнецовым. Когда Кузнецову как лучшему стахановцу была предоставлена в том же общежитии отдельная комната с обстановкой, он при переходе в эту комнату оставил на старом месте свою старую фуфайку. На предложение Шифрина, Бондарчука и Михальченко забрать свою фуфайку Кузнецов ответил отказом. После этого они ночью повесили на дверях комнаты Кузнецова фуфайку, прикрепив к ней записку следующего содержания: «Кузнецову Данилу Соломоновичу. В каком цеху ни будешь цвести, не унывай, одень свою фуфайку, записку почитай. И без всякого сомнения возьми свою экспортную одежду, пусть твоя фуфайка останется для тебя, пусть же твоя тряпка не позорит больше меня. Писал поэт, у него имени нет».

Органы дознания квалифицировали эту заметку или листовку, как направленную против стахановского движения, и привлекли авторов ее к ответственности по ст. 103 УК БССР. Прокуратурой БССР дело в уголовном порядке было прекращено и направлено для рассмотрения в товарищеском суде.

Конюх колхоза «Сталинский путь» Кличевского района Карасев Карп отказал в предоставлении подводы колхознику, стахановцу-

лесорубу для поездки на раойнный слет стахановцев, мотивируя отказ тем, что лошади в колхозе слабые.

Карасев был привлечен райпрокурором к ответственности по ст. 106² УК БССР. Прокуратурой республики дело прекращено.

Такие случаи неосновательного возбуждения уголовного преследования имели место в результате того, что районные прокуроры, недостаточно уяснив стоящую перед ними задачу, не изучили создавшейся на месте обстановки и всех обстоятельств дела.

Очень незначительно число случаев передачи судом дел на рассмотрение товарищеских судов. Иногда имеют место наличие малосознательности данного трудящегося и незначительные последствия его действий. Примером передачи судом дел в товарищеский суд может служить следующий приговор: табельщик Ершовской МТС Косыгин облил чернилами лицо стахановца Сидоркина. Первоначально Косыгину было предъявлено обвинение в оскорблении Сидоркина как стахановца на том основании, что Косыгин сказал: «Подумаешь, стахановец». На судебном следствии эта фраза Косыгина не подтвердилась. Сидоркин заявил, что он этих слов от Косыгина не слыхал. Было установлено наличие со стороны Косыгина хулиганского поступка, но этот выпад не был направлен против Сидоркина как стахановца. Поэтому суд в своем приговоре написал: «Дело Косыгина в уголовном порядке прекратить и передать его на рассмотрение в товарищеский суд, учитывая, что действия Косыгина объясняются его некультурностью, что он является молодым рабочим, только что окончил ФЗУ, для своего исправления не нуждается в применении к нему меры судебной репрессии».

Меткий удар по классовому врагу и подкрепление каждого судебного приговора массово-политической работой имеет решающее зачение в борьбе органов юстиции с сопротивлением стахановскому движению. В судебной практике необходимо со всей решительностью повести борьбу с необоснованным привлечением к уголовной ответственности. Перегибы в работе органов юстиции еще раз показали, что в известной мере они являются результатом также недостаточной юридической грамотности отдельных судебных работников.

В особенности необходимо подчеркнуть недостаточную охрану чести советского гражданина, что имеет огромное значение в свете речи товарища Сталина от 4 мая. Клевета и позорящие, несоответствующие действительности слухи, злостно распространяемые, должны найти суровый отпор со стороны органов юстиции. Поэтому, когда, например, избиения сопровождаются распространением клеветнических сведений, то необходимо применять не только ст. 73¹, но также и ст. 161 УК. Отсутствие применения ст. 161 УК при клевете в отношении стахановцев показывает, что и сейчас борьбе с преступлениями против личности уделяется недостаточно внимания органами юстиции.

Совершенно недостаточно также проводится борьба органов юстиции с грубейшими нарушениями правил по технике безопасности.

Перегибы в судебной практике показали, что недооценивается значение товарищеско-производственных судов и сельских судов, на рассмотрение которых можно передавать целый ряд нарушений в отношении стахановцев, которые нецелесообразно рассматривать в судебном порядке.

И, наконец, материалы судебных органов еще раз показали, что не всегда наши судьи и прокуроры умеют противостоять местному влиянию при привлечении к ответственности в тех случаях, когда оснований для этого не имеется.

Органы юстиции эти недочеты должны преодолеть в своей работе, чтобы обеспечить проведение революционной законности в борьбе с сопротивлением стахановскому движению.

ЗОННЕНБЕРГ

Допрос и фиксация показаний[1]

Вопрос о правильном и полном изложении показаний в протоколе допроса занимает существенное место в нашем уголовном процессе. Практика показала, что если лицо, производящее расследование по делу, недостаточно знакомо с УК и УПК и с техникой расследования тех или иных преступлений, то и составленные им протоколы допросов страдают рядом существенных недостатков, сводящихся в основном к следующему:

1. Запись в протокол допроса обстоятельств, не имеющих отношения к делу;

2. Отсутствие показаний или неполные ответы по вопросам, подлежащим исследованию;

3. Привнесение в показания обвиняемого или свидетеля иного стиля и содержания по сравнению с тем, что и как показывал допрашиваемый.

Вполне понятно, что подобное отражение показаний в протоколе допроса ограничивает показания допрашиваемого, а зачастую путем «причесывания» просто извращает фактически данные им показания.

В результате, в процессе судебного следствия обнаруживаются отрицательные стороны произведенного на предварительном следствии допроса, и такого рода брак естественно влияет на нормальное разрешение дела судом.

Известно, что многие органы расследования пользуются при протоколировании показаний формой вопросов и ответов. Ст.ст. 138 и 165 УПК для такой практики освований не дают и применять эту форму, как правило, не следует. Запись вопросов и ответов можно практиковать лишь в исключительных случаях, по отдельным вопросам, когда допрашиваемое лицо уклоняется от прямого ответа на отдельный, существенный для дела вопрос.

---

[1] В порядке обсуждения.

Необходимо отметить, что сама форма записи показаний в протоколе путем вопросов и ответов страдает рядом существенных недостатков. Так, например, техника составления допроса требует затраты времени почти вдвое против обычного, так как фиксируется последовательно и вопрос и ответ.

Поставленным вопросом допрашиваемый как бы ограничивается в подробном изложении всего известного ему по делу.

На практике получается, что вместо цельного рассказа допрашиваемого о каком-либо известном ему эпизоде зафиксировано несколько «обрубленных» лаконических ответов, не исчерпывающих полностью вопроса, подлежащего исследованию.

Далее, форма вопросов и ответов в большинстве случаев не дает полного освещения тех сведений по делу, которые известны допрашиваемому.

Поэтому необходимо всячески приучать работников следствия к подробному изложению показаний допрашиваемого лица в виде цельного, связного рассказа, отвечающего полностью на вопросы, подлежащие выяснению.

Несколько слов о существующей у некоторых работников следствия практике «причесывания» полученных показаний. Нужно сказать, что если это «пречесывание» идет в направлении более логического и ясного изложения показаний, общего улучшения редакции, без изменения и существа показаний, то в этом еще беда небольшая. Однако на практике мы встречаем такого рода «причесывания», которые не только изменяют содержание фактически полученных показаний, но по существу вкладывают в протокол допроса соображения и мысли самого следователя. Приведу пример по конкретному делу. Следователь Ц. допрашивал в качестве свидетеля гр-ку Жиганову (рецидивистка, осужденная по ст. 162 УК к 3 годам лишения свободы) по вопросу о нарушениях, допущенных одним лицом из состава конвоя. Ее показания записаны буквально так: «хочу пояснить ряд нетактичных поступков со стороны Н., которые компрометируют конвойную службу»... и далее: «все это происходило в силу того, что не было никакого руководства со стороны начальника»... «что мы не были зарежимлены»... и т. д. Спрашивается, на самом ли деле Жиганова, имеющая несколько судимостей за кражу, профессиональная воровка, находившаяся в этой группе заключенных, которую охранял конвой, оценила при допросе ее, что Н. своими действиями компрометировал «конвойную службу», что «не было никакого руководства со стороны начальника»... Конечно, нет. Жиганова такой оценки ни действиям Н., ни начальника не давала и не могла дать. Зафиксированные же от ее имени показания в протоколе допроса являются не чем иным как мнением (правильным по существу) самого следователя, изложенного от имени Жигановой.

Работникам следствия надобно категорически отказаться от «причесывания» показаний, от вкладывания в эти показания своих мыслей. Нужно помнить, что советский закон обязывает нас быть совершенно объективными при расследовании дела, «выяснять и исследовать обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого»... (ст. 111 УПК).

Совещание в Прокуратуре Союза ССР с районными следователями

29 мая в Прокуратуре Союза состоялось совещание Прокурора Союза А. Я. Вышинского с районными следователями Московской и Калининской областей. Открыв совещание, тов. Вышинский предоставил слово прокурору Калининской области тов. Назарову.

— Инициатором сегодняшнего совещания, — сказал т. Назаров,—по сути дела является тов. Вышинский; так как недавно в Прокуратуре Союза обсуждались вопросы, посвященные нашей следственной работе, мы считали необходимым ознакомить тов. Вышинского с группой наших следователей.

Мы хотим поставить здесь ряд вопросов, вытекающих из совещания в Прокуратуре Союза.

Что мы сейчас имеем? У нас в области имеется 69 следователей. Из них с низшим образованием—66%, со средним образованием—29%. Это касается общего образования. Если взять правовую подготовку, то с высшим образованием у нас только 3 человека, с годичным юридическим образованием—2 человека, прошедших шестимесячные курсы—16 человек и не имеющих никакого юридического образования—48 человек, то-есть около 70%. Членов и кандидатов партии из 69 человек—всего 19, и членов ВЛКСМ—9.

Какие мероприятия проводятся у нас в Калининской области по подготовке кадров? В Калинине имеется годичная правовая школа. До этого у нас были трехмесячные юридические курсы. Из товарищей, прошедших трехмесячные курсы, мы выпустили около 15 человек на следственную работу. До этого они никакой юридической подготовки не имели.

С таким составом работников, о котором я говорил, с такой юридической и общеобразовательной подготовкой мы начали работать в Калининской области.

Что мы имеем сейчас? С точки зрения общих показателей мы имеем как будто бы некоторые положительные данные. До 1 апреля 1935 г. пропускная способность следователя (с составлением обвинительного заключения) была 4½—5 дел в месяц. Сейчас мы добились 7 дел в месяц. Мы считаем, что следователь, даже недостаточно подготовленный, может без большого напряжения 8 дел закончить в месяц. Мы выделяем те дела, которые требуют чрезвычайно большой следственной работы, как, например, дела хозорганов;

8 таких дел в месяц закончить нельзя. Все же какую-то норму мы должны следователю предъявить.

У нас налицо такое положение, что около 13 следователей сейчас являются временно исполняющими обязанности районных прокуроров.

Соревнованием мы добились сокращения сроков расследования. Количество дел, срок рассмотрения которых свыше одного месяца, снизилось до 12%, в то время как еще недавно количество таких дел доходило до 40%. Дела со сроком рассмотрения свыше 2 месяцев составляют 2%. Значительно сократилось количество прекращенных дел, которые составляют у нас всего 3%. Значительно сократилось количество неосновательно возбужденных дел. Мы обязали наших районных прокуроров производить доследовательскую проверку материалов самим, не передавая их народным следователям. Дела по закону от 7 августа и по закону от 7 апреля также охватываются непосредственно нашими следователями. Дела, связанные с растратами и по ст. 16 мы еще не охватили, но мы ставим себе целью передать в руки следователя эти дела. Надо сказать, что то движение вперед, которое мы сейчас имеем, очень незначительно, оно задерживается в своем дальнейшем росте неграмотностью наших следователей. Мы недавно устроили для присутствующей здесь группы следователей проверку по русскому языку. Результаты ее были очень плачевны. Каждый товарищ, в среднем, сделал около 30 ошибок. Наш дальнейший рост, очевидно, должен быть связан с повышением грамотности, так как на этом участке положение чрезвычайно тяжелое.

У нас чрезвычайно слабо освоена следственная техника, что объясняется также недостаточным уровнем общей грамотности наших кадров. Между тем, тов. Вышинский перед нами ставил вопрос о том, чтобы мы не только овладели техникой, но и двинули ее вперед. Однако работники, не ликвидировавшие общей неграмотности, будут это дело задерживать. Мы имеем двух товарищей с высшим юридическим образованием, которые сделали при проверке: один—29 ошибок, другой—31 ошибку на одном листе.

На основе этих примеров мы хотим еще раз заострить вопрос о работе нашего института совправа. Мы сейчас говорим о кадрах, которые должны работать достаточно хорошо. Я боюсь, что если институт не будет давать той подготовки, которая требуется для товарищей, получающих высшее образование, то это будет задерживать общую нашу работу.

Однако, как бы мы сегодня ни разрешали вопросы института, вопросы лучшей постановки его работы, все же, очевидно, с тем составом следователей, который мы имеем сейчас, нам придется работать не один год. Сейчас на очереди стоит вопрос о ликвидации общей и юридической неграмотности среди следователей.

Руководство Прокуратуры Союза правильно ставит вопрос относительно дифференцирования следователей, относительно того, чтобы мы имели старшего следователя, народного следователя и кандидата в народные следователи. Это будет являться известным стимулом к работе, это заставит наших следователей работать над собой.

Я считаю, что было бы неплохо, если бы институт при Прокуратуре Союза, Верхсуде и НКЮ РСФСР выпустил элементарные методические пособия для первой группы следователей, начинающих работать. Я думаю, что такое требование будет законным. Институт выпускает целый ряд учебников и книг. Я боюсь, что не все эти учебники доходят до каждого народного следователя и прокурора. Если бы институт выпустил популярные методические пособия для следователей, он этим оказал бы большую помощь нашим работникам на местах.

Областная прокуратура выпускает целый ряд методических писем, мы выпустили с десяток таких писем, ни одной рецензии на эти письма мы, к сожалению, от института не имеем, хотя институт наши материалы получает.

Чрезвычайно серьезный вопрос — это вопрос о бумаге. Мы оказываемся в этом отношении ворами, так как печатаем бланки, которые следователи используют для писем, между тем, бланки имеют специальное назначение.

Вот те замечания, которые я считал необходимым сделать. Я думаю, что разрешение тех вопросов, которые здесь были поставлены, значительно улучшит общее положение.

Тов. **Вышинский.** — Тов. Назаров совершенно правильно поставил вопрос о неудовлетворительном положении с нашим следственным аппаратом, и он правильно наметил причины этого неудовлетворительного положения. Однако, главное не в этом сейчас потому, что констатация причины нас все-таки удовлетворить сейчас не может. Плохо учили, плохо проверяли кадры, плохо руководили этими кадрами и привели следственный аппарат в тупик. Раньше всего растеряли следователей, не сохранили тех следователей, которые могли бы быть сохранены при правильной организации руководства подбором следственных кадров. Во-вторых, оставшихся следователей превратили в помощников прокурора и тем самым деквалифицировали следственный аппарат. Вместо роста качества следователей мы пришли к тому, что следственный аппарат у нас деградировал. Он деградировал с точки зрения своей классовой прослойки, он деградировал с точки зрения общей подготовки, он деградировал с точки зрения правовой и юридической подготовки. Вот — причины и вот результаты. Следовательский аппарат, это — задворки нашего аппарата в целом; к сожалению, это так. В следователи посылали тех, кого некуда уже больше послать. Если некуда, так в следователи. Распределяли окончивших вузы таким образом, что раньше всего отбирали кандидатов в районные прокуроры, похуже — направляли в суд, а совсем плохих — в следователи; они, может быть, были даже лучше других, но тенденция линии подхода руководящих органов к следственному делу была такова, что на следственное дело особо квалифицированных в политическом и юридическом отношении людей посылать не следует. Такой взгляд глубоко ошибочен потому, что следователь является основным рычагом нашей работы.

Какими качествами нужно обладать, чтобы быть тем следователем, который нужен нашему государству, и в особенности в условиях победы социалистического строя, в условиях дальнейшего широкого развертывания совет-

ской демократии, на пороге принятия нашей страной новой Конституции, которая проливает новый свет на целый ряд вопросов, которая по-новому ставит целый ряд проблем государственного строительства и которая ставит в первую очередь целый ряд в высокой степени важных и ответственных проблем в области нашей прокурорской и судебной работы.

Надо с сожалением констатировать, что не только следственный аппарат, но и весь прокурорский аппарат сегодня этим высоким новым требованиям не удовлетворяет. Даже тогда, когда мы имеем дело с прокурорами, как говорится, в основном и целом правильно ведущими свою работу, мы не гарантированы, что у нас благодаря совершенно непостижимым действиям отдельных работников не окажется факта, который завтра послужит основанием для какого-либо сатирического очерка, вроде «Человек под сургучной печатью». Следователь и прокурор сейчас должны обладать золотым человеческим сердцем. Он должен беспредельно любить, точно так же как он должен беспредельно и ненавидеть, и он должен еще знать, кого ненавидеть и кого любить. Если у следователя и у прокурора нет этих качеств, учите его, золотите его, давайте ему путевку на летнее время в санаторий, установите ему дни и месяцы отдыха, — ей-ей, из этого решительно ничего не выйдет. Нельзя сказать: раньше поднимем культуру, а потом он приобретет золотое сердце. Так не выходит. Я думаю, что это процесс двусторонний и одновременный.

В личном быту, в отношении к товарищам, в отношении к окружающим, не только от 10 часов утра до 5 часов вечера, а все время, каков он? Это решает вопрос. У нас иногда так бывает: до 5 часов он человек прекрасный, а после 5 часов пришел домой, жену бьет, с товарищами встретился — бутылка с водкой, напился пьяным, скандал и т. п. Верно это? Такие случаи есть.

Таких случаев не должно быть ни одного. Да простят меня товарищи, я знаю немножко наши кадры, приходится иметь дело часто с районщиками; обыкновенно, когда человек прорвался, это не рожденный прорывщик, но я не гарантирован, что тот, кто сегодня не прорвался, не прорвется завтра, потому что мы еще не воспитали ту новую фалангу людей в нашей работе, которые являются не просто советскими работниками, а которые являются носителями нашей советской социалистической правды, поборниками этой правды. Буржуазия любила своих юристов называть воинами правды, крестоносцами буржуазной юстиции. Это не мешало им жить от 20 числа до 20-го, играть в преферанс и винт, развратничать и брать взятки.

Но мы должны стремиться к тому, чтобы работники юстиции были легионерами нашего советского права, чтобы это была железная дивизия борцов за наше право, чтобы каждый шаг работника юстиции был шагом борьбы за утверждение нашей социалистической законности, нашего социалистического правосознания. Для этого нужен громадный личный нравственный и политический авторитет. У одного проявляются его человеческие слабости в одном, у другого эти слабости проявляются в другом. Сколько людей — столько есть этих слабостей, и у каждого они проявляются в большей или меньшей степени.

Я смею поставить такую задачу: следователями и прокурорами должны быть люди без человеческих слабостей, люди, которые отдают себя общественному и политическому служению, это должны быть люди, для которых вопрос закона и права—это вопрос жизни и смерти, а не вопрос их службы. От этой задачи мы, к сожалению, очень далеки.

Я считаю, что наша первейшая задача заключается в том, чтобы по настоящему, коренным и решительным образом заняться собственным перевоспитанием, собственной переделкой своей психологии, своих характеров, своих нравов. Нравы у нас, у прокуроров и у следователей, сплошь и рядом дышат очень большой обывательщиной, мещанством, это надо преодолеть. Прокурор с мещанскими замашками — это не прокурор, его никто не будет уважать и никто с ним считаться не будет. Наши прокуроры хотят, чтобы их уважали, но они забывают, что уважение, как правило, зависит целиком от них самих, я не беру отдельные исключения, которые никогда не опровергают правил, а служат их подтверждением.

Для того, чтобы отвечать этим требованиям, для того, чтобы себя перевоспитать, нужно над собой очень основательно работать, и одним из этих элементов, правда, очень необходимым, являются те мероприятия, о которых говорил тов. Назаров, — это грамотность, культура, политическая и юридическая подготовка; но это является только одним из элементов. Вы начинаете с этого, — не возражаю, приветствую вас. Неважно, начнете вы с этого конца или с другого, но важно, что вы поведете борьбу с мещанскими пережитками, с мещанскими предрассудками.

Поэтому, когда вы ставите перед собой ряд мероприятий культурно-политического воспитания, мы будем вам всячески помогать и с точки зрения литературы, и с точки зрения средств, и с точки зрения живого конкретного руководства, общения между собою, с точки зрения помощи вам в деле вашей технической переквалификации и повышения вашей квалификации. Мероприятия эти прекрасны, они должны быть сделаны.

Мы сумеем наметить целый ряд задач, которые послужат исходной точкой для развития нового движения в нашей работе за следователя, который бы действительно был борцом за советское право, движения за политически сознательного, непреклонного, мужественного, искусного, грамотного, высококультурного, политически высоко подготовленного следователя, для того чтобы осуществить те громадные задачи, которые перед нами стоят.

Многие не представляют себе тех требований, которые завтрашний день наша родина нам предъявит. Многие думают, что все обойдется этим юридическим минимумом. Это дело так не обойдется.

Отношения между прокурором и следователем — вторая задача — должна определяться известной степенью самостоятельности следователя, его независимости. Я полагаю, что надо установить правила прохождения службы, которых у нас нет до сих пор, и в правилах прохождения службы сказать, в каких пределах следователь должен подчиняться прокурору и когда он не только не должен

подчиняться, но обязан не подчиняться и даже жаловаться на прокурора. Надо поставить следователя на твердую правовую почву, надо дать ему под ноги такие твердые основы, когда бы он не боялся за каждый свой практический шаг и не делал бы этот шаг с точки зрения того, понравится это прокурору или не понравится. Если мы следователя не поднимем на эту высоту независимого следственного оперативного помощника прокурора, то мы, я думаю, своих задач не разрешим.

Прокурор не может руководить каждым делом следователя, он должен дать следователю принципиальное направление, которое поможет следователю избежать ошибок в своей работе. Например, прокурор может определить, достаточно ли собрано улик, чтобы привлечь к ответственности, определить момент привлечения к ответственности, как квалифицировать, как лучше изложить документы,—вот тут прокурорская роль будет очень большая, а затем уже следователь должен быть самостоятелен; следователь будет себя чувствовать настоящим человеком, полнокровным и полноценным, человеком, который имеет свое мнение и т. д.

В этом году мы получили 25 млн. руб. в качестве дополнительных ассигнований на прокурорские органы для улучшения материально-оперативной службы. Это не малозначительная помощь. Вы наверное знаете, что наш бюджет всегда был очень скромным. Теперь мы ставим вопрос об увеличении ставок районных и краевых работников нашего аппарата. Теперь, когда новая Конституция поднимает роль судьи на огромную высоту, совершенно естественно, нужно подумать о повышении квалификации работников суда и прокуратуры.

Следовательно, перед вами стоит задача работать над собою, перевоспитать себя, учиться: учителей вам нужно дать — дадим, мы вам поможем, найдем для этого средства, организуем заочное обучение, откроем факультеты особого назначения. Это можно будет устроить.

В Прокуратуре Союза мы решили с осени установить 1—2 дня в месяц для каждого оперативного работника, когда он будет освобожден от оперативной работы, независимо от выходных дней, для учебы, для культурной работы над собой. Это можно сделать и в крае, и в районах. Учиться нужно очень серьезно и, конечно, нетрудно ликвидировать неграмотность, неумение ставить запятые. Нужно самим над собой работать.

Задача перед нами стоит такая: к осени мы наведем порядок в нашем прокурорском доме и хозяйстве, определим, где начинается и где кончается компентенция следовательских органов, где начинается и кончается компетенция органов милиции, НКВД и разграничим наши компетенции. Проверим методы, с которыми нужно подходить к тем или другим делам. Нужно сказать, что дела о растратах принимаются к производству при наличии таких-то данных, дела о хулиганстве—при наличии таких-то данных, дела по обвинению в грабеже — при наличии таких-то данных, а сверх этого — это уж ваша добрая воля, но тогда не жалуйтесь, что у вас нехватает времени. Я уверяю вас, что если бы мы произвели проверку дел, находящихся у наших следователей, то мы увидели бы, что по крайней мере 60% дел он не должен был принимать к производству. Почему это? Раньше всего потому, что здесь мешает стихия, самотек, то, что следователь у нас вроде гоголевского Петрушки, к которому всякая дрянь прилипает, хотя он сам не берется за ту пакость, которая к нему прилипает.

У вас, наверное, не вывелась система — до заведения следственного дела иметь еще переписку по делу. Следователь занимается этим делом? Следователь этим делом заниматься не должен. Пусть прокурор переписывается, пока это ему нужно, а следователь приступает к своей работе, когда переписка дала уже результаты для начатия предварительного следствия, а не дознания, ибо следователь — это следователь, производящий предварительное следствие, а не просто ревизор. Здесь есть средство к тому, чтобы разгрузить следователя, упорядочить это дело.

Вот, товарищи, тот круг вопросов, которые позволяют сделать следственную работу основной работой и следователя превратить в основную ведущую фигуру в борьбе с преступлениями. Для этого ему нужно ясно себе представить, что есть преступление и что не есть преступление. Не все, что написано в кодексе, должно обязательно найти применение в жизни. У нас зуд настоящий: в кодексе есть статья, давай разыщу, к кому можно эту статью приклеить. Почему? Потому что все слишком увлечены благими порывами, хватают первого встречного-поперечного и начинают с ним следственные манипуляции, а настоящий преступник «тихонько слушает да ест». Это не есть борьба с преступлениями. Тут нужно вспомнить слова товарища Сталина относительно бюрократов, которых он назвал насквозь протухшими людьми.

Я хочу пожелать вам, чтобы ни в какой мере не напоминали эту категорию людей. Побольше свежести, побольше способности почувствовать дыхание жизни, тогда вы легче поймете, что есть преступление и что не есть преступление, на что нужно обратить свое внимание, на что не стоит тратить сил. Ни в каких книгах вы это не прочтете. Вы это поймете, когда воспитаете в себе то чувство жизни, которое так характерно для нашей великой большевистской партии, понимавшей и ощущавшей всегда особенности каждого исторического момента, каждой исторической эпохи. Мы сейчас стоим на этом громаднейшего значения историческом повороте, и тут нужно уметь понять, что от нас сейчас требуется. От нас сейчас требуется действовать осмотрительно, действовать не так, как называл Ленин, действуют торопыги, не быть такими торопыгами, действовать осторожно, разумно, с полным сознанием ответственности за каждое свое действие, потому что, провозглашая независимость и самостоятельность суда и независимость и самостоятельность органов прокуратуры, партия и правительство будут требовать от нас четкой работы и ответа за допущенные ошибки.

Тов. **Ласкин** (Мособлпрокуратура). — У нас с кадрами дело обстоит чрезвычайно скверно. Мне думается, что те мероприятия, которые применяют Калининская облпрокуратура и Московская прокуратура, должны привести к тому, что квалификация — и техническая и правовая—несомненно должна улучшиться.

Московская областная прокуратура в течение полутора лет все время занимается тем, что она повышает квалификацию своих народных следователей. Мы каждого районного следователя 3 раза в год выделяли для учебы.

Наряду с мероприятиями по части учебы, которые предпринимаются областной прокуратурой для повышения квалификации следователя, мне кажется, что нужно поставить вопрос в соответствующих организациях о том, чтобы на работу следователя выделялись серьезные, грамотные люди.

При теперешнем состоянии наших кадров так перевоспитать и переквалифицировать их, чтобы они соответствовали стоящим перед нами задачам, без помощи извне сделать невозможно. Я ставлю вопрос таким образом, что лучше получить следователя технически грамотного, не имеющего высшего правового образования, нежели получить человека с правовым образованием, но технически неграмотного.

Тов. **Вышинский.** — Это неправильно.

Тов. **Ласкин.** — Очень трудно человека технически неграмотного за короткий срок переподготовить.

Тов. **Шейнин.** (Прокуратура Союза). — Мне хочется остановиться на нескольких вопросах следственной работы, причем мне хочется, в частности, доказать, что в значительной степени квалификация следователя зависит не от областной, республиканской и Союзной прокуратур, а от самого следователя. Это я постараюсь обосновать.

Помимо тех причин, о которых говорил тов. Вышинский, которые правильно объясняют такую дисградацию следственного аппарата, есть еще несколько причин, о которых мне хочется сказать.

Мы слишком легко получаем звание народного следователя, причем я считаю, что у нас народным следователем действительно становится каждый, кто не может найти применения в другой работе.

Если человека не берут юрисконсультом, то его назначают народным следователем. Между тем, старые работники могут вспомнить, что в прежние годы для того, чтобы получить мандат народного следователя, нужно было пройти раньше громадную практическую школу, иметь большой стаж. Я начал свою работу с подшивки дел. Я выполнял все технические функции, к которым не надо относиться презрительно, потому что в нашем следовательском деле техника имеет решающее значение.

Кстати, эта техника у нас чрезвычайно хромает. Мы сейчас назначаем народным следователем слишком легко, и человек, получающий мандат народного следователя, не чувствует себя достигшим определенной вершины, не чувствует всего того, что он чувствовать обязан. Мы часто ругаем старую буржуазную юстицию, но я прямо скажу, что в старое время участковый следователь был гораздо более подготовлен с точки зрения задач, которые ставила перед ним буржуазная юстиция, он был гораздо грамотнее. А сегодня, когда человек оканчивает университет и его назначают народным следователем, он рассматривает это назначение как величайшее для себя оскорбление.

Мне часто приходится бывать на периферии, и я всегда интересуюсь работой следственного аппарата. Что мы можем тут констатировать. Во-первых, я лично убежден, что следователем может быть только тот, кто любит эту работу. Следователь учится не только по учебникам, он учится на каждом конкретном деле, в процессе своей практической работы, учится на собственной работе и собственных ошибках. Не грешно, если следователь будет учиться и по соседнему делу. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы следователь, проведя дело, учитывал свои ошибки и на этих ошибках учился. Что очень часто мешает в работе следователя, это отсутствие чувства перспективы дела. Часто бывает так, что следователь закончил дело, оно идет в суд и там совершенно по-новому развертывается; поэтому важно,. чтобы следователь следил до конца за своим делом.

Теперь несколько слов о внешнем оформлении дел. Честное слово, когда смотришь на дело иного нашего следователя, то противно взять его в руки; дело имеет грязный вид, нельзя сплошь да рядом разобрать протоколов допроса. Следователь должен и может аккуратно и любовно относиться к делу и сделать так, чтобы оно имело приличный внешний вид. А как часто такого рода мелочи имеют решающее значение и во время судебного заседания. Нужно обращать больше внимания и на внешность дела и на его оформление, к которым мы зачастую относимся с некоторым презрением. Следователь должен учиться не только на делах, по которым он производит расследование, он должен все время совершенствовать свои познания, и в этом смысле следователь обязан знакомиться с практикой дела до конца. Лично я, когда начинал работать, я извлекал старые дела из архива и на них учился. Не стыдно на них поучиться. Я лично в этом ничего постыдного не нахожу. Следователь сегодня сплошь и рядом чувствует себя действительно агентом прокурора. Мы потеряли свою самостоятельность, которую мы имели в 1923—1925 гг. Янсоновское упрощенчество губительно отразилось на качестве следователя.

Абсолютно правильным является то, что сейчас в новый процессуальный кодекс вносятся известные поправки, дающие следователю больше прав и тем самым налагающие на него большие обязанности. Следователь, получив эти права, не сможет сваливать ответственность на прокурора.

Относительно судебной медицины. Как правило, наши следователи самых элементарных положений судебной медицины не знают. Через сколько часов наступает трупное окостенение? Как следователь без эксперта определит по следам крови — кровь это или что-либо другое? Я убедился, что таких элементарных вещей многие следователи не знают. Между тем, это имеет решающее значение при выезде на место происшествия.

Следователи, как правило, не связаны с судебно-медицинским экспертом в районе, не учатся у этих людей и таким образом не используют тех благоприятных возможностей, которые в этом смысле почти в каждом районе имеются.

Обвинительное заключение каждый следователь пишет, как ему бог на душу положит. Нет стандарта; если иные заключения отличаются разбросанностью, то другие совершенно забывают о требованиях закона о том, что

необходимо освещать все обстоятельства дела. Я считаю, что книжками, циркулярами, методическими комиссиями следователя не научишь быть настоящим следователем. 70% того, чтобы быть хорошим следователем, находится у вас в руках.

Тов. **Назаров:** 50%.

Ну, хорошо, 50%—в руках каждого следователя. Если следователь будет учиться на каждом деле, если заведет себе правило, что по каждому делу, которое он провел, он сидит в суде, то только тогда этот следователь станет настоящим следователем.

Второе, тов. Вышинский, нужно, чтобы нас не меняли как перчатки, чтобы не было такого положения, что следователь работает два года, работает хорошо и вот говорят: «давайте сделаем его прокурором». Мы укрепим следовательские кадры только в том случае, если перестанем считать, что высшая ступень для следователя — это стать прокурором. Я считаю, что работа следователя неизмеримо живее, интереснее, даже почетнее, чем работа прокурора. Я считаю, что хорошего следователя найти труднее, чем хорошего прокурора. Поэтому хороший следователь делает преступление перед собой, когда решается стать прокурором.

Тов. **Гурецкая** — Здесь товарищи правильно отмечали наши недостатки, в частности, мои. Но констатировать факт, — этого мало, нужно указать корень зла, из чего это зло выросло. Я поступила в институт. Меня сразу направили на шесть месяцев в командировку. Я не знаю, была ли я студентка, или меня только командировали на разные кампании. Кончила вуз, — ни один прокурор не хотел брать меня на работу — раз кончила институт, то никуда не годится. Я уже год и 9 месяцев работаю следователем. Калининская областная прокуратура все-таки перевернула вопрос о следователе, поставила вопрос так, что следователь должен быть следователем, а не чем-нибудь другим. Надо будет это как-нибудь по всей нашей области наладить, чтобы следователь действительно был следователем, чтобы прокуроры руководители следователями. Я считаю лично, что следовательская работа гораздо интереснее, чем прокурорская. Может быть это я потому так говорю, что очень люблю следственную работу. Я была девять месяцев прокурором, и вот я так понимаю, что следователь — это техника, следователь — это инженер своего дела.

Тов. **Вышинский:** Следователь, это следователь. Вы думаете, что приятнее сказать «инженер»?

— Я хочу только приравнять. Теперь я думаю о том, как научиться работать по-большевистски, с душой, расследовать по закону умело. Я считаю, что законченные дела, имеющие значение для района, не должны оставаться в папках судей, их надо пропагандировать, изучать, чтобы на них можно было учиться, чтобы их знали и райком партии и райисполком, а это будет профилактикой, будет предупреждать подобные другие дела.

Теперь, относительно наших затруднений. Очень часто прокурор посылает дело на расследование в органы гугб и милиции. У меня был такой случай: был пожар в нашем районе. Прокурор мне передал дело через полтора месяца после пожара. Когда же я выехал, то оказалось, что человек, посаженный за пожар, сидит зря. Если бы прокурор сразу послал меня, то легче было бы ориентироваться и не дошло бы до того, что человек сидел в тюрьме полтора месяца. Прокурор считает участкового милиционера выше следователя и посылает его на происшествия в первую очередь.

Тов. **Костина.** — Я хочу лишний раз, как голос с низов, как народный следователь, работающий один год, подтвердить слова тов. Вышинского о том, что мы, следователи в низах, не можем себя поставить так, чтобы на нас смотрели, как на политическую фигуру, чтобы нас уважали районные руководители.

Что мы видим на деле? Я остановлюсь на практических примерах, с которыми я встретилась, и на примерах, о которых мне рассказывали товарищи. Что получается в районе? Телефонистка заставляет прокурора ждать, пока говорит председатель президиума райисполкома или райзо, — прокурор, не мешай, — вот как ценят в районе прокуратуру; я говорю о прокуратуре в целом. Я не буду вам приводить другие красноречивые примеры, их слишком много.

Я остановлюсь на следователе, непосредственно на этой политической фигуре. Мне стыдно говорить, но следователь не имеет авторитета. Чтобы иметь авторитет, нужно действительно, как говорит тов. Вышинский, иметь золотое сердце, нужно уметь различать, кого любить и кого ненавидеть — это совершенно правильно. Мы зависим от прокурора. Если прокурор дает нам указание — «товарищ следователь, примите к своему производству», «товарищ следователь, у вас в процессе следственном такие-то дефекты», — для нас указания прокурора обязательны. Мы их выполняем. В результате (я говорю не из своего опыта) получается, что прокурор предлагает следователю возбудить уголовное дело о растрате 78 руб. Следователь ведет расследование, вызывает людей, допрашивает, материал вытребывает. Есть ли тут растрата, нужно ли судить человека?

Это лишь подтверждает, что следователи в районах не имеют достаточного руководства со стороны районных руководителей. Мы видим зачастую, что следователь является и прокурором, хотя прокурор по штату и имеется, но по существу его нет. Он не проверяет указаний, не дает их, загружает следователя так, что у него растет портфель, он зарылся в бумагах и не знает, как выйти из этого вороха. Я хочу работать, хочу быть следователем. Я очень довольна, что областная прокуратура за это дело взялась, поставив перед нами вопрос, чтобы мы людей не дергали, чтобы выполняли указание товарища Сталина беречь людей, ценить кадры.

Недавно в бюллетене областной прокуратуры, на котором каждый из нас учится, появилось постановление, что следователь имеет право не принять дело, по которому не нужно возбуждать уголовного преследования, и если он не согласен, пусть обжалует это областному прокурору. Это постановление дает следователю известную самостоятельность.

Если вы хотите знать, тов. Вышинский, как руководит следователем прокуратура, то я вам скажу. Районный прокурор дает разъяснения следователю, как назначать бухгалтерскую экспертизу, какие вопросы надо поставить эксперту. Установить наличие растраты

или халатности он предлагает двумя путями: или выяснить с бухгалтерским экспертом, или допросить по делу соответствующих свидетелей. Он говорит новичку, который еще не изучил УПК, не привык к работе, чтобы он привлекал людей, потом, конечно, дело в суде прекращается, но все-таки дело было заведено, а это доказывает, что не было достаточного руководства со стороны районного прокурора. Я не хочу всецело свалить вину на районных прокуроров, и мы в этом виноваты, что, ведя расследование по данному конкретному делу, не составляем плана.

Тов. **Михеев.** — Тов. Вышинский говорил о нас так, как если бы он с нами сидел, но мы его не видели. Он в своем выступлении рассказал действительное положение вещей. Я считаю, что все прежде всего зависит от нас. Тов. Вышинский ставит вопрос о том, что нужно найти время для того, чтобы заниматься русским языком, — это верно.

Нужно принципиально разрешить вопрос о следователе сегодняшнего дня. Прав следователь по важнейшим делам т. Шейнин, что следователь должен любить свое дело, а мы относимся к этому не так, как ставится перед нами вопрос. Я читал речь тов. Вышинского, в которой он останавливался на 111 статье УК. Мы дерем специалистов за недостачу 500—700 руб., а наркоматы вопят, зачем вы его привлекаете, он нужный для нас работник. Мы же рады его привлечь не только по первой, но и по второй части статьи.

Сейчас очень хорош оказался опыт созыва конференции. На этой конференции мы смогли обменяться опытом с Московской облпрокуратурой, поговорить о качестве следствия. Мы должны драться за улучшение нашей работы, а не жаловаться на районных прокуроров, на то, что нас загружают тем, чем не следует. Разве мы не можем поставить перед районным прокурором вопрос, что он делает беззаконие.

Тов **Ситников.** — Я хочу остановиться на нескольких моментах. В своем выступлении тов. Вышинский очень ярко обрисовал картину того, каким должен быть народный следователь, очень ярко рассказал нам, какими мы в действительности должны быть. И после этих слов каждый из нас задумался над тем, соответствует ли он этим требованиям. Я пришел к убеждению, что очень много у нас недостатков. Откуда берутся эти недостатки? Эти недостатки происходят оттого, что мы от общих успехов, от общего движения отстаем, что мы отстали не только вообще, но мы даже отстали в общей грамотности. В диктанте у меня очень много ошибок по русскому языку. Не является ли это тормозом в нашей работе? Безусловно, является большим тормозом. Правильно товарищ указал, что мы подчас боимся вызвать на допрос людей, которые во многом выше нас. От этого теряется наш авторитет в районном центре. Товарищ тут говорил, что телефонная станция выключает следователя и включает райисполком, — это потому, что мы не умеем поставить себя как следует, поэтому с нами не считаются.

Что можно сделать для того, чтобы действительно быть народным следователем, для того, чтобы полностью выполнять те задачи, которые поставил перед нами тов. Вышинский? Я не согласен с тов. Ласкиным, который сказал, что наши следователи как будто такие люди, которых бесполезно учить, — как их ни учи, толку не выйдет, останется одна бестолочь. Очень обидно становится — как будто бы мы пришли работать следователями, потому что нас на другую не принимают, — т. Ласкин так сказал. Требуется ли для повышения общей грамотности только забота областной прокуратуры? Я бы сказал, что не так. Разве нет у нас в районе возможностей заниматься русским языком? Просто над этим вопросом не думают.

Теперь относительно загрузки. Следователь обязан принимать только такие дела, где налицо есть состав преступления, а у нас подчас бывает так, что появилась в районной газете заметка, и прокурор предлагает расследовать. Вот сидишь и мучаешься с этим делом и ничего не можешь сделать. В отношении райзо. Я хочу остановиться на привлечении к ответсвенности председателей колхозов. В приказе говорится, что для того, чтобы привлечь председателя колхоза, нужно обязательно иметь характеристику этого председателя от райзо. Что получается с этими характеристиками? В этих характеристиках пишут: «Председатель такой-то провел хозяйственный год неудовлетворительно». Поэтому суди — привлекать или не привлекать.

Тов. **Вышинский.**—А вам хочется привлечь?

Тов. **Ситников.**—Это не в наших интересах. Нужно изжить все эти недостатки. У меня складывается мнение, что все это зависит от нас самих. Мы должны взять на себя обязательство, я лично беру на себя такое: по приезде в район я хочу организовать кружок самообразования. Нужно пригласить учителей с тем, чтобы повышать нашу квалификацию.

Тов. **Строганова** (Ярославская облпрокуратура). — Ярославская область новая, существует только 2—3 месяца. Возьму к примеру свой район. Район большой, имеет 30 сельсоветов. Имеется один следователь. На протяжении 1935 г. сменилось пять следователей, которые работали по 2—3 месяца. Я поступила на работу, не имея никакой практики. Работала секретарем прокуратуры. Прокурор видит, что следователи бегают, он говорит: ничего не поделаешь, придется тебя продвинуть в следователи. Дело в том, что я не имею образования не только юридического, но и технического. Я окончила финскую школу. Мне прокурор помогает, он меня учит. Районные организации мало считаются с такими кадрами. Я и сказала секретарю райкома, который посылал меня на посевную кампанию, что я молодой работник, мне трудно сейчас бросить свою работу, а он отвечает, что велико, мол, дело, всякий мальчишка допросит. Меня поддержали и сейчас не посылают больше.

Несмотря на то, что я не имею знаний, работала всего 10 месяцев секретарем прокуратуры, я с января месяца закончила 10 дел. Ни одного дела до сего времени на доследование не поступило.

Тов. **Вышинский.** — Может быть, не проверяли?

Тов. **Строганова.** — Нет, я слежу за своими делами. Сейчас я приношу очень большую благодарность Московской области, которая действительно оказала нашей Ярославской области большую помощь. Эти курсы, хотя и кратковременные, дали нам необходимые знания.

Тов. **Виноградов** (Московская область.— Тов. **Ласкин** в своем выступлении говорил, что трудно научить следователя думать (тов. Вышинский: Он не это сказал). Тов. Ласкин недооценивает того, что он сумел сделать за 6—7 дней. Он уже дал следователю установки, как думать. Это основное, а думать следователь будет сам. Когда я сюда собирался, я выдержал целую атаку. Мне говорили:—что могут дать шестидневные курсы? Теперь скажу обратное — они дают нам установки для работы. Теперь мне очень трудно: я считал себя грамотным, — оказалось, что я не очень грамотен. Программа этих курсов была так построена, что из нее абсолютно ничего нельзя было выбросить. Каждый час нам давал новые познания. Ясно, что теперь мы это будем учитывать. Когда мы приедем на места, мы будем обращать внимание на то, на что, нам казалось, раньше и не следовало обращать внимание. Ясно, что зло заключается в нашей слабой общеобразовательной подготовке. В нашем районе участковые инспектора и рядовые милиционеры охвачены уже общеобразовательной подготовкой. Наши судебные работники говорят, что нам надо просто пойти в милицию заниматься общим образованием. Наше горе — это то, что у нас мало юридической литературы. Единственная книжка — это юрминимум. Помочь же нам может только методическая литература. Тот опыт, который мы здесь сумели получить, нужно перенести в края и районы. Мое пожелание, чтобы стенограмму сегодняшнего заседания разослали на места, чтобы можно было ее проработать.

Тов. **Хлапов** (Рыбинская прокуратура).

— Мы должны понять, что даже тогда, когда мы повесткой вызываем человека, мы его морально убиваем, а не то, что передача дела в суд. Мы, следователи, должны очень внимательно продумывать каждое дело. Иногда мы не хотим ругаться с прокурором, портить добрых отношений и принимаем дела и ведем следствие независимо от того, правильно это или нет.

Прав был следователь по важнейшим делам, который заметил, что у нас дела бывают грязные, неправильно и небрежно подшитые. Посмотрите дела губ, вы увидите как они чисто оформлены: приятно посмотреть. Разве наш следователь не может так вести дела? Может, если он поймет, что нужно начать учиться с подшивки. В некоторых районах и сельских местностях нет бумаги, нет хороших папок; это, конечно, отражается на технической обработке дела.

Если я хочу быть следователем первого разряда, то я буду стараться лучше работать и быть хорошим следователем. Я только 6 месяцев работаю следователем, на конференции нахожусь второй раз.

Такой конференции, какая происходила в Московской области, я еще никогда не видал. Она мне очень много дала. Преподавательские силы были хорошо подобраны, к нам было чуткое отношение.

После выступления тов. Вышинского, который хотел знать, чем дышит следователь, мне просто хочется сказать, что я обязан лучше относиться к живому человеку, к трудящимся.

Тов. **Маслов** (Мособлпрокуратура). — Качество работы следственного аппарата в значительной степени определяет качество работы прокуратуры и суда.

Безусловно, мы должны начать с работы над кадрами нашего следственного аппарата. У нас в следственном аппарате по Московской области с высшим образованием людей только 15%, 40% не имеют совершенно правового образования, примерно 40% окончили шестимесячные курсы при областном суде. Поэтому совершенно естественно, что проблема кадров — это основная проблема. Если мы ее не разрешим, мы очень долго будем хромать в нашей работе. Я хочу остановиться на вопросе помощи со стороны центра и на тех вопросах, над которыми должны работать мы в краевых (областных) прокуратурах. Бесспорно, что мы и дальше должны будем работать с теми кадрами, которые мы имеем сейчас. Нужно ставить вопрос о переподготовке кадров. Те кадры, которые мы сейчас имеем, они у нас и останутся, но мы должны повышать их грамотность и техническую, и политическую, и юридическую. Какие претензии у нас могут и должны быть к нашему центральному аппарату Прокуратуры Союза? Бесспорно, вся тяжесть подготовки ляжет на наши плечи в краях и областях, но вопрос переподготовки кадров должен решать центр. Проблема подготовки кадров у нас не решается так, как это необходимо. Тов. Назаров приводил примеры, когда товарищи, окончившие правовые вузы, не могли грамотно писать. К сожалению, у нас и в Московской облпрокуратуре можно найти немало товарищей, которые пришли из вуза, работают следователями, работают районными прокурорами, помощниками областного прокурора и технически очень малограмотны.

Я говорю, что основная тяжесть переподготовки, конечно, ляжет на наши плечи. Областной аппарат должен будет этим делом заниматься, но мы должны будем потребовать помощи по линии ассигнования определенных средств по бюджету. Когда каждый год составляется бюджет и приходится отстаивать бюджет в областном финотделе, всегда приходится выдержать драку по вопросу относительно отпуска средств на учебу. Если удается иногда вырвать эти средства на учебу, то часто благодаря тому, что областной прокурор в хороших отношениях с председателем облисполкома, поэтому удается выпросить эти средства. Нужно, чтобы в центре по линии Наркомфина через СНК была дана определенная установка, чтобы точно была зафиксирована какая-то часть областного бюджета на переподготовку кадров, чтобы не облфинотдел решал вопрос об этих средствах, чтобы была дана четкая и ясная директива по этому вопросу. Такой помощи мы вправе требовать от центрального руководства. Переподготовкой будем заниматься, конечно, мы. Мы этот вопрос ставим как центральный вопрос. Если мы 2 года тому назад серьезно вопросом переподготовки не занимались, то в 1936 г. это основная наша задача. Мы сняли наших лучших работников с практической прокурорской работы, людей, имеющих хорошую теоретическую подготовку, и посадили этих товарищей на дело подготовки кадров. Мы за 1935—1936 гг. пропустили всех следователей в области через краткосрочные курсы, определенное количество — через областные шестимесячные кур-

сы. Мы провели подготовку в части сдачи юрминимума. Первую часть мы приняли в январе. Следователи показали неплохие образцы подготовки: больше половины их сдали на хорошо, было немало отличников. По районным планам на 1936 г. мы предполагаем пропустить не меньше 80% всего состава через эти краткосрочные курсы с тем, чтобы товарищи могли повысить свою квалификацию.

Некоторые товарищи пытались убедить нас в том, что у них нет времени для учебы. Я помню целый ряд совещаний, на которых товарищи говорили, что они не в состоянии этим делом заниматься, так как они перегружены. Это — никудышная постановка вопроса. Неверно, что следователи у нас так перегружены, что они не могут найти время для того, чтобы работать над собою дома. Если мы возьмем остаток дел на 1-е число, то оказывается, что на следователя остается незаконченных 5—7 дел. Это не требует того, чтобы сидеть с утра до вечера над этими делами. Мы имеем немало районов, где следственных дел 1—2—3. Недавно мы обнаружили район, где у следователя не осталось ни одного следственного дела. Он сидел и занимался прокурорской работой, прокурор делал то же самое. При желании мы бесспорно можем в своем бюджете времени найти много для того, чтобы работать над собой.

Тов. **Обижаев.** — Прежде всего, тов. Вышинский, я должен сказать, что я молодой следователь, следователем я работаю только с января месяца. До этого я имел кое-какую практическую подготовку. Я должен сказать, что на сегодняшний день мы не совсем квалифицированы. Если часть из нас и имеет подготовку, то она все же не может удовлетворить предъявляемых нам требований.

Я первый раз приехал на конференцию. Она мне очень многое дала. Тут некоторые говорили, что у нас вообще следователь не имеет никакого авторитета в районе, т. е. в районе следователь не чувствуется политической фигурой. Это — неверно. Если этого нет, то нужно авторитет создать, чтобы его уважали и любили; если этого нет, то в этом виноваты сами следователи.

Теперь, по части нашей работы по статье 108. Если мне дело не подследственно, я его не беру у прокурора.

Я хочу кое-что возразить на выступление — тов. Шейнина. Он сказал, что у нас следователь ничего не знает в области судебной медицины. Это—неверно. Для меня это просто обидно, потому что мы тоже кое-что различаем. Он сказал о том, что в 1925 г. они заканчивали по 18 уголовных крупных дел. Я спрошу, а как заканчивали? Во-первых, тогда были одни требования к следователю, теперь — другие. А разве в 1925 г. следователи не штамповали дела, не переписывали дел из уголовного розыска?

При своей работе мы допускали ошибки, в результате чего наши дела иногда берутся на доследование. От нас требуется, чтобы дела не возвращались. Я обычно практикую так: я сам часто выступаю государственным обвинителем по своим делам, тут же вижу, какие допущены ошибки, и исправляю их. Один раз по делу, которое я провел и закончил, нужно было обвинять, а оказалось, что обвинять нельзя было, — я сам тогда просил суд прислать дело на доследование. Этот случай послужил мне уроком.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ТОВ. ВЫШИНСКОГО.

Позвольте подвести итоги. Первый шаг — это несомненная польза для нас, для руководства от сегодняшнего совещания. В сущности говоря, за все время существования Прокуратуры Союза это первое совещание с низовыми работниками в области следствия. Оно дало нам много полезного, и мы, несомненно, извлечем из него ряд уроков, которые помогут нам лучше поставить дело руководства, чем оно стоит сейчас.

Я знаю, что в сегодняшнем совещании участвуют молодые следовательские кадры. Насчет неопытности и некоторой неорганизованности этих молодых работников нужно отнести ряд тех ошибок, которые они допустили в своих выступлениях. Но выступавшие здесь товарищи дали нам возможность составить себе более точное и правильное представление о типе следователя, являющемся основной фигурой в районном звене нашей **юстиции.**

Это совещание должно будет послужить началом ряда серьезных, хорошо продуманных и систематических мероприятий, направленных на то, чтобы поднять работу следователя на должную высоту.

Неправильно было бы истолковать т. Ласкина, будто он махнул рукой на эти кадры. Когда он говорил о необходимости получить приток новых, хорошо подготовленных следовательских сил для того, чтобы улучшить качество следовательской работы, он вовсе не отрицал значения старых кадров. В этой постановке вопроса против т. Ласкина спорить трудно, но слабое место в его выступлении заключается в том, что он выдвигает задачу— дать новые кадры, как наиболее важную задачу. В действительности же, хотя эта задача и важная, но она не есть самая главная. Более прав, по моему, был тов. Маслов, сказавший, что нам нужно помнить, что на ближайший отрезок времени нам придется трудные задачи нашей работы решать с теми кадрами, которые у нас имеются. Отсюда — отчетливая задача — максимальное внимание к повышению квалификации этих кадров.

С этой точки зрения нельзя послать упрек ни Московской областной прокуратуре, ни Калининской в том, что они этой задачи недооценили. Они эту задачу своевременно и хорошо поняли, хорошо решают эту задачу, много уделяют внимания ей, подходят по-серьезному, по настоящему к этому делу. Но если они будут надеяться на то, что они смогут эту задачу решать без активности, максимальной инициативности самих следователей, они жестоко в этом предположении разочаруются.

Я хотел бы устранить эту иллюзию, внушить каждому из вас мысль, убеждение, что без того, чтобы вы сами, засучив рукава, взялись за учебники, карандаши, тетради, вы работы этой не осилите и задачи этой не разрешите.

Я должен со всей откровенностью сказать, — а откровенность и искренность — первое условие успешности наших совещений, — что вам всем нужно сейчас работать над собой, и работать как школьникам, работать без чванства. Вот тов. Обижаев вышел и сразу оби-

делся. Сказано было тов. Шейниным, что следователи наши не знают судебной медицины. Тов. Обижаев и обиделся. А я думаю, тов. Обижаев, что вы в судебной медицине не ахти как сильны. Какая у вас там судебная медицина, когда вы здесь говорите о «распознавании личности по профессии», вы говорите, что «нужно завсегда отличать портного от сапожника. А я говорю, что не всегда следователя от сапожника отличишь. Если бы мы вас подвергли по анатомии, то вы, наверное бы, со стыдом провалились. Если бы мы спросили вас, как различать замерзание трупа и живого человека, и что такое пятна Вишневского, что такое трахея, или ангина пекторис, то вы, наверное, тоже не дали бы должного ответа. А вы здесь выступаете с такими чванливыми заявлениями, что мы, мол, кое-что различаем. А мы не «кое-что» должны различать, а должны быть образованными советскими следователями. На 19 году революции нам невежество не к лицу, и чванство не к лицу. Вам нужно учиться, т. Обижаев, а не обижаться, нужно внимательно прислушиваться к тому, что говорят более опытные товарищи. Нам нужно раньше всего убедиться в том, что, как говорил древний философ «мы знаем только то, что мы ничего не знаем». Я знаю, что многим из нас далеко до Сократа, но нужно, что бы по крайней мере мы не чванились своим невежеством. Я прямо скажу, что следователи наши довольно невежественны в таких вопросах, как судебная медицина, судебная психология, криминалистика и т. д. и т. п.

Многие следователи слабоваты и насчет классической литературы, физики, химии, истории; они не знают истории суда, истории прокуратуры.

Эти пробелы нужно восполнить и чем скорее, тем лучше.

Побольше учиться надо, побольше критики по отношению к себе. Больше нужно думать о том, что нужно завтра делать и как это делать.

Я приглашаю вас к тому, чтобы вы меньше чванились, больше критиковали себя, больше вскрывали свои недостатки и больше думали о своей работе. Тогда вы не будете делать таких ошибок, каких, к сожалению, у нас немало.

Основная ваша задача — это работа над собой. Вы, следователи, в этом нуждаетесь больше, чем кто бы то ни было.

Книги у вас будут. Вам нужно читать эти книги, изучать эти книги. Мы вам поможем в повышении квалификации, мы организуем вашу переподготовку, будем давать советы, заочную консультацию по всем вопросам, которые могут интересовать товарищей, занимающихся повышением своей квалификации. Мы пойдем вам навстречу, но для этого необходимо вам самим работать над собой в первую голову.

Я хочу дополнить т. Шейнина относительно прокурора и следователя. Я хочу дополнить его правильную постановку вопроса о важности, значительности и ценности работы следователя. Но если вы думаете, что прокурором может быть человек, который меньше понимает в деле следствия, чем следователь, то вы глубоко ошибаетесь. Конечно, работа следователя очень интересная и отличается от работы прокурора своими особенностями, она требует особой склонности и любви к этому делу. Следователей, поэтому, нужно подбирать в зависимости от этой склонности; но если вы думаете, что прокурор не должен знать следствия, не должен понимать и может не любить следствия — вы глубоко ошибаетесь.

Это будет прокурор, но такой прокурор, о котором писал Гоголь в «Мертвых душах»: «как посмотришь, так только и осталось от прокурора — длинные усы, да хорошо начищенные штиблеты». Несмотря на то что следователь является фигурой, ведущей работу в специфическом направлении, прокурор осуществляет руководство этой работой. Вы не поймите мои слова о независимости следователя как отрицание руководства прокурора работой следователя. Я настаиваю, что руководителем следователя в его работе является и будет являться прокурор. А для того, чтобы руководить, он должен эту работу знать, понимать и любить. Следовательно, то, что сейчас мы наблюдаем, когда прокурор иногда не любит и не знает этой работы, является в корне ненормальным. Таких прокуроров, которые не интересуются следствием, не понимают его и не любят, мы будем систематически устранять и заменять теми прокурорами, которые и любят, и понимают, и интересуются следствием. Прокурор — это квалифицированный следователь. Поэтому нельзя так ставить вопрос: я ни за что не пойду работать прокурором, оставьте меня следвателем, потому что меня интересует работа следователя. Это — неправильная постановка. Разница между работой прокурора и следователя та, что следователь ведет непосредственную оперативную работу, а прокурор — руководящую. Но это вовсе не означает, что прокурор и следователь—это две различные линии нашей работы.

Чтобы руководить работой следователя, нужно участвовать в этой работе. А когда прокурор не знает конкретно дело, как он может давать оперативные указания? Он тогда будет вносить в дело только путаницу. Когда мне нужно давать указания по делу, я сам произвожу следственные действия, вместе со следователем, который при мне состоит. Я вызываю к себе обвиняемого, свидетелей, я участвую в допросах, в очной ставке, я насыщаюсь воздухом этого предварительного следствия, знакомлюсь со всем происшедшим и тогда говорю следователю, что нужно сделать. Если я не изучу дела, я никогда не позволю себе сказать следователю: «сделай то-то и то-то», потому что я могу повести его по ошибочному пути. Если прокурор хочет давать указание по делу, он должен принять в этом деле непосредственное участие. Если он не принимает участия, не допрашивает свидетелей, не вызывает экспертов, не ставит вопросов, не изучает вещественных доказательств, не учиняет очных ставок, то я говорю—он не должен давать никаких оперативных указаний следователю. Идеальное положение, когда районный прокурор — квалифицированный следователь, умеющий руководить следствием, умеющий понимать задачи следствия и умеющий оставаться в пределах этого руководства, когда он принимает на себя обязанности следователя только в определенных эпизодах.

Я хочу, чтобы вы вынесли то убеждение, что между прокуратурой и следственной частью никакого противоречия нет, что это не две линии работы, а одна линия работы, что

прокурор и следователь живут и работают на одной почве. Соотношение между прокурором и следователем — это соотношение между оперативной работой и работой органов, руководящих оперативной работой. Но для того, чтобы руководить этой работой, нужно эту работу знать, ее понимать и нужно эту работу любить.

«Кадры решают все», сказал наш великий учитель товарищ Сталин. Успехи следственной работы решают следовательские кадры. К сожалению, в прошлом, особенно в 1925—1930 г.г., кадрами мы занимались плохо. Зато был период, когда думали, что юридическое образование не нужно, что можно обойтись не только без римского права, но и без советского права, которое кое-кто хоронил по первому разряду, протаскивая гнилые теории об отмирании права, об отмирании юстиции, об отмирании суда. Мы распылили наши кадры: новых не создали, старые потеряли. Теперь мы стали лучше заботиться о наших кадрах, привлекая их из числа наших соцсовместилей. Но соцсовместителей надо учить. Они дают и дадут, конечно, лучшие результаты с точки зрения овладения наукой, чем это делали барчуки, заполнявшие старые юридические факультеты. Ведь известно, что на юридический факультет шли, как правило, лентяи, которые хотели получить диплом, ничего не делая. У нас этого нет и не может быть. Для того, чтобы этого не было, нам нужно понять, что нам нужно бесконечно много знать, что нам нужно усвоить не только свое право, но и чужое право. Но для того, чтобы это свое право усвоить, переработать в своем сознании, нужно прежде всего усвоить чужое право, право, которое создавалось в течение веков эксплоататорскими классами. Без овладения этим наследством мы не сможем перестроить своей культуры. Наш путь освещает свет учения партии Ленина — Сталина. При свете этого великого учения нам пройти свой путь легче. Но нужно больше самокритичности и больше желания преодолеть свои недостатки культурного и политического развития. Только при этих условиях мы окажемся на высоте наших задач, мы окажемся полезными нашей великой и славной социалистической родине. (Бурные, продолжительные аплодисметы).

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

Линсуд МББ ж. д. 21 декабря 1934 г. приговорил г. Колесниченко Алексея Лукича по п. 1 ст. 196 УК БССР к 4 годам лишения свободы.

Определением Транспортной коллегии Верхсуда Союза ССР от 21 января 1935 г. приговор линсуда был оставлен в силе.

Колесниченко был осужден за то, что, работая ревизиром 12 участка МББ ж. д., злоупотреблял своим служебным положением и, закупая в различных государственных организациях, а также и у частных лиц краски, олифу, вареное масло и линолеум для ремонта станции, часть этих материалов перепродавал по спекулятивным ценам ж.-д. организациям (борисовскому ж.-д. буфету и др.), присваивая получаемую таким путем разницу.

Всего им было получено 722 руб. Кроме того, часть материалов была обнаружена у него на квартире. Сам Колесниченко виновным себя признал.

Отбывая наказание в Байкало-Амурском исправ.-труд. лагере НКВД и работая начальником отделения эксплоатации Б.-А. М. НКВД, Колесниченко 25 августа 1935 г. предотвратил крушение поезда № 964 на перегоне Корфовская — Хехцирск Уссурийской ж. д.

Поезд № 952 в составе 115 вагонов, следуя по перегону Корфовская — Хехцирск, потерпел крушение (сошел с рельс вагон в головной части поезда). Кондукторская бригада, видя неизбежность катастрофы, оставила тормоза и попрыгала с поезда. Колесниченко с опасностью для жизни стал перепрыгивать с вагона на вагон, затормозил 6 вагонов, в результате чего неизбежное крушение всего состава было превотвращено (пострадала только часть вагонов).

Колесниченко был найден под откосом насыпи тяжело раненым, с переломанной левой ногой.

С 26 августа 1935 г. он находится в Хабаровской ж.-д. больнице, передвигается на костылях с протезом.

За этот героический поступок Колесниченко был премирован Управлением Уссурийской ж. д.

Администрация и общественные организации Уссурийской ж. д. возбудили ходатайство перед Прокуратурой Союза о досрочном освобождении Колесниченко из-под стражи и о снятии с него судимости.

По этим основаниям Прокуратура Союза обратилась в Судебно-надзорную коллегию Верхсуда СССР с предложением снизить наказание Колесниченко до 1 г. 3 м. лишения свободы и освободить его из-под стражи.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определенное Колесниченко наказание в 4 года лишения свободы снизить до 1 г. и 3 м. лишения свободы и освободить.

Одновременно судебно-надзорная коллегия вынесла частное определение, в котором, отмечая самоотверженность поступка Колесниченко, предотвратившего крушение поезда, возбудила перед ЦИК СССР ходатайство о снятии с него судимости.

**
*

Судебная коллегия Верхсуда РСФСР, рассматривая 9 августа 1935 г. кассационную жалобу на приговор Курского облсуда от 19 июля 1935 г. осужденных Иванова, Саратова и Гашкова, определила приговор в отношении Саратова, осужденного по ст.ст. 17 и 59зв УК к лишению свободы сроком на 5 лет, изменить, переквалифицировав деяние Саратова по ст. 111 УК, и определить ему наказание в один год и.-т. работ по месту работы. В остальной части приговор был оставлен в силе.

Прокуратура Союза опротестовала определение Судебной коллегии Верхсуда в отношении Саратова по следующим основаниям.

14 мая 1935 г. в распоряжение секретаря Орловского горсовета Саратова были предоставлены две легковые машины рика и горсовета для встречи приехавшей из Курска делегации. В 21 ч. 15 м. машины вышли из гаража; первой шла машина горсовета под управлением шофера Агашкова, второй — машина рика под управлением шофера Иванова, который был в нетрезвом состоянии. Рядом с шофером Ивановым сидел Саратов. Машины шли по главной улице г. Воронежа со скоростью в 50 километров в час. Шофер Иванов все время стремился перегнать машину горсовета, а шофер Агашков старался недопускать этого. Некоторое время машины шли рядом; потом машина рика вырвалась вперед, и около трамвайной остановки, чтобы не дать возможности машине горсовета снова быть первой, шофер Иванов взял влево и наехал на двух женщин, ожидавших трамвай. Одна из этих женщин, гр-ка Ершова, на которую наехала и вторая машина, была убита на месте; второй гр-ке Шмоневой, были нанесены тяжелые повреждения. Иванов и Агашков, потушив огни машин, пытались скрыться, но были задержаны шедшими навстречу рабочими. Тогда Саратов пересел из машины рика в машину горсовета и уехал на вокзал, а шофер на машине рика вернулся на место происшествия.

По делу установлено, что Саратов, член президиума и секретарь горсовета, не устранил от управления машиной пьяного шофера Иванова; сидя с ним рядом в кабине, не воспрепятствовал езде с повышенной скоростью; видя, что шоферы устроили гонку на оживленной улице города, не потребовал прекращения лихачества. Такое поведение секретаря горсовета и распорядителя машинами иначе, как поощрение и способствование преступным действиям шоферов, не может расцениваться, и суд совершенно правильно квалифицировал деяния Саратова по ст.ст. 17 и 59зв УК. Кроме того, после наезда машины на людей Саратов не оказал помощи пострадавшим, а, пересев на другую машину, уехал на вокзал.

Уголовно-судебная коллегия Верхсуда неправильно переквалифицировала деяния Саратова по ст. 111 УК.

Независимо от этого Уголовно-судебная коллегия Верхсуда назначила Саратову по ст. 111 УК меру наказания, не соответствующую тяжести и социальной опасности его деяния.

Президиум Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил определение Судебной коллегии Верхсуда в отношении Саратова Дмитрия отменить и дело о нем передать на новое рассмотрение в ту же коллегию Верхсуда.

**
*

Приговор Ленинградского облсуда от 26 апреля 1935 г. по делу о злоупотреблениях в конторе Лентреста кинофикации был отменен определением Судебной коллегии Верхсуда РСФСР от 17 мая 1935 г. в части, касающейся приговоренных Званера Александра Рейнгольдовича и Борисенко Константина Ивановича, по мотивам «неучета судом при избрании меры наказания опасности их действия, при наличии в деле указания на корыстные моменты с их стороны».

При новом рассмотрении дела 3 июня 1935 г. Леноблсуд установил в отношении б. начальника конторы снабжения Званера прямое попустительство хищениям агента Луканина на почве совместных с ним пьянок и получение от него дров без оплаты.

Суд установил также, что Званер санкционировал закупку Луканиным стройматериалов по высоким ценам и что большинство подложных счетов Луканина прошло через Званера без предварительной визы руководителя группы снабжения Борисенко.

Званер был приговорен судом по ст. 109 УК к 3 годам лишения свободы.

В отношении Борисенко суд признал, что он, будучи руководителем группы снабжения, не осуществлял контроля над Луканиным, не проверял источника получения последним товаров, ни разу не проверил количество завезенных Луканиным непосредственно в отдельные кинотеатры стройматериалов. Суд вменил также в вину Борисенко, как и Званеру, сознательное допущение заготовки стройматериалов по повышенным ценам.

В приговоре суд отметил, что «корыстных моментов в отношении Борисенко не установлено». Применив к Борисенко ст. 109 УК, суд приговорил его к 2 годам лишения свободы.

Приговор этот был оставлен в силе определением Верхсуда от 25 июля 1935 г.

Прокуратура СССР приговор Леноблсуда и определение Верхсуда опротестовала в части, относящейся к Борисенко, по следующим основаниям.

Допущение покупки товаров по ценам, превышающим государственные, должно быть целиком отвесено на счет Званера и руководства треста Ленкино. Еще при первом рассмотрении дела Званер подтвердил, что руководитель группы снабжения (Борисенко) докладывал ему при каждой закупке о ценах: «я закупки по этим ценам санкционировал», — показал Званер. — «Бывало мне докладывали, что цены слишком высоки, выше ценника, и я все же давал разрешение с ценой не считаться, лишь бы были материалы. Бывало, что я докладывал об этом управляющему Вондеру, а он на это отвечал: «не мое дело, чтобы материалы были». Этот момент был подтвержден и свидетелем Берштейном, главным бухгалтером конторы снабжения.

При таком положении вещей обвинение по ст. 109 как необоснованное в отношении Борисенко должно быть отброшено.

Остается то, в чем сам Борисенко признал себя виновным: непроверка источников получения Луканиным товаров, т. е. халатность по работе.

Проверка же действительного количества стройматериалов, завезенных Луканиным непосредственно на отдельные точки (кинотеатры), лежала на обязанности не Борисенко, а лиц, принимавших стройматериалы на местах.

Из показания того же свидетеля Бернштейна на суде видно, что письменные распоряжения об оплате давал Званер, все счета оплачивались только по вине Званера; обязанность визирования счетов на Борисенко не лежала.

Как видно из документов, приложенных к делу, Борисенко — активный участник Октябрьского переворота в Ленинграде; много лет беспорочно и с отличиями работал в Красной армии. По отзывам управления треста Ленкино, имеющимся в деле и приложенным к жалобе Борисенко, последний во время своей работы в «Ленкино» с декабря 1929 г. проявлял исключительную добросовестность и старательность.

Президиум Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил переквалифицировать действия Борисенко на ст. 111 УК и определить ему меру наказания в 1 год и.-т. работ по месту работы с удержанием 15% зарплаты.

**
*

26 июня 1935 г. народный суд 2 уч. Кировского района г. Москвы за систематические злоупотребления и растраты приговорил в числе других работников ЗРК Дворца труда к 2 г. 6 м. лишения свободы по ст. 109 УК агента столовой ВЦСПС Быкова Николая Николаевича.

Быков был признан виновным в том, что, купив в магазине ЗРК через осужденного по этому же делу б. зав. гастрономическим отделом Родионова 200 кг брынзы и 200 банок консервов, всего на 1952 р. 84 к., деньги эти в кассу магазина не внес, а поделил их с Родионовым.

Выводы суда о виновности Быкова основаны на том обстоятельстве, что денег за купленные Быковым товары в ЗРК не оказалось, и на показаниях осужденной по данному б. кассирши ЗРК Кочетковой о том, что деньги в кассу Быков не внес.

Возражения Быкова против предъявленного ему обвинения суд признал неубедительными, сославшись на следующие установленные им обстоятельства:

а) отсутствие увеличения кассовой выручки 27 июня (указанный Быковым день внесения денег), по сравнению с другими днями;

б) противоречия показаний Быкова и Родионова по поводу количества выбитых чеков;

в) противоречия их же показаний по поводу того, кто платил деньги в кассу.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда по следующим основаниям.

Расследование дела в части, относящейся к покупке Быковым брынзы и консервов, производилось через 10 месяцев после этой покупки. Вследствие этого не могло быть проверено утверждение Быкова о том, что деньги были внесены в кассу, так как кассовые ленты, хранящиеся в течение 6 мес., ко времени возбуждения дела были уничтожены.

По той же причине не могла служить бесспорным доказательством виновности Быкова противоречивость его показаний с показаниями Родионова, так как естественно, что за 11 месяцев детали, относящиеся к покупле брынзы и консервов, могли стереться в памяти.

Наиболее веской уликой против Быкова могло служить показание кассирши Кочетковой, которая на предварительном следствии категорически утверждала, что денег от Быкова она не получала; однако убедительность этого показания сильно колеблется, так как именно ею была сделана надпись на счете, выданном Быкову, о том, что деньги кассой получены. В судебном заседании по этому вопросу Кочеткова давала сбивчивые показания, один раз утверждая, что раз она счет подписала, то следовательно, деньги получила, в другой — что денег она все же не получала.

Коллегия по уголовным делам Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор народного суда в части, касающейся Быкова, отменить и дело о нем за недоказанностью обвинения производством прекратить.

**
*

Приговором народного суда 2 участка г. Ялты 25 марта 1934 г. гр. Мусурин Иван Мартынович был осужден по ст. 109 УК за злоупотребления по должности заведующего почтовым отделением в Симеизе и приговорен к 5 годам лишения свободы.

По протесту прокурора Крымской АССР Главсуд Крыма переквалифицировал деяния Мусурина на 1 ч. ст. 116 и 1 ч. ст. 129 УК и снизил меру социальной защиты до 1½ года лишения свободы на том основании, что Мусурин был предан суду по этим статьям, а народный суд в нарушение ст. 313 УПК перешел на ст. 109 УК.

Однако и протест прокурора и определение Главсуда Крымской АССР прошли мимо гораздо более серьезных процессуальных нарушений по этому делу.

При возникновении этого дела обвинение в подлоге и присвоения было направлено против помощника Мусурина — гр. Бурчука; Мусурин же допрашивался 22 декабря 1933 г. лишь по вопросу о допущенной им халатности. В деле нет даже постановления о привлечении его в качестве обвиняемого.

29 декабря 1933 г. Мусурин сообщил в Опеород РКМ Ялты о том, что он откомандирован на работу в областное управление связи в Одессу, куда и выезжает.

После этого следствие продолжается, Бурчука допрашивают и предъявляют ему обвинение по ст. 97 и ч. 1, ст. 104 УК УССР (соот. ст. 109 и ч. 1 ст. 116 УК РСФСР) в порядке выполнения отдельного требования милиции Чернобаевского района Киевской области, причем ему вменялось в вину присвоение всей суммы недостачи по Симеизскому почтовому отделению — 630 руб.

По окончании следствия в Ялте допросом ряда свидетелей в январе 1934 г. уполномоченный Опорода РКМ не предъявил материалов следствия Мусурину и составил обвинительное

заключение, в котором Мусурину вменял в вину присвоение 633 руб., а Бурчуку подлог перевода с присвоением 100 руб. — по 1 ч. ст. 116 и 1 ч. ст. 120 УК, причем вопреки имеющемуся в деле заявлению Мусурина с адресом его — Одесса, управление связи — в обвинительном заключении отмечается как адрес Мусурина — Севастополь, Отдел связи.

Уже после поступления дела в суд к делу приобщается составленный 27 февраля 1934 г. акт Ялтинского бюро жалоб отдела связи о том, что посылку № 4574, ценную на 75 руб., следует считать похищенной в Симеизе по вине б. ОЗ Мусурина.

24 марта 1934 г. народный суд 2 участка г. Ялты рассматривал это дело, причем ко дню слушания повестки, посланные Бурчуку в Чернобай и Мусурину в Севастополь, были возвращенны за ненахождением адресатов.

Нарсуд не выносил никаких определений о возможности слушания дела, и вообще из документов на л. д. 53, называющегося «Протокол судзаседания», не видно, было ли судебное заседание, кто в нем участвовал, кто из вызывавшихся лиц явился, какие процессуальные действия суд совершал и какие определения выносил.

Вместо всего этого на указанном листке изображено, что указали (термин данного протокола) гр-ке Незетли-Али, Воровик и что объяснил свидетель Флимонов, причем изображено это столь неграмотно, что понять, к кому из обвиняемых что относится, невозможно.

В своем приговоре суд приписал обв. Мусурину не только присвоение 573 р. 70 к. (?), но и получение какого-то перевода на имя Полянского на 147 руб. и присвоение посылки на имя Пирогова и других, о которых ничего не говорится в обвинительном заключении. В результате суд приговорил Мусурина к 5 годам лишения свободы.

В конце приговора написано: «В отношении Бурчука дело выделить в особое производство».

В дальнейшем никто никаких материалов из дела не выделял, и Бурчук больше к суду не привлекался.

А Мусурин, арестованный по месту своего жительства в г. Одессе, отбывал меру наказания социальной защиты по приговору, вынесенному с грубейшими нарушениями процессуальных норм.

Нарушения ст.ст. 206, 265, 80, 312 УПК делают необходимым отмену приговора народного суда и определения Главсуда.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор народного суда и определение Главсуда Крыма.

Президиум Главсуда Крыма, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор народного суда и определение кассационной коллегии Главсуда отменить и дело в силу ст.ст. 6 и 8 УК производством прекратить.

***

Выездная сессия Куйбышевского краевого суда, рассмотрев в заседаниях 9—10 июня 1935 г. дело работников Больше-Демьяновского горсовета, признала установленным травлю колхозника Полякова председателем горсовета Мартыновым за сделанное Поляковым возражение на общем собрании колхоза против предложенной Мартыновым суммы подписки каждым колхозником на заем 2 года второй пятилетки. Мартынов поставил вопрос об исключении Полякова из колхоза, неправильно начислил на него налоги, незаконно изъял его имущество до утверждения обложения райфо, присвоил ряд предметов домашнего обихода, незаконно отобранных у граждан г. Б.-Демьяновска.

Зам. председателя горсовета Никитин и член президиума и секретарь горсовета Денисов незаконно описали имущество у гр. Выколова за отказ последнего подписаться на заем.

Финагент горсовета Рыжов присвоил незаконно отобранные у гр-ки Чернецовой вещи и взимал разовый сбор с лиц, торгующих на базаре, в пятикратном размере против установленной законом ставки; главный бухгалтер горсовета Бояринов неправильно, в преувеличенном размере, начислял земельную ренту и другие налоги, включил в списки недоимщиков лиц, уплативших полностью причитающиеся с них налоги и запустил бухгалтерию и отчетность.

Квалифицировав деяние Мартынова, Никитина, Рыжова и Денисова по ст. 109 УК, а деяние Бояринова по ст. 111 УК, выездная сессия приговорила их к исправительно-трудовым работам: Мартынова и Никитина сроком на 2 месяца каждого по месту работы и с вычетом 20% из зарплаты, Рыжова на 3 месяца на общих основаниях, Денисова на 1 месяц по месту работы с вычетом 20% из зарплаты и Бояринова на 3 месяца по месту работы с вычетом 15% из зарплаты.

Находя приговор выездной сессии Куйбышевского краевого суда слишком мягким, не соответствующим тяжести и социальной опасности совершенных осужденными преступлений, Прокуратура СССР опротестовала приговор.

Судебная коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор крайсуда отменить и дело передать для нового рассмотрения в тот же суд в ином составе со стадии судебного следствия.

***

7 февраля 1935 г. народный суд 6 уч. г. Ростова н/Дону приговорил по ст. 107 УК к 5 годам лишения свободы Алферову Д. А.

Кассколлегия крайсуда приговор народного суда утвердила.

Суд признал Алферову виновной в том, что она в течение 1933 и 1934 гг. систематически занималась спекуляцией мануфактурой.

В подтверждение этого обвинения суд сослался на следующие факты.

В 1933 г. Алферова была задержана милицией с 12 метрами мануфактуры, но за недостаточностью улик освобождена.

12 октября 1934 г. Алферова была вторично задержана с 56 метрами мануфактуры.

Кроме того, суд отметил в приговоре, что Алферова два раза подвергалась административным взысканиям за спекуляцию мануфактурой.

Приговор в отношении Алферовой не основан на материалах дела. В частности указание суда о том, что Алферова два раза подвергалась административным взысканиям за спекуляцию, никакими документами не подтверждено. Ссылка суда на то, что Алферова в

1933 г. была задержана с 12 метрами мануфактуры и что это служит доказательством виновности Алферовой в систематической спекуляции, также не вытекает из материалов дела, и сам же суд в приговоре указал, что Алферова «за недостаточностью улик была отпущена».

Изобличающими Алферову в спекуляции являются показания свидетельницы Кирсановой; однако суд эти показания не проверял, так как Кирсанова в судебном заседании допрошена не была.

Вместе с тем в деле имеются показания дочери Алферовой — гр. Усачевой, из которых видно, что муж Усачевой поручил Алферовой получить причитающиеся ему деньги. На эти деньги Алферова по просьбе своей дочери закупила на рынке 56 метров мануфактуры, с которой она и была задержана.

Усачева также не была вызвана в судебное заседание, и, таким образом, суд не проверил и ее показаний.

При этих условиях следует признать, что показания свидетельницы Кирсановой не могут служить достаточным доказательством для изобличения Алферовой в спекуляции.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда в отношении Алферовой.

Президиум Азово-Черноморского краевого суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор народного суда отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

**
*

Народный суд гор. Тифлиса 28 октября 1934 г. взыскал с ТПСО в пользу бухгалтеров-экспертов за экспертизу по уголовному делу о растратах в ЗРК завода им. Орджоникидзе 5 000 руб. из расчета по 12 руб. в час.

Определением КК Верхсуда Грузии от 29 ноября 1934 г. указанная сумма была снижена до 2 500 руб. из расчета по 6 руб. за час.

Постановлением пленума Верхсуда Грузии было произведено вторичное снижение суммы вознаграждения экспертам до 1 458 руб. из расчета по 3 руб. в час.

Прокуратура СССР опротестовала решение по следующим основаниям.

Взыскание с ТПСО средств на оплату труда экспертов-бухгалтеров является незаконным, противоречащим ст.ст. 88, 89 и 90 УПК Грузии (тоже и РСФСР), согласно которым расходы по экспертизе могут быть возложены или на подсудимых или должны быть приняты за счет государства (разъяснение Верхсуда СССР от 8 августа 1935 г.).

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила решение народного суда г. Тифлиса и все постановления Верхсуда ССР Грузии отменить и дело прекратить за отсутствием у истцов права на иск к ТСПО.

**
*

25 января 1936 г. в 2 часа ночи при вводе вагонов на ветку, принадлежащую складу Фрунзенского о-ва потребителей, погиб составитель станции Москва — Товарная Зап. ж. д. Орлов.

Расследованием было установлено, что пути складов не были очищены, наблюдавший за состоянием путей дорожный мастер Мячин, несмотря на то, что снег нарушал габарит, не дал распоряжения об очистке снега и сообщил, что ветка в исправности и вполне пригодна для движения.

Во время маневров составитель Орлов находился на подножке тендера и был сбит сугробом снега с подножки, попал между сугробом и паровозом и скончался от полученных ран.

Линейный суд Западной ж. д. 25 марта с. г. приговорил дорожного мастера Мячина к 3 годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верхсуда СССР определением от 14 апреля с. г. приговор оставила в силе, но применила к Мячину условное осуждение по следующим мотивам.

Несчастный случай, повлекший за собой увечье и смерть Орлова, произошел не только от недостаточной очистки путей от снега, но и по неосторожности Орлова.

Очистке снега мешал земляной откос.

Составитель должен был находиться во время маневров с правой стороны пути, где снег был очищен, и не должен был переходить на левую сторону пути.

Прокуратура Союза опротестовала определение транспортной коллегии по следующим основаниям.

Акт служебного расследования устанавливает, что причиной гибели Орлова было наличие вдоль путей сугроба снега высотой в 1,2 метра и что снег задевался подножками подвижного состава. Линейный суд в своем частном определении отметил, что указанием на собственную неосторожность Орлова нач. станции, составлявший акт, пытался смягчить вину станционной администрации. Тот факт, что наличие снега не давало возможности пропускать по этой ветке подвижной состав, подтверждается и тем, что после несчастного случая ветка до очистки снега была закрыта для движения.

При осмотре места происшествия на снегу были явно видны следы от подножек и частей паровоза.

Дорожный мастер Мячин проявил преступную халатность. Администрация склада несколько раз обращалась к нему с просьбой об осмотре ветки, но Мячин пошел смотреть только тогда, когда он получил от администрации 15 руб. и, ограничившись поверхностным осмотром, не принял никаких мер к тому, чтобы администрация озаботилась очисткой ветки от снега. Наличие откоса с левой стороны путей не являлось непреодолимым препятствием в очистке путей от снега, ибо после несчастного случая пути были сразу же очищены.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение транспортной коллегии отменить и дело вернуть ей на новое рассмотрение.

**
*

Народный суд 1 уч. г. Таганрога 28 января 1936 г. приговорил по ст. 107 УК к 5 годам лишения свободы Ткачева Семена Иванова.

Ткачев с 1920 по 1933 г. купил 5 домов, продал из них 4, пятый же дом был у него изъят за неуплату налога. Каждый из домов Ткачев продавал по более высокой цене, чем покупал. Это обстоятельство и послужило основанием для осуждения Ткачева.

Кассационная коллегия Азово-Черноморского краевого суда, рассматривая дело по жалобе осужденного, переквалифицировала деяние Ткачева по ч. 2 ст. 169, оставив в остальном приговор в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор народного суда и определение кассационной коллегии крайсуда по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что Ткачев, приобретая каждый отдельный дом, пользовался им в течение нескольких лет. Так, например, дом, приобретенный в 1920 г., был продан в 1924 г., приобретенный в 1924 г. — продан в 1928 г., приобретенный в 1928 г. был продан в 1932 г.

Ряд лиц — свидетель Каганский и др. — подтвердили, что Ткачев, приобретая дом, во всех случаях делал ремонт, пристройки и вносил ряд улучшений, что естественно повышало ценность дома и тем самым давало основание Ткачеву для получения более высокой цены.

По делу не установлено совершение Ткачевым каких-либо мошеннических действий. Все сделки совершались вполне легально, с ведома и разрешения горкомхоза; покупатели не вводились Ткачевым в заблуждение. Если даже признать, что Ткачев имел от операций с домами нетрудовой доход, то оснований для привлечения его к ответственности за сокрытие этого дохода не имеется, так как по действующему законодательству доход от продажи личного имущества обложению не подлежит.

Коллегия по уголовным делам Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор суда и определение кассационной коллегии отменить и дело в отношении Ткачева производством прекратить.

***

9 декабря 1935 г. линейный суд Юго-Восточной ж. д. приговорил Малькова Ивана Федосеевича по ч. 1 ст. 116 УК к 3 годам лишения свободы.

19 декабря 1935 г. Транспортная коллегия Верхсуда Союза ССР приговор линейного суда отменила и дело направила на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Прокуратура Союза опротестовала определение Транспортной коллегии Верхсуда Союза ССР по следующим основаниям.

Мальков, заведующий вагонной хлебной лавкой Сталинградского райорса, был привлечен к уголовной ответственности за растрату 2681 р. 10 к. При первом допросе Мальков заявил, что 11 июля 1935 г. бывший заведующий вагонной лавкой Жданов предъявил ему телеграмму начальника отдела хлебопечения райорса Тутаринова о сдаче Жданову выручки за проданный хлеб и остатка хлеба, и он, Мальков, на основании этой телеграммы сдал Жданову без всякой расписки выручку в сумме 2000 руб. и остаток хлеба. При вторичном допросе Мальков изменил первоначально данное им показание и заявил, что Жданов предъявил ему не телеграмму, а записку от Тутаринова. В судебном заседании Мальков изменил все свои показания, данные им на предварительном следствии, и дал новое объяснение недостачи. Он заявил, что никакой телеграммы и записки Жданов не предъявлял, а он сдал ему деньги и остаток хлеба без всякого распоряжения и без расписки.

Транспортная коллегия Верхсуда Союза в своем определении указала, что при проведении нового следствия по делу необходимо получить копию той телеграммы, на которую ссылался Мальков. Как выше указано, Мальков в судебном заседании отказался от своих показаний о наличии телеграммы Тутаринова. Таким образом указания Транспортной коллегии Верхсуда Союза являются неправильными.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение Транспортной коллегии отменить и дело вернуть ей на вторичное рассмотрение.

***

Линейный суд Кировской ж. д. 5 февраля 1936 г. приговорил гр. Музакко Ивана Андреевича по ст. 59[3] УК к 3 годам лишения свободы.

Определением Транспортной коллегии Верхсуда Союза ССР от 17 февраля 1936 г. приговор линейного суда был оставлен в силе.

Существо дела заключается в следующем.

31 сентября 1935 г. на ст. Мга Кировской ж. д. во время дежурства ДСП (дежурного по станции) Музакко И. А. произошло столкновение паровоза № 5448 с составом поезда № 998, в результате чего был разбит 1 вагон и повреждено 6 вагонов.

Основным виновником указанного крушения является машинист паровоза № 5448 Майоров (осужден по данному делу на 2 года лишения свободы), который, следуя с паровозом по 10 пути, превысил скорость и, своевременно не заметив состава поезда № 992, столкнулся с головной частью состава.

Виновность ДСП Музакко (являющегося второстепенным виновником) заключается в том, что он, получив от диспетчера 1 отделения распоряжение об изменении маршрута для паровоза № 5448 (первоначально предполагалось отправить паровоз № 5448 на юг, а затем было предложено отправить этот паровоз с поездом № 992 на север), не сообщил об этом машинисту Майорову, вследствие чего последний, не зная, что состав, под который он подает паровоз, находится на 10 пути (и думая, что 10 путь свободен), ехал с превышенной скоростью и не обращал внимания на путь, в результате чего и наехал на состав, под который он подавал паровоз.

Из имеющихся в деле материалов, а также специального письма начальника Кировской ж. д. видно, что Музакко является прекрасным производственником, ранее не имевшим дисциплинарных взысканий.

За время работы на ж.-д. транспорте (с 1924 г.) Музакко, начав с должности ремонтного рабочего, своей упорной и добросовестной работой добился назначения в 1930 г. на должность ДСП.

По работе ДСП с 1933 по 1934 г. он показал образцы работы по выполнению измерителей, за что как один из лучших ДСП был командирован в центральную эксплоатационную школу НКПС, по окончании которой был назначен на должность диспетчера отделения.

Уже после столкновения на ст. Мга (21 сентября 1935 г.) Музакко, работая диспетчером

I отделения, перевыполнял заданные измерители, работая по-стахановски.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение Транспортной коллегии.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определенное Музакко наказание — 3 года лишения свободы — считать условным с испытательным сроком на 2 года.

***

Народный суд Развиленского района АЧК, рассмотрев 10 октября 1935 г. гражданское дело по иску Развиленского райпрокурора о взыскании с председателя Развиленского сельпо Белоусова и с председателя Развиленского райпотребсоюза Французова в пользу Развиленского сельпо 237 р. 60 к., решил взыскать указанную сумму с Белоусова, в иске же к Французову отказать.

Решение это было утверждено определением судебно-кассационной коллегии Азово-Черноморского крайсуда от 25 октября 1935 г.

Прокуратура Союза опротестовала решение народного суда и кассационное определение по следующим основаниям:

В адрес Развиленского сельпо Союзсольсбытом был отгружен вагон соли, который своевременно Белоусовым не был выкуплен, и за простой вагона Развиленским сельпо уплачено было железной дороге 237 р. 60 к.

При рассмотрении народным судом дела Белоусов предъявленного к нему иска не признал и объяснил, что соль была Союзсольсбытом отгружена в адрес Развиленского сельпо без заказа последнего. Так как в соли Развиленское сельпо не нуждалось, то он отказался от ее получения. Однако райпотребсоюз предложил Белоусову не сообщать станции об отказе от груза, заявив, что эта соль будет взята Краснополянским сельпо. Действительно Краснополянскому сельпо было сделано письменное предложение выкупить соль. Последнее, согласившись вначале выкупить соль, через несколько дней от нее отказался, ввиду чего по необходимости соль на следующий день после отказа Краснополянского сельпо была выгружена Развиленским сельпо.

Объяснения ответчика Белоусова показаниями работников райпотребсоюза на суде полностью подтвердились. В кассационную инстанцию Белоусов представил кроме того письменное предложение райпотребсоюза от 13 сентября 1935 г. правлению Краснополянского сельпо о выгрузке соли.

При этих обстоятельствах взыскание с Белоусова убытков, понесенных сельпо, является явно неправильным. Белоусов не только имел право отказаться от соли, которую он не заказывал и которая не была нужна сельпо, но как добросовестный хозяин обязан был это сделать для того, чтобы не затоваривать сельпо и не изымать напрасно из оборота денежные средства. При этом установлено было, что он своевременно заявил райпотребсоюзу об отказе от выкупа соли. Суд же в своем решении дал неправильную установку, указав, что Болоусов якобы был обязан выкупить соль, так как у него были складочные помещения.

Президиум Азово-Черноморского краевого суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил решение народного суда и определение кассационной коллегии краевого суда отменить и дело дальнейшим производством прекратить.

***

Гр. Мартынов М. М. продал 13/VII 1934 г. свой дом в Кунцеве тресту Межгорсвязьстрой за 23 600 руб.

В доме кроме продавца проживали его сыновья — М. М. Мартынов и Н. М. Мартынов.

По договору Мартынов-отец обязался к 20 июля 1934 г. освободить 3 комнаты в проданном доме, а остальные 4 комнаты — к 10 августа 1934 г.

По просьбе Мартынова 23 600 руб. были выплачены трестом путем взносов. 9600 руб. на его счет, а 14 000 руб. — на счета членов его семьи.

25 октября 1934 г. трест предъявил к Мартынову-отцу иск о выселении его со всеми проживающими при нем, так как он, в нарушение договора, не освободил дома, и о привлечении его к уголовной ответственности по ст. 131 УК.

Народный суд Кунцевского района 3 ноября 1934 г. вынес решение, которым обязал «Мартынова М. М. в 5-дневный срок освободить полностью проданное им домовладение», и в случае неисполнения решения копию его направить следователю для привлечения Мартынова к ответственности.

Мартынов 11 ноября подал кассационную жалобу, но в тот же день умер.

Мособлсуд 17 ноября 1934 г. прекратил дело за смертью ответчика. Тогда трест предъявил иск к сыновьям Мартынова о выселении.

Народный суд Кунцевского района 4 декабря 1934 г. отказал в иске, найдя, что ответчики не состояли в договорных отношениях с истцом и что ссылка итца на то, что ответчики являются сыновьями умершего, неосновательна, так как «ответственность детей за родителей чужда пониманию советского закона».

Облсуд 17 декабря 1934 г. отменил решение, указав, что ответчики знали о продаже дома их отцом и, продолжая проживать в доме, не вносили тресту квартплаты в течение 5 месяцев.

При новом рассмотрении дела 16 января 1935 г. народный суд удовлетворил иск о выселении. Кассационная коллегия облсуда 28 января 1935 г. оставила жалобу Мартыновых без последствий. Президиум Мособлсуда 29 апреля 1935 г. оставил в силе решение народного суда от 4 декабря 1934 г. об отказе тресту в иске и отменил последующие решения по делу.

Президиум нашел, что хотя ответчики проживали в доме отца, но вели самостоятельное хозяйство и вносили отцу квартплату; поэтому, по мнению президиума, следует применить ст. 169 ГК; истец же может обратиться с иском о расторжении договора к наследникам Мартынова.

Прокуратура СССР опротестовала постановление президиума Мособлсуда как неправильное и вынесенное в нарушение интересов госучреждения по следующим основаниям.

Кассационная коллегия Мособлсуда поступила неправильно, прекратив дело по иску треста о выселении Мартынова-отца со всеми проживающими с ним вследствие нарушения

им обязательства по договору купли-продажи.

Кассационная коллегия Мособлсуда должна была не прекращать дела за смертью ответчика, а лишь приостановить производство согласно ст. 113 ГПК, до установления наследников умершего в целях замены ответчика по иску его наследниками.

Следствием этого явилось последующее предъявление трестом иска о выселении ответчиков из проданного их отцом дома вне связи с обязательством продавца освободить дом. Другим следствием явилось то, что покупатель дома — госорган, приобревший дом для заселения своими работниками, по решению президиума Мособлсуда лишен права выселить ответчиков, сохранив за собой лишь право требовать расторжения договора.

Это неправильно. Продавец дома Мартынов обязался освободить дом от проживающих в нем, причем это его обязательство явилось существенной частью договора; это обязательство перешло к его наследникам. Тресту Межгорсвязьстрой принадлежит право требовать от наследников продавца выселения проживающих в доме сыновей продавца вне всяких соображений о том, жили ли они с отцом одной семьей, платили ли ему квартплату и пр.

Гражданская коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, отменила все состоявшиеся по делу решения суда и дело на новое рассмотрение передала в тот же суд в ином составе.

По союзным республикам

РСФСР

Прокуратура МББ ж. д. в борьбе с растратами в орсе

Сумма растрат, хищений, недостач в органах отдела рабочего снабжения Московско-Белорусско-Балтийской дороги достигает значительных размеров.

Однако настоящей, повседневной, жесткой борьбы с растратами орс не ведет.

Борьба с факторами, благоприятствующими хищениям, поставлена крайне плохо.

Мы и хотим в этой статье на основе опыта нашей работы осветить обстоятельства, которые благоприятствуют хищениям, и борьба с которыми является важнейшим условием ликвидации растрат и хищений в орсах.

Одним из важнейших обстоятельств, благоприятствующих хищениям, является крайне легкомысленное отношение многих руководителей орсов к приему на работу.

Безответственное отношение к делу подбора работников приводит к тому, что жулики, аферисты, проходимцы, разложившиеся элементы получают свободный доступ к большим материальным ценностям.

Пробравшись на работу в магазины, склады, палатки, эти элементы немедленно используют бесконтрольность, скверное состояние учета и занимаются хищением в крупных размерах.

В подтверждение приведем дело, рассмотренное линейным судом Бел.-Балт. дороги, по обвинению Миронова.

Миронов—по профессии шофер, никогда ранее в торговых организациях не работал. В 1926 г. за поджог был осужден к 3 годам лишения свободы и к высылке по отбытии наказания на 3 года. Наказание, избранное судом не отбыл. Бежав из тюрьмы, Миронов на протяжении всего периода времени с 1927 г. по день ареста занимался преступной деятельностью. Миронов проживал по чужому паспорту под фамилией Ратинского. Паспорт им был похищен вместе с деньгами и вещами у одного пассажира. Тот же Миронов похитил из разных учреждений и организаций 28 бланков с печатями, каковые и заполнял при поступлении на работу. По одному из подобных документов Миронов устраивается на работу в Витебское отделение связи на должность шофера. Вскоре он оттуда был уволен за разные злоупотребления. Тотчас же по увольнении он поступает на работу шофером на Витебский фанерный завод, откуда также за злоупотребления был уволен.

После всего этого Миронов явился в орс Витебского отделения и, представив подложные справки о работе в кооперации, был без всякой проверки сразу принят на работу и направлен помощником заведующего магазином № 29. Проработав лишь несколько дней, Миронов, улучив момент, когда заведующий магазином уехал в управление орса, забрал всю выручку в размере 8500 руб. и скрылся.

Это дело характеризует полную беспечность, преступную доверчивость, исключительное легкомыслие при приеме на работу. Стоило бы лицам, принимавшим Миронова на работу, тут же в Витебске произвести проверку, и они бы установили, что имеют дело с мошенником и вором.

Не менее характерно дело по обвинению Фадеева в растрате 15 000 руб. Никто не позаботился проверить прошлое Фадеева при приеме его на работу. А ведь только 2 года тому назад линейный суд этой же Московско-Белорусско-Балтийской дороги судил Фадеева за растрату и приговорил его к 10 годам лишения свободы.

Не отбыв определенного судом наказания, Фадеев появляется в Смоленске и, обратившись в орс, сразу получает работу заведующего магазином.

Проработав незначительный срок, Фадеев присвоил и растратил 15 000 руб.

Мы могли бы привести ряд аналогичных дел, из которых видно, как халатное отношение к подбору кадров используется преступным элементом.

И совершенно ясно, что борьба за охрану социалистической собственности будет только тогда успешна, когда начнут привлекать к суровому ответу ротозеев, которые открывают ворам свободный доступ к материальным ценностям орсов.

Ряд процессов об этих ротозеях был проведен на МББ ж. д.

Поучительно в этом отношении дело заведующего магазином ст. Негорелое Аверьянова, принятого на работу без какой-либо элементарной проверки.

Руководителям Минского орса стоило бы небольшого труда установить, что Аверьянов уже дважды судился за корыстные преступления. Но так как никто никакой проверки не произвел, Аверьянов получил должность заведующего магазином и сразу же занялся расхищением государственных средств. Всего Аверьянов присвоил и растратил на свои личные нужды 36 480 руб.

Прокуратура по этому делу наряду с Аверьяновым предала суду и руководителей орса.

Эти факты ставят перед работниками прокуратуры и суда задачу в каждом отдельном случае растраты выявлять роль руководителей орса и в случае установления фактов приема на работу жуликов и проходимцев привлекать к уголовной ответственности и тех, кто их принял на работу.

Второе обстоятельство, благоприятствующее хищениям — отсутствие достаточного контроля со стороны управления орса.

Яркой иллюстрацией отсутствия какого бы то ни было контроля может служить дело о хищении 9 000 руб. кассиршей столовой ст. Волоколамск Комоловой.

Работая кассиршей, Комолова в течение месяца, каждодневно, не сдавала значительную часть выручки. Ежедневная выручка столовой составляла 600—700 руб., а Комолова сдавала только 300—400 руб. Проработав один месяц, Комолова присвоила 9 000 руб. и скрылась.

Лишь факт бегства Комоловой толкнул работников орса на обследование столовой.

Между тем, в Волоколамск, в столовую, где работала Комолова, в течение месяца приезжало несколько руководящих работников орса, но ни один из них проверки отчетности не произвел.

По многим делам, рассмотренным судом, были вынесены специальные определения о привлечении к дисциплинарной ответственности должностных лиц, виновных в непринятии мер к установлению должного повседневного контроля.

Так, по делу бывшего заведующего бакалейным отделением магазина № 1 орса Малышева и других в числе 4 чел., обвинявшихся в растратах и подлогах, судом было вынесено частное определение, в котором было констатировано отсутствие какого бы то ни было контроля со стороны орса за делом отпуска и получения товаров в магазин. В этом же направлении суд указал на полную обезличенность материальной ответственности между заведующими отделениями и заведующим магазином и т. д.

По делу Караваева, осужденного линейным судом за крупную недостачу, было вынесено частное определение о привлечении к ответственности работников орса. Суд установил, что на протяжении длительного периода времени не было ни одной ревизии. Кроме того, Караваев все время представлял неправильную отчетность, но, несмотря на это, ему не было сделано ни одного замечания. Полное отсутствие контроля привело к крупнейшей недостаче. Так «работал» не только заведующий магазином Караваев. Во всем магазине царила обстановка полной бесконтрольности, что и привело к массовым хищениям. Один из приказчиков, присвоив значительную сумму, скрылся, оставив записку заведующему магазином с просьбой «покрыть недостачу из причитающейся ему заработной платы».

Все эти факты ставят перед прокуратурой со всей настойчивостью задачу усиления борьбы с бесконтрольностью.

Усиливая борьбу за своевременный контроль, за правильно поставленный учет в орсах, мы вместе с этим обязаны обратить пристальное внимание и на постановку бухгалтерии. Ряд дел о крупнейших растратах показывает, что в ряде случаев растратчики действуют вместе с работниками бухгалтерии.

Преступный союз завмагов с работниками бухгалтерии создает все условия для успешного сокрытия следов преступления и дает возможность расхищать крупные суммы.

Крайне характерно в этом отношении рассмотренное линейным судом дело по обвинению заведующего магазином Шибулкина и бухгалтера орса I отделения Морозова. Лишь случайно было установлено, что Шибулкин при содействии Морозова с ноября 1934 г. по декабрь 1935 г. присвоили и растратили 130 477 руб. Шибулкин брал из кассы деньги, а Морозов путем подлогов «оформлял» это в бухгалтерских книгах.

Это не единичный факт. Аналогичное дело было выявлено и в орсе депо Вязьма, где при активном содействии главного бухгалтера было растрачено и присвоено свыше 40 000 руб. Растрата была скрыта путем представления в дорожный орс фиктивного баланса.

Эти факты сигнализируют о явной засоренности бухгалтерского аппарата. Это обязывает нас по каждому делу о растрате проанализировать роль бухгалтерии. Мы думаем, что счетно-бухгалтерские работники, прямо участвующие в растратах, «оформляющие» растраты, должны быть привлечены к особо строгой ответственности.

Но когда мы говорим о счетно-бухгалтерском аппарате, то речь идет не только о прямом участии бухгалтеров в сокрытии следов растрат. Вопрос надо поставить шире и глубже. Надо обратить внимание на отставание отчетности, на отсутствие анализа материалов ревизии. Это бесспорно создает благоприятные условия для совершения растрат.

По орсу депо Великие Луки было разворовано свыше 22 000 руб. по той причине, что никакого бухгалтерского учета по существу не было.

Следствием установлено было, что лишь на этой почве возможно было представление в массовом количестве подложных счетов, нарушение элементарных правил оформления

счетов и т. д. Суд в приговоре указал, что «плохое состояние учета и отчетности в бухгалтерии орса депо Великие Луки создало в результате широкое поле деятельности отдельным работникам орса для злоупотреблений и растранжириваний кооперативных средств».

Такое же положение было выявлено и по делу растратчиков из орса депо Ржев, где бухгалтерия была настолько отстала и запутана, что целой группе работников пришлось в течение 3 месяцев заниматься приведением в порядок бухгалтерских книг.

Подводя итоги работы по борьбе с растратами, прокуратура дороги рекомендовала руководству дорорса:

1) при подборе штатов тщательно проверять отношение к порученным обязанностям по прежнему месту работы. При подборе материально-ответственных лиц привлекать к участию в подборе гл. бухгалтера.

2) К подбору продавцов и кладовщиков привлекать заведующих магазинами.

3) Подобрать квалифицированных контролеров, ревизоров для производства систематических ревизий на местах.

4) Организовать постоянно действующий рабочий контроль, работу которого проверять на отчетных общих собраниях.

5) Систематически проводить внезапные ревизии (не менее 2—3 раз в квартал).

Ю. Элькинд.

О технике защиты и мастерстве

«В настоящее время на сов. защиту возлагается не менее ответственная обязанность перед пролетарским государством и социалистическим обществом, чем на судью и прокурора... Сов. защита выполняет функцию огромной общественной важности»... (А. Я. Вышинский, «Изв. ЦИК» № 126).

Отсюда вытекает — «задача перестройки работы коллегий защитников на новых началах» (там же).

Одним из элементов этой перестройки представляется нам борьба за высокий уровень сов. защитника. В наше время величайшего подъема культуры в СССР, чтобы быть действительным помощником суду, защитник должен обладать надлежащим образованием и подготовкой. Учение Маркса — Ленина, юридические науки, примыкающие к ним дисциплины (судебная медицина и психопатология, криминалистика, психология свидетельских показаний и т. д.), широкое общее образование, в частности знакомство с историей, психологией и художественной литературой — этого мы вправе требовать от настоящего защитника.

Но это — еще не все. Работа защитника — допрос свидетелей, судебные прения, составление бумаг — требует известных приемов. Совокупность этих приемов составляет технику (методику) защиты.

В прошлогоднем циркуляре тов. Вышинского по закону 7/IV («Соцзаконность» № 9) содержится чрезвычайно интересная и плодотворная мысль — о совещаниях защиты для выработки «методов ее работы».

Эту идею тов. Вишинского следовало бы распространить на всю работу защиты. Очередная задача коллегии защитников — разработка техники защиты в целом. До сих пор мы имеем в этом деле полный самотек и беспомощность, полное отсутствие школы.

Молодой защитник, пришедший в коллегию, даже если он теоретически более или менее подготовлен, если он знаком с УК и процессом и т. д., совершенно не знает, как начать допрос свидетеля, как писать бумагу, что требуется от речи на суде. Он технически беспомощен. Он учится на опыте, то-есть на ошибках, то-есть во вред работе суда, во вред интересам подсудимого.

Существует мнение, будто технике защиты иначе нельзя научиться, будто тут невозможна школа. Это совершенно неправильно. Возьмем, например, английскую адвокатуру, блестяще разработавшую технику допроса, создавшую в этой области целый ряд методических правил (см., напр., Гарриса: «Школа адвокатуры»).

В самом деле посмотрим, как у нас обычно производится допрос. В советском уголовном процессе это — главное оружие защиты. Между тем обычно мы допрашиваем без плана и системы, задаем вопросы, пришедшие в голову в данную минуту, задаем их как попало, без всякой логической последовательности. С точки зрения техники защиты, допрос должен быть заранее продуман, он должен вестись по логическому плану, вопросы должны быть связаны между собою.

Бессистемность допроса делает его длительным, мучительным, нудным. У мастеров адвокатуры допрос экономен: ни одного лишнего вопроса, зато каждый заданный вопрос бьет в цель.

В нашей обычной практике вся «техника допроса» сводится к скрупулезному использованию протоколов предварительного расследования. Допрашивающий тщательно следит за протоколом и ревниво ловит свидетеля на мелких противоречиях, забывая и о свойствах человеческой памяти и о качестве протоколов, которые отнюдь не являются стенограммой.

Многие из нас злоупотребляют наводящими вопросами, справедливо раздражая суд, но делают они это вовсе не умышленно, а в силу неумения правильно формулировать вопрос. Формулировка вопроса, точная, ясная, четкая, сжатая, тоже требует техники.

Многие из нас не умеют найти правильный тон для допроса. Не понимая психологии допрашиваемого, защитник нервирует его, нервничает сам, кричит, допрос переходит в диалог, в дискуссию.

«Техника допроса» должна подытожить приемы лучших мастеров: о чем спрашивать и как спрашивать? Но этого мало.

На сегодняшнем уровне нашей культуры защитник, чтобы быть помощником суду в допросе, должен быть знаком с психологией свидетельских показаний. Это поможет ему понять свидетеля и увидеть «добросовестную неправду» там, где мы грозим свидетелю 95 статьей.

Итак, вполне возможна выработка техники допроса, которая должна притти на смену нынешнему хаосу и самотеку.

То же самое относится и к технике судебной речи. Последние годы, в результате знаменитой дискуссии 1928—1929 г. (нужна ли защита в суде? нужны ли прения сторон?), до-

вольно популярен взгляд, что наилучшая речь защитника это — сухой доклад, по возможности краткий, без малейшего «красноречия», с «выводами». В 1936 г. едва ли кто станет поддерживать этот «аскетический» взгляд.

Конечно, нам не нужна «французская школа» красноречия с ее громами и пафосом. Конечно, язык старых дореволюционных мастеров адвокатуры устарел для нашей эпохи. Но настоящая речь защитника не должна быть сухим каталогом доказательств. Пусть она будет строго деловая, серьезная, политически правильная по содержанию, но в то же время — яркая, сильная, горячая, волевая по форме. Такая форма способствует усвоению содержания. Без этой формы самая содержательная речь скучна, утомительна: ее не слушают.

Возьмите речи товарища Сталина. При предельной ясности, точности и насыщенности содержания, при железной логике плана, сколько в них художественных образов, эпитетов и сравнений, ссылок на художественную литературу!

«Техника судебной речи» на основе классических образцов, должна дать указания о способах подготовки и построения речи, о формах ее, наиболее соответствующих нашей советской эпохе. Классические образцы мы имеем в речах наших вождей и, прежде всего, товарища Сталина. Частично мы не должны отказываться от изучения с технической стороны речей дореволюционных мастеров адвокатуры, начиная с Цицерона и кончая, скажем, Спасовичем и Кони.

Возьмем, наконец, такую область адвокатской работы, как составление бумаг, в основном — кассжалоб. Как мы пишем бумаги? — «Как бог на душу положит».

Думаем ли мы о том, что и тут возможен целый ряд правил, направленных на то, чтобы с затратой минимума слов (экономия слова) достигнуть максимального результата, чтобы заинтересовать докладчика, чтобы привлечь его внимание к основным спорным вопросам?

А язык наших бумаг? ЦО «Правда» писала о языке газет. А юридические бумаги и сейчас начинаются сакраментальной формулой:

«Приговор нарсуда от... коим я осужден по... и определение кассколлегии по вышеозначенному делу, коим приговор утвержден, я нахожу неправильным по нижеследующим соображениям».

Засим, посему, из его явствует, надлежит признать, каковой, таковой — весь этот стиль приказной канцелярии XVI столетия усердно сохраняется до наших дней.

Приказные славянизмы, тяжелые, бесконечно-длинные периоды, сухой, шаблонный и скучный язык, от которого пахнет нафталином.

Наш вывод: «технику защиты», как совокупность основанных на опыте наилучших приемов допроса, речи, составления бумаг и т. д., создать можно и нужно. Такая техника должна войти составным элементом в подготовку молодой защиты. Она должна дать молодому защитнику полную школу для всей его работы: как читать дело, как готовиться к защите, как беседовать с подсудимым, как представлять новые доказательства, как вести допрос свидетелей и экспертов и т. д.

Разработка коллегией защитников такой техники требует большого и длительного труда, но уже сама по себе она будет означать движение вперед.

Вспомним слова товарища Сталина о стахановцах:

— «Это — люди, вполне овладевшие техникой своего дела».

А в № 3 «Соцзаконность» тов. Сольц писал о стахановском движении в связи с судебной работой:

«Стахановство не терпит шаблона... Партия зовет к стахановству, к творчеству, к устранению шаблона... Надо и в нашем деле работать по-стахановски, творя в нем»...

Сейчас и в защите мы обычно имеем шаблон. Средний защитник работает самотеком, шаблонно, он плывет по течению, он идет за процессом. Объявим же и мы войну этому шаблону, этим нудным и бессистемным допросам, этим скучным и вялым речам, этим бумагам, где слова, как стертые пятаки, безжизненные, малопонятные, тяжелые. Работа над техникой защиты означает борьбу за наилучшие методы, за мастерство защиты.

Задача советской защиты — выдвигать таких мастеров, подготовлять их и выращивать, создавать для них наиболее благоприятные условия.

Кстати, в Ленинградской коллегии защитников несколько лет тому назад была сделана попытка разработки «техники защиты», проведения докладов, издания книжки и т. д. Попытка это почти заглохла.

М. Равич

Производство мошенников

Советский суд энергично борется и должен бороться с ворами, жуликами и хулиганами. Но наблюдаются в судебной практике и обратные, так сказать, противоестественные явления, когда суд из инстанции по борьбе с преступлениями неожиданно превращается в орган по производству преступников.

Технически эта операция производится довольно просто: минуя конкретные обстоятельства дела, минуя живого человека, суд, как ярлык на банку консервов, наклеивает на обвиняемого «статью», а за ней, как полагается, следует и наказание. На одном таком случае, когда нарсуд Свердловского уч. I района г. Москвы произвел в «мошенники» скромного и честного работника,—стоит остановиться.

Гр. Драпкин—малограмотный, несудившийся. По специальности — скорняк. С 1923 г. по 1929 г. был кустарем. Никогда не лишался избирательных прав. С 1929 г. — член профсоюза меховщиков. В момент суда — рабочий в мастерских Мосторга. Хороший специалист в своем ремесле и честный труженик Драпкин никогда не сидел без работы. Но случилось так, что в 1935 г., переходя с одной службы на другую, Драпкин две недели оставался без работы. Тут-то и приключился тяжелый грех, приведший Драпкина на скамью подсудимых.

По просьбе гр. Э. Драпкин раскроил принадлежавшее Э. каракулевое пальто на 10 воротников и получил за свою работу (работать пришлось несколько дней) пятьдесят рублей.

Нарсудья Свердловского района знает советские законы и поэтому мимо означенного злодеяния Драпкина пройти не мог. В приговоре

написано: «обвиняемый Драпкин обвиняется в мошенничестве, выразившемся в том, что он без патента, т. е. регистрационного свидетельства, произвел скорняжные работы на обвиняемого Э.; как установлено материалами дела и самопризнанием обвиняемого Драпкина, последний произвел всего десять каракулевых воротников».

Если заниматься кустарным промыслом без патента, и в этом случае по закону нормальное последствие — штраф за невыборку патента и соответственное обложение.

Но Драпкин не занимался скорняжным промыслом: сам приговор установил, что Драпкин «произвел всего десять воротников». Для такой эпизодической единичной работы в перерыве между двумя службами и патента не требуется. Нарсудье Свердловского района не до того...

Нарсудья Свердловского района встревожен. Встревожен тем, как бы Драпкин своим пятидесятирублевым заработком не нанес удара советскому хозяйству. Приговор поэтому «начертал»: Драпкин «своими действиями причинил ущерб государству в сумме 1205 руб. Каким образом?».

Приговор из этого не делает секрета — «в виде сокрытия госналога». Драпкин, таким образом, действительно оказался ловкачем: заработав трудом рук своих пятьдесят рублей, он при этом ухитрился причинить ущерб государству в большой и точной сумме — 1205 руб.

«Означенное деяние, победоносно заключает приговор, предусмотрено ст. 169 ч. 2 Уголовного кодекса». Это значит, что, заработав пятьдесят рублей, Драпкин, оказывается, совершил мошенничество, причем мошенничество особо опасное, мошенничество, нанесшее ущерб советскому государству.

Можно было бы дать Драпкину за «означенное деяние» пять лет тюрьмы, но праведные судьи сидят в Свердловском районе. Мошенник Драпкин получил год итр по указанию органов НКВД.

Так скорняк Драпкин, скромный труженик, милиционер в первые годы Октября, никогда ничем не опороченный, по социалистической законности в оригинальном истолковании нарсудьи Свердловского района г. Москвы был произведен в «мошенники».

АНТ.

Соревнование на лучшую работу

Работники Водно-транспортной прокуратуры Восточносибирского бассейна вызвали на социалистическое соревнование работников прокуратуры Селенигинского бассейна.

Проект договора, предложенный прокуратурой Восточносибирского бассейна выдвигает ряд конкретных обязательств по улучшению качества работы и усилению ее темпов.

В частности, предлагается добиться среднего срока следствия по делам в 20 дней (вместо 26 дней в 1935 г.); принимать участие во всех подготовительных заседаниях суда и давать заключения по всем кассационным делам; проверять не реже 1 раза в квартал приведение приговоров в исполнение; устранить случаи необоснованного возбуждения уголовных дел и предания суду без достаточных оснований; проверять правильность применения дисциплинарного устава на водном транспорте и штрафную политику; вести систематическую работу с активом прокуратуры, организовав сигнальные посты на всех крупных судах бассейна; своевременно сигнализировать о всех недочетах в работе пароходств, выявляемых в процессе расследования уголовных дел и жалоб; добиться четкой работы канцелярий.

Проверка исполнения договора назначена на 1 июля, 1 октября и 31 декабря 1936 г.

Арбитром приглашены главный водный прокурор СССР и редакция журнала «Соцзаконность».

Работа впопыхах

4 мая с. г. Махач-Калинский коллектив защитников (Дагестанская АССР) получил от дорожного суда Северокавказской ж. д. следующую телеграмму: «5 мая в 10 час. утра на ст. Дербент слушается дело 23 обвиняемых по закону 7 августа. Ввиду отсутствия в Дербенте защитников, командируйте 2 защитников».

Телеграмма эта была получена коллективом в 1 час дня 4 мая. Спрашивается, когда же должны были защитники ознакомиться с делом и переговорить с обвиняемыми? А ведь по делу обвинялись 23 человека. Неужели суд не мог подумать об организации защиты заранее, а не наспех, не впопыхах? Это не единичный случай. Организации защиты не придается должного значения. Суд зачастую относится к этому делу формально,—лишь бы обеспечить участие защиты в требуемых законом случаях, а как она будет выступать, успеет ли ознакомиться с делом, этим мало интересуются.

Необходимо поставить также вопрос об оплате расходов выезжающим в другие местности по требованию суда защитникам (проезд, суточные). Сейчас расходы по поездам оплачиваются коллективом за счет снижения зарплаты членов данного коллектива. Это ненормально. На небольших коллективах каждая выездная сессия отражается очень тяжело, а у одиночек поглощает значительную часть месячного заработка.

О заочном образовании

Работники юстиции Марийской области повышают свои политические и теоретические знания путем заочного образования без отрыва от производства.

Эта система учебы широко развернулась с 1933 года и особенно широкое распространение получила в этом году. Сейчас охвачено заочной учебой 49 человек судебно-прокурорских работников, которые в учебе имеют неплохие показатели. За это консультационный пункт получил переходящее красное знамя.

В этом году впервые выпускаются 8 студентов заочников, получивших высшее образование: Протасов, Вершинин, Лычангин, Похвалов, Товашов, Бирюков, Казанцев и Любимов. Они имеют 83 процента отметок на от-

лично и хорошо и 17 процентов на удовлетворительно.

Заочная система подготовки и переподготовки для работников юстиции является наиболее целесообразной формой, но ее зачастую недооценивают в районах ;в результате заочникам не дают возможности заниматься самостоятельно, отрывают их от работы и прикрепляют к различным другим кружкам.

К.

УССР

Наша учеба

Получив приказ Наркома юстиции Украины тов. Киселева о подготовке и сдаче юрминимума, в прокуратуре г. Николаева был организован кружок по юрминимуму.

Руководил кружком следователь тов. Катковская.

Занятия начались 25 марта и велись 6 раз в декаду по утрам с 8 до 10 час.

Работа по освоению юрминимума показала, что некоторые товарищи подготовлены слабо. Так, например, один из участников кружка не мог даже объяснить, что такое класс и государство; другой участник, работающий помощником прокурора и кончивший недавно юркурсы, не мог рассказать об инструкции от 8 мая.

Ставя перед собой задачу сдать юрминимум на отлично, мы вызвали на соревнование остальные городские прокуратуры Одесской области.

Параллельно с изучением юрминимума мы организовали семинар повышенного типа.

Сейчас значительная часть наших работников поступила на заочные отделения Института советского строительства и права.

Кроме этого мы решили организовать краткосрочные курсы по изучению украинского языка, выделив также два дня в месяц специально для учебы по общеобразовательным предметам и вопросам права.

В учебе нам мешает отсутствие юридической литературы. Мы не смогли снабдить всех товарищей юрминимумом. Обращения в московские и киевские книготоргующие организации результата не дали. Ничем не помог нам и сектор науки НКЮ УССР, который ограничился только рассылкой по юрминимуму программы представляющей собой по существу оглавление первой части учебника.

Поняв, что учеба сейчас главное, мы сделали только начало. В дальнейшем мы будем бороться за то, чтобы, сдав юрминимум на отлично, систематически и упорно учиться, готовя из себя политически и юридически вполне грамотных юристов, достойных социалистического общества. Нужно только, чтоб сектор подготовки кадров НКЮ УССР оказал нам в этом помощь.

Фридман.

Успехи социалистического соревнования в прокуратуре Одесской области

С весны 1935 года в Одесской областной прокуратуре развернулось социалистическое соревнование на лучшего прокурора и следователя.

Сейчас подведены итоги этого соревнования.

Областной прокурор тов. Турин в приказе, изданном им в связи с подведением итогов, констатирует, что прокуратура области получила право заявить о серьезных, хотя и далеко еще недостаточных успехах, достигнутых в области следственной работы.

Следственный аппарат почти разгрузился от старых дел. На 1 апреля 1936 г. по всем камерам области осталось не более 2 десятков дел со сроками следствия, превышающими 2 месяца (кроме дел, по которым объявлен розыск). Большинство следователей добилось того, что в их производстве остались только дела сроком следствия до одного месяца.

Количество дел, направленных, в результате расследования, на прекращение, достигавшее ранее 30—35%, за время с начала соцсоревнования постепенно падало и к настоящему времени достигло 15—20%.

Прокурорско-следственный аппарат стал уделять больше внимания дознанческой работе. В результате он добился разгрузки органов дознания от старых дел, доведя нагрузку района милиции на 1 апреля, в среднем до 9—10 дознаний.

Большая работа проделана и в деле борьбы за неприкосновенность социалистической собственности. Большинство дел о растратах проводится следователями прокуратуры. Ускорились сроки следствия. 66% дел прокуратура обеспечила выступлением гос. обвинителя.

Отмечая эти достижения, областная прокуратура премировала прокурорско-следственных работников, отличавшихся в социалистическом соревновании.

Особенно отмечены за лучшие качественные и количественные показатели: тов. Мыслов — гор. прокурор г. Николаева, тов. Дроботя — прокурор Н.-Украинского района, тов. Гольдштейн — прокурор Березовского района, тов. Бернштейн — следователь г. Одессы, тов. Эйстрах — ст. следователь облпрокуратуры, тов. Щукин — следователь г. Херсона, тов. Песчанкер — прокурор Грушковского района, тов. Вейсман — следователь г. Одессы, тов. Тартаковский — инспектор учетно-методической части.

Перед Прокуратурой УССР возбуждено ходатайство о представлении т.т. Дроботя и Бернштейна в ЦИК УССР на награждение их грамотой ЦИК.

Согласно решению комиссии по подведению итогов соцсоревнования, переходящее знамя органов прокуратуры Одесской области передано Николаевской горпрокуратуре.

Как работает актив Киевской облпрокуратуры

Заслушав доклад заместителя областного прокурора тов. Гинзбурга о работе общественного актива прокуратуры Киевской области,

президиум Киевского областного исполнительного комитета констатировал, что на протяжении 1935 г. Прокуратура Киевской области добилась значительных успехов в деле организации и руководства общественным активом и что в борьбе за социалистическую законность, в частности на селе, группы содействия прокуратуре оказали органам юстиции серьезную помощь.

За проявленную инициативу и ударную работу в области борьбы за социалистическую законность премировал по 100 руб.:

Тов. Лементаренко К. В. — председателя группы содействия прокуратуре по заводу им. 1 Мая (Б. Церковь) слесаря завода; тов. Деща Л. И. — председателя группы содействия прокуратуре по колхозу «Красное Полесье» с. Теремцы Чернобыльского района; тов. Слинька — председателя группы содействия прокуратуре по с. Добривцы Лысянского района, секретаря Добринского сельсовета, члена колхоза; тов. Дьяченко О. Ф. — председателя группы содействия прокуратуре по с. Петрушки Корсунского района, члена колхоза, тов. Нянченко Ульяну Петровну — председателя группы содействия прокуратуре по Сыроватскому сельсовету Каменского района, колхозницу; тов. Подгорного И. И. — председателя группы содействия прокуратуре по Вербинскому сельсовету, Каменского района, бригадира колхоза; тов. Сниховского М. — председателя группы содействия прокуратуре по колхозу им. Ворошилова, с. Балаклея, Смелянского района, бригадира полевой бригады, члена сельсовета; тов. Тонюка И. М. — председателя группы содействия прокуратуре по с. Берестовке Уманского района, члена колхоза им. 3 решающего; тов. Власенко П. М. — председателя группы содействия прокуратуре по селу Василицы Черкасского района, члена колхоза; тов. Зингаренко — председателя группы содействия прокуратуре по 4 обувной фабрике Петровского района г. Киева, рабочего-стахановца; тов. Тихонова И. — председателя секции социалистической законности г. Черкассы рабочего гвоздильного завода, ударника; тов. Степаненко С. И. — председателя секции социалистической законности с. Нечаевка, Черкасского района, члена колхоза, ударника; и по 200 рублей: тов. Пастернака — соцсовместителя прокурора Черкасского района, рабочего Госшвейфабрики; тов. Салімона — соцсовместителя прокурора Петровского района г. Киева, рабочего завода «Красный экскаватор»; тов. Верника Б. Т. — соцсовместителя районного прокурора Октябрьского района, г. Киева, рабочего завода «Красный экскаватор»; тов. Шешіна — соцсовместителя народного следователя Петровского района г. Киева, мастера цеха 4 обувной фабрики.

Наряду с этим президиум отметил, что отдельные районные прокуроры до сих пор еще не организовали в достаточной мере действующего общественного актива (как, например, районные прокуроры: Васильковского, Емельчинского, Лугинского, Макаровского и Рокитянского районов).

Учитывая большое значение групп содействия прокуратуре в деле борьбы за социалистическую законность, облисполком предложил президиумам районных исполнительных комитетов заслушать доклады районных прокуроров о работе их общественного актива и максимально содействовать им в деле воспитания кадров общественного актива и обязательно провести районные совещания общественного актива содействия прокуратуре, при участии райпрокуроров и судей.

Основными задачами групп содействия прокуратуре президиум считает: борьбу за охрану основ социалистического строя, государственной — народно-кооперативной и колхозной собственности, борьбу за охрану и защиту интересов социалистического человека, борьбу с какими бы то ни было вылазками классового врага, борьбу со всякого рода искривлениями директив партии и правительства, в частности: на промышленных предприятиях — борьбу за выполнение промфинплана, за качество продукции, за правильное использование новой техники, за бережное отношение к станкам и инструментам, за соблюдение правил по охране труда и технике безопасности, и особенно борьбу с какими бы то ни было препятствиями в проведении и развитии стахановских методов работы, на селе — борьбу за организационно-хозяйственное укрепление колхозов и совхозов, борьбу с какими бы то ни было препятствиями движению пятисотниц, со всякого рода нарушениями директив партии и правительства в проведении сельскохозяйственных кампаний, борьбу за правильное развертывание колхозной торговли и искоренение спекуляции, борьбу за развитие животноводства, за бережное отношение к коню.

Группы содействия должны проявлять инициативу в борьбе с волокитой и зажимом рабочих предложений и изобретений, с зажимом самокритики, с фактами преступной волокиты и бюрократизма, должны помогать производственно-товарищеским судам в борьбе за трудовую дисциплину, за новый быт.

„Революционная законность“ в Янушпольском районе Винницкой области.

В Янушпольском районе Винницкой области председатель сельсовета Олейник в 1934 г. распорядился снять крышу с дома гражданки Савчук-Сыч в покрытие ее долга сельсовету.

Осталась гражданка Савчук-Сыч жить в доме без крыши.

Через некоторое время орган, надзирающий за революционной законностью в районе, прокуратура района спохватилась: Олейника за это издевательство над ревзаконностью осудили, однако дом так и остался стоять без крыши.

Только после того, как в это дело вмешалась редакция журнала «Соцзаконность», прокуратура догадалась поставить перед райисполкомом вопрос о покрытии дома гр. Савчук-Сыч крышей.

«Бдительный» прокурор Столяров с работы снят.

В институте уголовной политики

Законодательство и судебная практика по алиментным делам

26 апреля с. г. в группе семейного права Гражданской секции Института судебной политики был заслушан доклад зам. председателя Гражданско-судебной коллегии Верхсуда СССР тов. Рейхеля **О законодательстве и судебной политике по алиментным делам.**

В своем докладе тов. Рейхель подчеркнул огромную политическую и бытовую важность алиментных дел, в особенности в настоящее время, когда мы строим новый социалистический быт, создаем новую семью, на основе действительного равенства мужчины и женщины, и во главу всей нашей деятельности ставим задачу выращивания и воспитания нового человека, сознательного и активного строителя бесклассового социалистического общества. Напомнив об огромной заботе партии, Правительства о детях и решающих мероприятиях по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности, докладчик для иллюстрации огромного значения алиментных дел привел также и статистические данные, характеризующие рост этой категории гражданских дел.

Так, если по РСФСР цифру 1932 г. взять за 100, то рост в процентах составит: 1933 г. — 104,5, 1934 г. — 133 и 1935 г. — около 177. Такой же рост, а иногда и более бурный наблюдается и в других Союзных республиках. Довольно высок и удельный вес алиментных дел в общем количестве гражданских дел, составляя около 12—16% всех дел.

В дальнейшем докладчик останавливается на 2 вопросах: а) вопросе о причинах роста алиментных дел и б) вопросе о состоянии нашего алиментного законодательства.

По вопросу о значительном росте алиментных дел в последние годы некоторыми товарищами высказывались опасения, не объясняется ли этот рост усилившимся в последние годы расшатыванием семьи, распадом брачных связей и участившимся уклонением от уплаты алиментов. Докладчик решительно высказывается против такого объяснения. Объяснение это не вяжется с нашим общим представлением о развитии социалистического общества и связанным с ним преодолением капиталистических пережитков. Не подтверждается оно и фактами. Число алиментных дел за последнее пятилетие не выше, а ниже числа алиментных дел за предыдущее пятилетие.

Рост алиментных дел в последнее время объясняется: а) повышением реальности взыскания в связи с повышением материального благосостояния ответчиков и укреплением покупательной способности рубля, б) ростом правосознания масс и усилением борьбы за право, в) проводившейся в последнее время кампанией со стороны государства, общественности и печати о повышении заботы о детях и г) наконец некоторым улучшением работы судов и исполнения. Какое значение сыграло повышение благосостояния ответчиков видно из большого числа повторных исков об увеличении размера присужденных алиментов. Сводных данных по этому предмету нет, по отдельным районам картина такова: в Ленинградской области таких исков в 1935 г. было 20% к общему числу алиментных дел, в Западной области — 21%, в Орехово-Зуевском районе — 41%, в Загорском районе—48%, в Ленинском районе Москвы—42%, в Азово-Черноморской области—12,5% и т. д. В среднем этот процент едва ли меньше 20—25%. Кроме того, в 1935 г. было значительное число исков со стороны лиц, давно уже имевших право на алименты, но их не отыскивавших в виду своей малосознательности, недостаточности заработка ответчиков, трудности розыска их и пр. Процент таких исков, вероятно, составит не менее 10—12 (в частности со стороны престарелых нетрудоспособных родителей и других восходящих).

Тезис об усилении распада брачных связей опровергается и данными о движении разводов. В РСФСР, УССР и БССР, по которым имеются статистические данные, число разводов в последние годы не увеличивалось, а заметно снизилось. В городах РСФСР, например, с 1930 г. по 1934 г. число разводов на 1000 чел. сократилось с 7,1 до 4. В общем имело место сокращение разводов и в деревне.

Переходя к вопросу о состоянии советского алиментного законодательства, докладчик остановился прежде всего на сопоставлении законодательства по этому предмету отдельных союзных республик. Вопреки обычному мнению законодательство это представляет довольно пеструю картину. По целому ряду вопросов и притом довольно принципиальных законы союзных республик нередко резко расходятся. Для иллюстрации этого положения докладчик привел следующие важнейшие различия.

А) Круг лиц, обязанных взаимно «алиментами», безусловно или при известных условиях: в РСФСР — дети, родители, дед, бабка, братья, сестры, пасынки, падчерицы, отчимы и мачехи, усыновленные и усыновители, а в отношении детей также лица, взявшие их на постоянное воспитание.

В УССР этот круг резко сужен — только родители и дети, усыновители и усыновляемые, причем в исключительных случаях суд в отношении алиментирования нуждающихся нетрудоспособных взрослых может освобождать от этой обязанности как родителей, так и детей. Последнее правило воспроизведено и в АзССР.

Б) **Установление отцовства в загсе по заявлению матери.** В РСФСР и БССР лицо, указанное отцом, записывается таковым, не взирая на его возражения с предоставлением ему права оспаривать запись иском в суде; в УССР и АзССР, УзССР, СССР, ТуркССР такая запись

допускается лишь при отсутствии возражений со стороны лица, указанного отцом, либо непредъявлении их в течение определенного срока иска против отцовства.

В) **«Алиментные» последствия фактического брака в отношении супругов.** В РСФСР, БССР и Грузии фактический брак создает такие же права на взаимные алименты и общность имущества, как и зарегистрированный брак. В УССР требуется предварительное оформление фактического брака регистрацией в загсе (допускается регистрация по одностороннему заявлению аналогично с указанием отца), если же регистрация невозможна, то присуждение алиментов и признание общности нажитого в совместной жизни имущества зависит от суда.

В АзССР, УССР, ТаджССР и ТуркССР признается только зарегистрированный брак. В ТуркССР допускается изъятие для фактических браков коренного населения, заключенных до издания Кодекса.

Г) **Срок алиментирования разведенных нетрудоспособных супругов.**

В РСФСР, АзССР, БССР не более 1 года после развода при нетрудоспособности и 6 месяцев (в БССР 9 мес.) при безработице; в Грузии — 3 года при нетрудоспособности, если она возникла до развода или в связи с браком и 1 год при безработице; в УзССР и ТаджССР соответственно 3 г. и 6 мес. (без указания условий возникновения нетрудоспособности); в ТуркССР 1 год при нетрудоспособности, если она возникла до развода и в остальных случаях при наличии условий 403 ст. ГК; в УССР — без срока, если нетрудоспособность возникла до развода или в течение 1 года со дня развода и 1 год при безработице. Вступление алиментируемого в новый брак эту обязанность естественно прекращает.

Д) **Процедура оформления разводов при одностороннем заявлении** (процедура имеет большое значение для своевременного разрешения алиментных отношений).

В РСФСР, УзССР, ТаджССР, ТуркССР, АзССР и ССРГ при одностороннем разводе вызова другой стороны не требуется, в УССР и БССР этот вызов обязателен (если адрес другого супруга неизвестен, производится публикация в газетах).

Е) В УССР кроме обычного обеспечения алиментного иска, допускается присуждение временных выплат на содержание детей и другого супруга до разрешения иска по существу.

В РСФСР и других республиках такие присуждения допускаются лишь при отсутствии соглашения при разводе (ст. 24 кодекса РСФСР) и притом в пользу детей (в ТуркССР также в пользу жены).

Ж) В РСФСР и ТуркССР загс, в случае недостижения соглашения супругов при разводе, обязан передать вопрос на рассмотрение суда. В других республиках это законом не обеспечено.

З) **Ответственность крестьянского двора по алиментным обязательствам члена двора.**

В РСФСР двор отвечает безусловно и в первую очередь наравне с должником, в УССР — во вторую очередь, если не хватает личного имущества должника, в БССР — отвечает только личное имущество должника и его доля в общем имуществе, то же в ССРГ (но только денежные доходы и продукты, без права принудительного выдела). В кодексе ТССР предусмотрен порядок взыскания с колхозника: сначала необобществленное имущество колхозника, а если его недостаточно, то доход от трудодней.

И) **Ответственность наследников.** По кодексу РСФСР наследники отвечают солидарно в пределах полученного наследства. В УССР и ряде других республик специальной статьи по этому предмету нет, хотя общую ответственность наследников и в этом случае можно выводить из постановлений ГК.

К) **Меры обеспечения в отношении строений и права застройки должника.**

В БССР суд обязан запретить продажу этого имущества, если должник не представит другого достаточного обеспечения, в РСФСР воспрещается по закону отчуждение этих прав без согласия лица, получающего алименты, либо его законного представителя или внесения достаточного обеспечения.

(закон 1928 г. СУ, № 68, ст. 487).

Л) Уголовная санкция для злостных неплательщиков алиментов в РСФСР — 6 мес. лишения свободы (принудработ) или штраф до 300 руб., то же БССР, ССРГ, АзССР, ССРА, в ТуркССР до 2 лет лишения свободы, в УзССР до 3 лет лишения свободы, принудработ до 1 года или штраф до 500 руб., в ТаджССР до 2 лет лишения свободы, до 1 г. принудработ или штраф до 500 руб., в УССР до 5 лет лишения свободы.

М) В кодексах республик имеется и ряд других различий общего порядка, например, в отношении брачного возраста и обеспечения здоровья вступающих в брак (в АзССР, например, брачующиеся должны представить медицинское свидетельство об отсутствии у них венерических заболеваний, проказы и туберкулеза в заразной форме), но эти вопросы непосредственного отношения к теме не имеют. Кодекс ССРА 1927 г. не цитируется, так как у докладчика не было данных об его изменениях. По тексту же 1927 г. он очень близок к кодексу РСФСР, кроме правил о записи отцовства и крестьянском дворе.

Лишь в очень редких случаях приведенные различия можно объяснить особенностями жизни и быта союзных республик. В подавляющем большинстве они ничем оправданы быть не могут. Между тем, для трудящихся они представляют большие неудобства. Переезды с развитием индустриализации страны учащаются. Братство народов СССР укрепляется с каждым днем, социалистический быт республик становится в основном все более схожим. Отдельные различия иногда больно бьют заинтересованных лиц. На этих различиях начинают спекулировать. В судах были уже, например, случаи, когда супруг, который обязан был содержать свою разведенную нетрудоспособную жену на Украине без срока или в Грузии на срок до 3 лет, требовал при переезде в РСФСР снятия с него этой обязанности за истечением годичного срока.

Все это настоятельно выдвигает вопрос об унификации семейного права республики, по крайней мере, во всем основном. Практика алиментных дел выдвигает, кроме того, ряд новых предложений по улучшению отдельных постановлений нашего закона и его дополнению.

Предложения докладчика приводятся ниже.

Переходя к анализу судебной практики по алиментным делам, докладчик прежде всего отметил, что из всех гражданских дел едва ли не самыми простыми и доступными для нарсуда являются именно алиментные дела. Они не требуют обычно никакой особой подготовки или специальных знаний. Достаточно, чтобы нарсудья думал по совести и умел разбираться в простых жизненных обстоятельствах. Родственные связи и имущественное положение сторон устанавливаются обычно чрезвычайно просто — справками из соответствующих учреждений и организаций (загса, предприятия, колхоза и др.). Трудности представляют лишь иски об отцовстве ввиду необходимости выяснить интимные отношения сторон обычно на основании очень косвенных либо недостаточных доказательств, и разве еще иски об отобрании детей, требующие особенно внимательного и полного обследования. Но иски последней категории составляют по краям и областям буквально единицы. Что касается исков об отцовстве, составляющихся по областям, подсчитавшим эти дела от 5½ до 17½%, в среднем вероятно около 10%, то здесь нам необходимо предъявить счет к медико-биологическим наукам. К сожалению они не дали нам до сих пор ни одного надежного метода для установления происхождения (анализ крови, сходство внутреннего и внешнего строения, дактилография и пр.). При таких условиях нарсуды, упираясь в отсутствие других доказательств, прибегают иногда к таким несерьезным приемам, как назначение комиссии из публики для установления сходства ребенка с ответчиком (нарсудья г. Энгельса) или установление сходства самим судом, да еще по фотографической карточке (Орехово-Зуевский район, нарсуд 97 уч.). Не получает наш суд зачастую должной помощи от медиков и при разрешении вопросов о неспособности ответчика к зачатию и о возможных колебаниях длительности беременности, каковые вопросы нередко встают при разрешении дел об отцовстве. В остальном эти дела разрешаются, главным образом, на основании показаний сторон и свидетелей, обычно противоречивых (сторон) и часто недостаточных и косвенных (свидетелей). Очевидно, для правильного разрешения этих дел необходимо выслушивать обязательно обе стороны, умело разбираться в обстоятельствах дела и умело их фиксировать в протоколах и решениях. С первым и третьим у нас обстоит очень неважно; что касается второго — оценки доказательств, правильности разрешения дела по существу, то практика свидетельствует, что при соблюдении судом элементарных правил процесса решения нарсуда отменяются очень редко и жалоб в таких случаях бывает немного. В житейской стороне дела нарсуды разбираются хорошо.

Дела об отцовстве и отобрании детей, как правило, являются в то же время и делами об алиментах.

По субъектам алиментные дела можно разбить на 2 категории — иски в пользу детей и иски в пользу нетрудоспособных нуждающихся родителей, супругов и других взрослых. Иски в пользу детей составляют по областям от 76 до 97% (включая иски об отцовстве и об увеличении алиментов). Процент исков родителей и других родственников резко колеблется по областям, составляя от 12 до 18% всех алиментных дел. Чем объясняются такие резкие колебания, пока неясно. Возможны досадные «шутки» статистики. Но в некоторых случаях такие колебания находятся в очевидной связи с законодательством. Например, исков в пользу разведенных нетрудоспособных супругов в УССР в 3—5 раз больше, чем в РСФСР. Число исков ответчиков об уменьшении размера алиментов очень невелико. Как же разрешаются эти дела? Не взирая на отмеченную выше простоту этих дел, с разрешением их и в особенности исполнением решений все еще обстоит плохо.

Докладчик указывает на следующие важнейшие недостатки:

1. Суды все еще не учли в достаточной мере «публично-правового» характера этих дел. Все еще наблюдаются частые случаи «самотека». Дела часто не подготовляются, собирание доказательств и розыск ответчика предоставляются сторонам, мировые сделки и прекращения дел не проверяются и т. д.

2. Особенно недопустимо, что суды, как правило, не использовывают тех очень серьезных средств, которые им предоставляет закон для быстрого и правильного решения алиментных дел — иски не обеспечиваются, ст. 24 Кодекса о браке, семье и опеке РСФСР (и соотв. ст. Кодекса других союзных республик), и также ст. 214 ГПК УССР о временном присуждении до разрешения дела почти не использовываются, о предварительном (немедленном) исполнении часто забывается, совершенно не применяются штрафы по ст. 52 и 143 за невысылку в срок затребованных документов, справок и пр. Почти не применяется и ст. 101 ГПК о приводах.

Такая беззубость нарсуда подрывает его авторитет, грубо нарушает интересы детей и других нетрудоспособных, поощряет уклонение ответчиков от суда и исполнения и плодит волокиту.

3. Не использовывая законных средств для ускорения дел и взыскания, нарсуд в то же время часто «гонит» дела в ущерб законных процессуальных прав ответчика, допуская безобразное «упрощенчество» процесса, не проверяя вручение повестки ответчику, а иногда не посылая ее вовсе, не проверяя существенных для дела заявлений сторон и пр. Достаточно указать в качестве безобразных иллюстраций этого рода на то, что по обследованию в Крымской АССР, например, в нарсудах Ялтинского района было разрешено заочно для ответчика при отсутствии сведений о вручении ему повестки 43%, в Ленинском—50%, в Бахчисарайском 55%, в Западной области—от 50 до 70% дел и т. д. При повышении строгости кассколлегии к таким нарушениям, они не «ускоряют» дела, а лишь создают волокиту, так как по жалобам ответчиков такие решения отменяются и дела рассматриваются сызнова. Кроме того, такой метод разрешения дел резко снижает воспитательный эффект от работы суда.

4. Нарсуды не фиксируют необходимых данных для точного установления личности ответчика (полное имя, год рождения, постоянное местожительство, национальность, основная профессия и пр.), что ведет за собой нередко ошибки (взыскивают с одного Андреева а надо с другого) и облегчает действитель-

ным ответчикам возможность укрываться от платежей, а таких укрывающихся должников по алиментам по делам судисполнителей до 10—22%.

5. Обследование фактических обстоятельств дела производится нарсудами недостаточно полно, оформление протоколов и решений еще хуже. При установлении размера алиментов, в частности, не всегда выясняется имущественное и семейное положение сторон, отсутствуют необходимые справки, допускается еще иногда, хотя уже и редко совершенно несерьезное присуждение в размере 5—10 руб. в месяц и пр. Наряду с «гонкой» дел нередки и случаи прямой волокиты.

6. Особенно плохо обстоит с исполнением решений. Судебные исполнители зачастую ограничиваются передачей исполнительного листа 3-му лицу по месту работы ответчика и в дальнейшем удерживаний из заработка ответчика не контролируют, скрывающихся ответчиков не розыскивают, прекращая в таких случаях дела и пр. Штрафы по ст. 295 ГПК применяются очень редко, ст. 291 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК др. союзных республик об ответственности третьих лиц не применяются вовсе. Отметки в трудовых документах не делаются.

7. Громадным недостатком нарсуда и судебных исполнителей является то, что они не опираются в своей работе в должной мере на общественность. Между тем последняя может и должна оказывать суду и исполнителю очень серьезную помощь, в особенности, по собиранию доказательств, розыску ответчиков и проверке исполнения в предприятиях, учреждениях и колхозах. Там, где мобилизовали общественность, например, в Каневском районе Азово-Черноморского края, она не только помогла органам суда, но и выявила лиц, имевших право на алименты, и помогала им предъявлять иски. Привлечение общественности значительно повышает воспитательную роль судебной работы и усиливает контроль над этой работой.

8. Злостные неплательщики привлекаются к ответственности недостаточно, судьи даже в ясных случаях передают дела на предварительное рассмотрение в прокуратуру или милицию, где дела часто волокитятся.

9. Краевые и областные и их гражданские коллегии до сих пор не развернули в необходимом объеме необходимого инструктажа, руководства и контроля за работой нарсудов. Определения еще нередко мотивируются недостаточно, либо не мотивируются вовсе, к грубым дефектам нарсуда проявляется примиренческое отношение, индивидуальное изучение отдельных нарсудов не обеспечено.

Особенно недопустимо, что во многих судах слушании дела в кассинстанции стороны до их пор не извещаются повестками или объявлением под расписку, не взирая на постановление 53 пленума Верхсуда СССР и его директивное письмо от 5 марта 1936 г.

Между тем процент обжалования по алиментным делам несколько выше среднего, и дела ги требуют к себе особенно внимательного тношения.

10. Родственные и смежные организации не казывают суду достаточной помощи. Прокуатура в алиментных делах почти не участвует, милиция очень неохотно и слабо помогает в розыске укрывающихся, органы охраны материнства и младенчества и органы опеки не поддерживают с нарсудом необходимой связи и очень редко участвуют в процессах. Органы загса часто не проявляют необходимой активности и не передают, вопреки закону, дел в суд в случаях недостижения между сторонами соглашения о содержании детей при разводе.

По своему докладу тов. Рейхель внес следующие предложения:

А. Поставить перед директором института вопрос об организации в секции статистики института изучение статистики по гражданским делам.

Б. Поставить перед Верхсудом и Прокуратурой Союза ССР вопрос об издании общесоюзной директивы (через законодательные органы) об установлении во всех союзных республиках следующих единообразных норм:

а) обязательного вызова загсом другого супруга при одностороннем заявлении о разводе (по типу УССР),

б) об единообразном порядке записи отцовства по заявлению матери — по типу РСФСР,

в) если соглашение между разводящимися супругами о содержании детей не состоялось, загс немедленно передает вопрос на разрешение нарсуда (подачи искового заявления какой-либо из сторон не требуется),

г) об единообразном круге лиц, обязанных алиментами (по типу РСФСР),

д) об условиях и сроке, в течение которого супруг обязан оказывать материальную помощь другому нетрудоспособному, неимущему супругу при разводе (по типу Украины или Грузии).

е) о предоставлении судам права по искам об алиментах в пользу детей к одному из родителей определить немедленно, не ожидая решения по существу дела, временное содержание с ответчика во всех случаях, когда дело не связано с установлением отцовства,

ж) о предоставлении кассинстанциям, при направлении решений по алиментным делам на пересмотр, постановлять о продолжении взысканий по этим решениям полностью или частью, если полное освобождение ответчика от обязанности платить алименты представляется маловероятным,

з) о начислении пени на просроченные по вине должника алиментные платежи в размере 0,1% в сутки,

и) о предоставлении нарсудам права налагать штрафы до 100 руб. на лиц, виновных в неудержании из зарплаты алиментных платежей или непередаче по назначению либо несообщении органам взыскания об уходе должника с работы (расширить ст. 295 ГПК),

к) о предоставлении права предъявлять алиментные иски органам охраны материнства и детства и профсоюзам,

л) о единообразных санкциях в отношении злостных неплательщиков алиментов (по типу УзССР),

м) о предоставлении судам в случае необходимости постановлять об удержании по алиментам до 65% из зарплаты должника,

н) об образовании фонда помощи истицам при предъявлении исков впредь до их реализации,

о) о вписании отметок в паспорта алиментщиков о присужденных с них алиментах,

п) об удержании с этих лиц учреждениями и предприятиями, где они работают, алимент-

ных платежей по этим отметкам, если алиментщик не представит доказательств их уплаты или освобождения от них,

р) об обязании как места работы, так и органов прописки, немедленно извещать подлежащего судебного исполнителя о месте жительства указанных лиц и

с) об обязании органов милиции по требованию нарсуда и судебного исполнителя разыскивать лиц, обязанных алиментами.

В. Просить Верхсуд и Прокуратуру Союза ССР об издании инструктивных писем по производству алиментных дел в целях устранения отмеченных недостатков.

Г. Поставить в ближайшее время на группе доклады о медико-биологических и антропологических методах установления отцовства (кровь, дактилоскопия, сходство и пр.).

По докладу возникли оживленные прения. Отмечая важность и актуальность поднятых докладчиком вопросов и присоединяясь в основном к его выводам и предложениям, выступавшие отметили в своих выступлениях следующее:

Тов. **Бепинсон** считает, что упрек, брошенный докладчиком органам охраны материнства, слишком жесток. Органы охматмлада Московской области настойчиво просили, чтобы судьи вызывали их для участия в делах, но не все судьи на это откликаются. Органы охматмлада по своей инициативе стали производить проверку исполнения по алиментным делам на заводах и фабриках и вскрыли там немало неполадок. Тов. Бепиксон очень приветствует предложение докладчика о расширительном применении ст. 24 Кодекса о браке и семье. Охматмлад давно этого добивается, но безуспешно. 10-дневный срок слишком давит на суд. Суды, боясь его пропустить, иногда оставляют дела незаведенными. Суды часто «просят» тогда, когда вправе требовать. При привлечении ответчиков по ст. 158 УК мы помогаем матерям на основании инструкции ВЦСПС о помощи одиноким матерям. По нашим данным цифра разводов также сократилась. Нельзя считать, что семья у нас расшатывается. Фактических браков по нашему обследованию в Москве около 15%, остальные зарегистрированы.

Тов. **Домбровский** высказывает мысль, что в настоящее время следует поставить вопрос о целесообразности дальнейшего узаконения фактического брака. Последний иногда ведет к двоеженству и даже к многоженству. Такие тенденции проникают иногда в судебную практику. Затем необходимо поставить вопрос о борьбе с легкомысленными, односторонними разводами. Не целесообразнее ли разводы передать вновь судам? Такой порядок сделал бы их более серьезными и лучше обеспечил бы интересы детей. В отношении алиментирования разведенных супругов нужно взять среднюю линию между законом РСФСР и УССР. Не следует опасаться возврата в некоторых отношениях к Кодексу 1918 г.

При применении ст. 158 УК тов. Домбровский считает неправильным перелагать тяжесть содержания на государство. Неплохо, если суд применяет условное осуждение, под условием покрытия задолженности. Это часто дает хороший результат. Когда ответчик уже сидит, надо шире применять условно-досрочное осуждение.

Тов. **Клячко** настаивает на том, чтобы при разводе разведенной безработной жене муж обязан был оказывать помощь в течение 6 месяцев, так как хотя у нас и нет безработицы, но женщине, не имеющей профессии, нужно дать еще квалификацию. Далее, тов. Клячко отмечает, что некоторые республики в защите женщины пошли дальше РСФСР. Необходимо ввести изменения и в законодательство РСФСР. Ст. 158 УК надо применять более решительно. Для правильного установления размера алиментов нужно требовать справки о всех видах заработка ответчика. Присуждать надо в соответствии с возможностями ответчика и необходимостью дать ребенку возможно лучшее воспитание, не считаясь с каким-то лимитом в 200 руб., которого придерживаются некоторые суды. Загсы плохо производят запись отцовства и очень плохо вручают извещения отцам. Нужно обеспечить строгое проведение в жизнь ст.ст. 28 и 29 Кодекса. При разводе нужно, чтобы загс давал женщине все необходимые разъяснения.

Тов. **Вульфсон.** Вопрос об унификации семейного законодательства республик вполне назрел. От 5 укладов мы перешли к одному социалистическому укладу на территории всего Союза. Вопрос о Семейном кодексе в СССР надо поставить примерно так, как стоял вопрос в отношении ГК союзных и автономных республик. Совершенно непонятно, почему в АзССР для брака необходимо отсутствие таких болезней, как туберкулез, проказы и пр., а в других республиках они не являются препятствием для брака. В законодательстве АзССР заинтересованы не только жители Азербайджана, но и жители Москвы. Тов. Домбровский поднял очень важные вопросы, но правильно ли он ставит, нужно ли укреплять семью непризнанием фактического брака, как предлагает тов. Домбровский. Допущение фактического брака совсем не значит допущение двоеженства. Позиция Верхсуда СССР в этом отношении совершенно правильна. Нецелесообразно также бороться с нарушением брака уголовными репрессиями. Неясно, зачем надо передавать разводы, как предлагает тов. Домбровский, в суд? Разве мы ставим вопрос об ограничении разводов? Нужно, чтобы загсы лучше работали. Распространительное толкование ст. 24 ничего серьезного не даст. Достаточно обеспечить иск. Участие работников охматмлада в суде слабое. По вопросам воспитания дают заключение социальные сестры, но они не авторитетны. Объективных доказательств наука дать пока не может, приходится рассчитывать на чутье судьи. Ст. 29 вполне обеспечивает интересы матери; надо, чтобы загсы ее правильно применяли.

Тов. **Тадевосян** отмечает, что доклад и прения напоминают те прения, которые велись при обсуждении Кодекса 1926 г. и доклада тов. Нюриной осенью 1935 г. Поставленные вопросы должны живо интересовать всех прокурорско-судебных работников. К сожалению в зале нет ни одного нарсудьи и работника из горпрокуратуры. Тов. Тадевосян согласен с тем, что движение алиментных дел не означает неустойчивости нашей советской семьи, но думает, что докладчик взял слишком успокоительный тон. Есть из чего волноваться. Нам надо высоко поднять воспитательную работу суда, надо поставить дело так, чтобы жулики

и негодяи не нарушали советского закона, направленного в защиту матери и ребенка, но ряд сделанных предложений нельзя принять. Перенесение разводов в суд ничего не даст. Отметки в паспортах можно делать только в случае присуждения алиментов, а не во всех случаях развода. Не нужно также требовать обязательной явки другой стороны. Жуликов так все равно не ущемишь. Едва ли также есть надобность предоставить право иска органам охматмлада. Они могут и должны действовать через мать или опеку. Устанавливать лимит размера алиментов, к чему склонны, по словам докладчика, некоторые суды, неправильно. Нужно присуждать то, что необходимо для нормального воспитания ребенка. Докладчик не дал перспектив законодательства, это сделал тов. Домбровский, который готов, однако, устранить чуть ли не все нововведения Кодекса 1926 г. С этим согласиться нельзя. Постановление ЦИК и СНК СССР от 31 мая 1935 г., предоставившее право органам НКПроса помещать детей в детдома за счет родителей, не выполняется. Необходимо этот декрет проводить.

Тов. **Лаговиер** полагает, что докладчику следовало хотя бы кратко осветить положение за границей, в особенности в фашистских странах, чтобы еще раз показать пропасть между страной гниющего капитализма и растущей Страной Советов. Причины роста алиментных дел в докладе проанализированы недостаточно. Нужно было проанализировать их в разрезе тех изменений, которые происходят в результате успешного осуществления 2-й пятилетки, и в свете борьбы с пережитками капитализма. Тов. Домбровский поднял ряд крупных вопросов, но основное сейчас не в изменениях закона, а в том, чтобы добиться его выполнения. Нужно обеспечить самое внимательное рассмотрение алиментных дел, усилить воспитательную работу суда, проводить больше дел на предприятиях, мобилизовать общественность, привлечь к участию прокуратуру в первую очередь по делам отцовства. Институту следует изучить дела об отобрании детей.

Тов. **Ястржемский** отмечает неудовлетворительное состояние нашей статистики по гражданским делам: 52% всех дел не расшифровываются вовсе и относятся к категории «прочих». Нужно поставить статистику на научные рельсы. Рост алиментных дел объясняется не развалом и упадком семьи, а тем, что взыскание стало реальным. В практике много еще неупорядоченных вопросов. Например, вопрос о вкладах и страховом вознаграждении; интересы детей в этих случаях часто обходятся. Недавно был случай: умер летчик, застрахованный в 10 000 руб. в пользу второй жены. Остался ребенок от первой. Суд присудил часть денег ребенку. Слишком высока также пошлина. Необходимо ее уменьшить.

Тов. **Борисов** отмечает, что доклад соответствует заданию, полностью отразил тему и проработан удачно. При напечатании его можно будет развить и пополнить. Достижения последнего времени, создав полную экономическую независимость женщины, создали предпосылки для действительно свободного брака. Но свобода не должна превращаться в свою противоположность и приводить к ущемлению интересов другой и притом более слабой стороны. С этой точки зрения намечается ряд предложении. Унификация семейного права республик совершенно необходима. Не должно быть законности московской или бакинской. Почему в УССР интересы разведенной жены охраняются лучше, а в РСФСР хуже? Совершенно непонятно, чем это вызвано. Законодательство надо унифицировать. Кодекс 1926 г. в ряде положений уже не соответствует установкам сегодняшнего дня. Развод у нас свободный, но он не должен опошляться. Он должен быть поставлен серьезно. Нельзя разводиться так, что другая сторона об этом не знает. Бывает так, что сегодня жена развелась, а завтра приходит и просит запись уничтожить: «я хотела только напугать, сыграть шутку». Если обе стороны будут являться, к разводу будут относиться гораздо серьезнее. Кроме того развод связан с рядом правовых последствий, по которым часто нужно решение суда. Нужно развод передать в суд. Затем вопрос о регистрации брака. Кому может помешать такая регистрация? Только жулику, который боится материальных последствий брака. Неужели регистрация может в чем-либо нарушить свободу брака? Конечно, нет. Тут «левацкий» уклон, который надо устранить. Регистрация брака является бесспорным доказательством в делах об алиментах и имеет большое значение в практической жизни. Нужно ее сделать обязательной. Разведенного супруга другая сторона должна поддержать до получения им работы или восстановления работоспособности. Кодекс РСФСР надо соответственно изменить. Касаясь разрешения алиментных дел, тов. Борисов согласен, что в делах об отцовстве у нас нет обычно твердых, объективных доказательств, преобладают доказательства косвенные, но революционный инстинкт и внутреннее убеждение судьи дают возможность разрешать эти дела в общем правильно. По вопросу о размере алиментов неправильно ограничиваться присуждением ребенку только необходимого. Ребенок на стороне должен жить так, как если бы он жил у родителей. Он должен учиться музыке, если родители могут нести на это расходы, и т. д. Очень серьезный вопрос — вопрос об исполнении. Комиссия советского контроля недавно обследовала этот участок работы и признала его совершенно неудовлетворительным. 78—80% исполнительных листов судебные исполнители направляют в предприятия и исполнение не контролируют. Общественность не привлекается. Надо этим делом заняться самым серьезным образом.

В своем заключительном слове тов. Рейхель указал, что прения развернулись шире доклада, и это свидетельствует о том, насколько актуален у нас сейчас «семейный» вопрос. Кодекс о браке, семье и опеке не устарел так, как другие кодексы, в особенности гражданский, но нуждается, конечно, в изменениях. Тов. Домбровский и тов. Борисов подняли очень важные вопросы об обязательности регистрации брака и передаче разводов в суд. Докладчик с обязательностью регистрации брака вполне согласен, но думает, что сейчас недостаточно аргументировать только общими соображениями, а следовало бы изучить более серьезно практику фактического брака. Институту следует этим вопросом заняться. Передача разводов в суд целесообразна в тех случаях, когда у супругов есть дети.

Констатируя, что выводы и предложения доклада в общем не встретили больших возражений, докладчик вновь подчеркивает важность и ответственность работы, возложенной в этом деле на суд, и то, что работаем мы к сожалению еще плохо, что ни о какой самоуспокоенности не может быть и речи. Анализ причин роста алиментных дел в докладе, конечно, недостаточный и носит предварительный характер. Над алиментными делами надо еще долго и серьезно работать. К ряду затронутых вопросов секция еще вернется.

Защита мира и уголовный закон

На соединенном заседании Института уголовной политикии и Института совстроительства и права Академии наук, был заслушан доклад проф. А. Н. Трайнина на тему «Защита мира и уголовный закон».

Глубочайшие противоречия двух систем, — сказал докладчик, — капиталистической и социалистической, находят свое выражение вовне, в двух процессах: подготовке войны и борьбе за мир. На двух противоположных социальных полюсах расположились силы, неустанно действующие в обоих указанных направлениях.

В странах фашизма все ухудшающаяся хозяйственная конъюнктура, ненависть рабочих и разочарование мелкой буржуазии с каждым днем увеличивают опасность революционных взрывов. Фашизм пытается спастись от собственного народа путем провокации войны с другими народами. Проповедь мессианской роли «избранного» племени, призванного спасти европейскую цивилизацию,—только идеологическое прикрытие этого движения. Фашизм был и остается рассадником военных конфликтов. Фашизм — это война, война сегодняшнего и завтрашнего дня.

На противоположном полюсе — страна Советов, всемерно занятая мирным строительством. Уголь, металл, трактор, хлеб, школа — лучшие показатели ее достижений и лучшее орудие ее политики. Оттого каждый день и каждый час мирного существования Советского союза — новый шаг к победе коммунизма. Оттого — «борьба за мир — это лучшее коммунистическое дело». Оттого «дело мира и дело защиты Советского союза становятся одним и тем же делом, и не найдется ни одного честного рабочего, который отказался бы бороться за него» [1].

В упорной борьбе за «лучшее коммунистическое дело в нашу эпоху», в борьбе за мир не может и не должно оставаться в пренебрежении ни одно средство. Уголовный закон, особенно в условиях оживляющейся правотворческой деятельности Лиги наций, может сыграть свою роль в системе средств, направленных к защите мира. Еще в 1927 г. советская делегация, выступая с планом роспуска всего личного состава сухопутных, морских и воздушных вооруженных сил, с планом уничтожения всех находящихся как в войсках, так и на складах военных и общего назначения оружия, боевых припасов и рядом других предложений, направленных к действительному всеобщему разоружению, в пункте «Н» специально предусматривала: «издание законов, рассматривающих нарушение какого-либо из вышеперечисленных условий, как тягчайшее государственное преступление». Таким образом еще в 1927 году наша дипломатия придавала определенное значение уголовному закону в системе мер, направленных к охране мира. За истекшие девять лет для разрешения этой уголовно-правовой задачи ничего не сделано. Этот пробел должен быть пополнен.

Это тем более необходимо, что в буржуазной литературе делаются попытки — вместо реального использования орудия уголовного закона для защиты мира — искусственной **механической криминализации** сложных политических и правовых процессов — попытки, способные только повредить делу мира. В чем выражаются эти попытки?

Как известно, ст. 16 статута Лиги наций предусматривает санкции против агрессора. В 1935 году впервые за все годы существования Лиги (статут Лиги наций был принят в 1919 году и вошел в общую систему Версальского договора) были сделаны попытки применения ст. 16 в войне Боливия—Парагвай и Италия—Абиссиния. Ряд теоретиков (Кунц, Борниа, Кон и др.) отстаивают положение, что санкции, осуществляемые Лигой наций в порядке ст. 16, являются уголовно-правовыми санкциями — наказанием за совершенное преступление. Ст. 16, говорит например Брюк, является «уголовным кодексом» Лиги.

Признание за теми или иными санкциями уголовного характера, если проявить элементарную теоретическую последовательность, неизбежно связано с рядом серьезных выводов.

В области уголовного правосудия центральная проблема — проблема вины и ответственности. Уголовный закон — таков общепризнанный принцип уголовного правосудия — карает виновных. Какова судьба этого принципа применительно к ст. 16 пакта Лиги?

Те экономические санкции, которые были осуществлены Лигой наций в отношении Италии, распространялись на все итальянское население. Разнородное по своему классовому составу, разнородное по многим иным признакам, это население, естественно, далеко неоднородно и по своему отношению к итальянской агрессии. Бесспорно, весьма значительные слои итальянского народа были настроены против войны. Бесспорно, некоторые круги активно противодействовали войне. Санкции примененные в порядке ст. 16 пакта Лиги, на учете этих различий не строились и строиться не могли. Это, следовательно, были совершенно единственные в праве случаи, когда «уголовные» санкции применялись не к лицам, преступление совершившим, а, напротив, к лицам преступлению противодействующим, при этом применялись не по ошибке, неведению или в результате спешной карательной расправы, напротив, чрезвычайно обдуманно и планомерно органами самой авторитетной международной организации — Лиги наций.

Таким образом, санкции Лиги наций против агрессора, это ценное орудие Лиги в борьбе за систему коллективной безопасности, в борьбе за мир, санкции Лиги наций, которые миллионами друзей мира были встречены с полным одобрением, — эти санкции в механич

---

[1] Эрколи, Речь на VII Конгрессе Коминтерна.

ском переводе на язык уголовного правосудия неожиданно оказываются мерами, порождающими невинных, т. е. подорванными в своей социальной и моральной основе.

Далее, опыт применения санкций против Италии, позднее сложные и острые переговоры, связанные с проблемой санкций в отношении нарушившей Локарнское соглашение Германии, убедительно и ярко показали, что приведение в действие аппарата ст. 16 устава Лиги наций представляет собой чрезвычайно сложный политический процесс.

Попытки криминализации этого процесса, попытки механически втиснуть сложный клубок дипломатических диверсий, наступлений и отступлений, развертывающихся на основах пакта Лиги, в русло уголовного правосудия искажают действительность, искажают повседневную и острую борьбу интересов и сил, определяющих всю деятельность Лиги и в частности и в особенности обращение Лиги к помощи ст. 16.

Криминализация, однако, не исчерпывается этой отрицательной ролью. Под покровом уголовно-правовой формы она выполняет и важную «положительную» функцию, направленную к ослаблению всей системы санкций, предусмотренных Лигой и служащих делу мира. Для того, чтобы стала ясной эта «положительная» работа криминализаторов, необходимо учесть следующее.

С момента подписания пакта Лиги и до настоящего времени идет оживленная дипломатическая дискуссия вокруг центральной нормы пакта,—ст. 16. Эта дискуссия развивается в двух направлениях.

Одни государства, заинтересованные в системе коллективной безопасности, ищут путей к укреплению позиций ст. 16. Лучшей иллюстрацией этого положения могут служить региональные договоры о взаимной помощи, подписанные Советским союзом в мае 1935 года с Францией и Чехословакией. Действительно, ст. 3 этих договоров, развивая положения ст. 16, устанавливает: «принимая во внимание, что согласно ст. 16 устава Лиги наций каждый член Лиги, прибегающий к войне вопреки обязательствам, принятым в ст. 12, 13 или 15 устава, тем самым рассматривается как совершивший акт войны против всех других членов Лиги, — СССР и взаимно Франция обязуются в случае, если одна из них явится в этих условиях, и несмотря на искренние мирные намерения обеих сторон, предметом невызванного нападения со стороны какого-либо европейского государства, оказать друг другу помощь, действуя применительно к ст. 16 устава». Присоединенный к договору о взаимной помощи протокол его подписания в пункте 1 предусматривает помощь взаимную в тех случаях, когда по каким-либо причинам санкции ст. 16 в общем порядке оказались не примененными».

Таким образом, направленные к реальному укреплению дела мира региональные пакты о взаимной помощи идут к этой цели путем развития и усиления ст. 16.

В противовес этим попыткам сторонников мира державы, готовящие войну, стремятся, напротив, всемерно ослабить значение ст. 16. Острие критики потенциальных агрессоров, стремящихся заблаговременно обезвредить или ослабить действие ст. 16, направляется в первую очередь против ее так называемого автоматизма. Этот автоматизм выражен в первых строках ст. 16: «если член Лиги прибегает к войне вопреки обязательствам, принятым в ст. 12, 13 или 15, то он уже в силу одного этого факта ipso facto рассматривается как совершивший акт войны против всех других членов Лиги». Таким образом, согласно точному смыслу ст. 16 вслед за агрессией автоматически возникает для государства членов Лиги обязанность «немедленно порвать с ним все торговые или финансовые отношения». Поэтому созданный советом Лиги «Координационный комитет» для применения санкций против Италии явился действительно комитетом по координации действий отдельных стран, обязанных применять санкции не в силу постановлений этого комитета, а в силу ст. 16 как прямой ответ на итальянскую агрессию.

Против этого автоматического наступления санкций, предусмотренного ст. 16 пакта, Германия по сведениям печати, возражала и в своих последних апрельских дипломатических встречах в Лондоне, выдвигая требование отказа от автоматизма ст. 16, как предварительное условие возвращения Германии в Лигу наций.

Криминализация санкций, применяемых Лигой наций,—и это необходимо со всей ясностью вскрыть и подчеркнуть,—не остается нейтральной к этой борьбе вокруг ст. 16: она играет в ней значительную и совершенно определенную роль, явно склоняющуюся к ослаблению ст. 16 и, следовательно, к подрыву системы коллективной безопасности.

Действительно, всякого рода уголовно-судебная деятельность неизменно проходит три стадии: расследование события преступления, его квалификацию и, наконец, применение санкций. Эти процессы могут быть разной длительности и неодинаково организованы, но вне их нет уголовного процесса. Автоматизм же, предусмотренный ст. 16, как было отмечено выше, предполагает, напротив, немедленную и непосредственную реакцию членов Лиги в ответ на военную агрессию. Поэтому автоматизм санкций и уголовная юстиция не совместимы. Отсюда совершенно ясно, что криминализация лиго-национных санкций неразрывно связана с требованием промежуточных инстанций по исследованию, квалификации и применению санкций, т. е. связано с удлинением и осложнением пути, отделяющего санкции от агрессии. Таким образом, криминализация на деле ведет к ослаблению роли ст. 16, ведет в конечном счете к позициям германского фашизма.

Чрезвычайно поучительно, что «открыв» постановления о преступлении и наказании в пакте Лиги наций, буржуазные теоретики легко пренебрегают другой важной стороной проблемы: ролью национального законодательства в борьбе за мир.

Уголовный закон по господствующей и усиленно пропагандируемой буржуазными криминалистами теории призван защищать так называемые «общие блага» — жизнь, свободу, имущество граждан.

«Главная задача уголовного права, — писал недавно, в 1930 году, в докладе Парижскому пенитенционарному конгрессу английский профессор Sayre, — не в том, чтобы регулировать индивидуальные права, а в том, чтобы оградить публичную безопасность и интересы общества.

Среди общественных «благ», подлежащих охране уголовного закона, казалось бы, наиболее ценным является мир: что могут, например, значить цифры убийств,прошедших перед уголовным судом, по сравнению с неисчислимыми жертвами убитых на войне? Казалось бы, поэтому, что «высокие общественные и государственные интересы», а тем более интересы «публичной безопасности» должны были побудить законодателя уделить в уголовных кодексах особое внимание охране мира. В действительности можно отметить обратное.

Во всех капиталистических странах действуют специальные военно-уголовные кодексы, ограждающие от посягательств и смуты оплот диктатуры имущих — армию. И, несмотря на существование этих специальных военных кодексов, нет ни одного общегражданского уголовного кодекса, который в свою очередь так же не содержал бы дополнительных постановлений о посягательствах против армии и военной мощи государств; и вместе с тем нет ни одного кодекса, в котором нашло бы реальную защиту дело мира. В этом — яркое проявление классовой природы современного уголовного законодательства, ограждающего не мир, необходимый миллионам трудящихся, а тыл и фронт воинствующего империализма.

Между тем имеется ряд серьезных деликтов, посягающих на величайшую социальную ценность,—мир, деликтов,—о которых почти нет упоминаний в национальном законодательстве. Сюда относятся такие преступления, как пропаганда агрессии, поддержка вооруженных банд, направленных против другого государства, распространение фальшивых документов с целью подрыва другого государства, нарушение иммунитета дипломатических представителей, терроризм и др. В декабре 1934 года после марсельского убийства Лигой наций было одобрено предложение Франции, поддержанное Советским союзом, о заключении международной конвенции по борьбе с особого рода «импортным» терроризмом, посягающим на мирное сожительство народов.

Задача советских криминалистов заключается в том, чтобы, устранив механическую криминализацию политических отношений, мобилизовать уголовный закон на помощь делу мира в тех реальных и конкретных формах, в которых эта помощь осуществима. Необходимо учесть, что самое движение вокруг проведения законов в защиту мира способно стать мощным орудием мобилизации масс против общего врага — войны и фашизма.

По докладу т. Трайнина открылись оживленные прения, в которых выступали т.т. Булатов, Маньковский, Дурманов, Алексеев и др. Все товарищи отметили актуальность поставленной автором проблемы, подчеркнув, что автор проделал большую работу по анализу имеющейся литературы по этому вопросу. Тем не менее выступавшие товарищи отмечали, что автору свой доклад придется еще в значительной мере доработать, чтобы сделать его монографическим исследованием. А. Н. Трайнин сосредоточил свое внимание главным образом на критике теорий буржуазных криминалистов международного уголовного права и очень мало остановился на самой разработке проблемы международного уголовного права.

Тов. Алексеев в своем выступлении указал на то обстоятельство, что тов. Трайнин, справедливо критикуя буржуазных теоретиков международного права, не подчеркнул того, что мы должны всячески использовать международное движение, которое группируется вокруг Лиги наций для борьбы против фашизма, в борьбе за мир, что мы должны мобилизовать общественное мнение вокруг этого вопроса.

Тов. Булатов в своем выступлении отметил, что на общем фоне совершенно правильной критики, которой автор подвергает теории буржуазных криминалистов, у автора нет конкретных предложений. Между тем как раз на этом автор должен был главным образом сосредоточить свое внимание. В докладе, — сказал тов. Булатов,—нет точного разграничения понятия государства, как субъекта преступлений, и понятия физических лиц — руководителей государства, как субъекта преступлений. В то время как государство не может быть субъектом преступлений, его руководители — физические лица — могут быть ответственными за действия государства.

Тов. Маньковский в своем выступлении отметил, что достоинство доклада состоит в том, что затронутая проблема еще до сих пор никем не разрабатывалась; однако, тов. Маньковский указал, что докладчик не остановился на ряде вопросов международного уголовного права, которые для советских криминалистов имеют исключительное значение.

Соединенное заседание секций признало работу тов. Трайнина ценной и интересной и с исправлением отмеченных в прениях отдельных ее недостатков постановило рекомендовать работу тов. Трайнина для издания.

Работа А. Н. Трайнина включена в план издательства «Советское Законодательство».

Борьба с авариями на водном транспорте

25 мая с. г. в Институте уголовной политики был заслушан доклад тов. Мерэна Г. Я. «Борьба с авариями на водном транспорте в 1935 году».

В своем докладе тов. Мерэн отметил громадное значение транспорта, в частности водного в связи с огромным ростом социалистической промышленности и подъемом колхозного хозяйства. Поэтому к транспорту сейчас предъявляются колоссальные требования и к работникам транспорта — особо серьезного отношения к своей работе.

Водный транспорт,—говорит докладчик,—за 1935 год впервые досрочно выполнил план перевозок, что является результатом переустройства работы органов водного транспорта.

Один из слабых участков работы водного транспорта — это участок борьбы с авариями. Тов. Мерэн указывает, что в 1935 г. по сравнению с 1934 г. количество аварий по речному транспорту увеличилось на 34,2% и по морскому транспорту — на 46%.

Причинами аварий чаще всего являются нарушения трудовой дисциплины, неудовлетворительный ремонт и снабжение, неудовлетворительное состояние пути и стихийные бедствия. Процент привлеченных и осужденных по делам об авариях на водном транспорте составляет в I полугодии 21% привлеченных

16,8% осужденных. Во II полугодии процент снизился до 16,8 в отношении привлеченных и 14,1% в отношении осужденных. Отсев поступивших из прокуратуры дел в подготовительном и судебном заседаниях водно-транспортных судов в I полугодии имел в отношении 40,8% всего числа привлеченных.

Тов. Мерэн отмечает, что приведенные данные о росте аварий на речном и морском транспорте, количество привлеченных, дела которых впоследствии были прекращены, указывают на то, что органы водного транспорта и органы расследования и прокуратуры в деле борьбы с авариями на водном транспорте не сумели усвоить и осуществить в своей практической работе четких и ясных установок, изложенных в приказе Наркома водного транспорта тов. Пахомова от 16 июня 1935 г., а также тов. Кагановича от 19 марта 1935 г.

Недочетом работы органов расследования по аварийным делам кроме того является низкое качество предварительного расследования. Низкое качество и медленность темпов предварительного следствия объясняются слабым руководством со стороны водной прокуратуры в процессе самого расследования.

Докладчик приводит цифры результатов проверки дел об авариях водно-транспортных судов шести бассейнов в кассационном и надзорном порядке: всего оставлены в силе приговоры в отношении 70,6%, а всего отменены приговоры в отношении 29,4% из всего числа осужденных.

Во II полугодии процент отмены приговоров уменьшился с 16,2% до 13,8%, что указывает на улучшение работы судов в части правильного обоснованного предания суду по делам об авариях.

Тов. Мерэн отмечает следующие недостатки в работе водно-транспортных судов:

1. Отсутствие достаточной требовательности в работе органов предварительного расследования и вместе с тем ряд случаев преувеличенных требований к органам расследования.

2. Допущение ряда ошибок, а именно: были направлены для рассмотрения по существу в судебном заседании дела, подлежащие отсеву, отчего получился большой процент оправдательных приговоров.

Далее тов. Мерэн отмечает, что линия суда при разрешении дел об авариях является в основном правильной, но допущен был ряд недочетов: а) недостаточная ориентировка суда в конкретной обстановке и условиях, при которых произошла авария, вследствие недостаточных специфических знаний в технических вопросах водного транспорта;

б) медленность движения дел.

Кроме того недостаточно четкая и полная мотивировка выносимых приговоров нередко вела к ошибкам кассколлегий. Судебные процессы не использовали как самими судебно-прокурорскими работниками, так и общественными организациями для мобилизации внимания широких масс водников на изжитие подобных явлений. Наряду с разбором судебных дел об авариях и вынесение по этим делам приговоров водно-транспортная коллегия и суды сигнализировали хозруководству о выявленных в процессе разбора недочетах в системе хозорганов, способствующих аварийности. В заключение тов. Мерэн указывает, что четкая оперативная работа всех звеньев водного транспорта, применение всех общественных мер борьбы с авариями, поднятие трудовой дисциплины и укрепление революционной законности на водном транспорте, нанесение жестокого удара по классовым врагам и их агентуре и злостным аварийщикам являются гарантиями изжития аварий на водном транспорте.

В прениях по докладу тов. Мерэна высказались: главный прокурор водного транспорта тов. Миронов, тов. Маньковский и тов. Трайнин.

Тов. Миронов указал, что основным вопросом, который возникает из доклада тов. Мерэна, является вопрос об основных ошибках в расследовании аварий в 1935 и 1936 гг.

Ошибкой надо считать то, что к ответственности привлекаются работники водного транспорта без начальника пароходства, в результате чего получается распыление репрессии.

Расследование аварий на водном транспорте отлично от транспорта железнодорожного. На водном транспорте есть специальные работники (инспекция, суднадзор), которые выезжают расследовать на места. Это расследование требует серьезных технических знаний.

Между тем как работники инспекции суднадзора тянут расследование месяц, два, затем собирают материал по десяткам аварийных дел, держат их долгое время, отчего рассмотрение бывает пачками, не так внимательно, так как самая авария забывается и судебная репрессия утрачивает свое значение.

Эта волокита происходит и со стороны хозяйственного аппарата пароходства. К недостаткам надо отнести низкую квалификацию следственного аппарата бассейнов.

Далее тов. Миронов остановился на трудовой дисциплине. Главным фактором, разлагающим дисциплину на водном транспорте, является пьянство, а поэтому репрессия в этих случаях должна быть эффективной. Ошибкой надо считать также и то, что надзор за дисциплинарным уставом практически не выполняется.

Необходимо повысить ответственность начальников пароходств, так как некоторые начальники покрываются регистром. Если начальник судна говорит, что можно ехать, а регистр — нельзя, то вопросы должны всегда разрешаться в наркомате.

Необходимо также, чтобы печать водного транспорта отражала процессы об авариях, так как до сих пор этого не делалось.

В заключение тов. Миронов говорит, что институт может оказать большую помощь в практической работе судебным работникам водного транспорта методическими указаниями в составлении методических и инструктивных писем, а также в составлении юрминимума и проверки знаний.

Тов. Трайнин говорит, что институт может оказать помощь, удовлетворив книжный голод, а также в смысле методических писем, где были бы изложены основные положения и специфические черты работы водного транспорта.

Тов. Маньковский в своем выступлении подчеркивает большое политическое значение обсуждения вопроса об авариях на водном транспорте.

— В докладе отмечены крупнейшие недостатки в работе судебных работников водного транспорта, в работе кассинстанций, а потому надо серьезно заняться повышением правовой подготовки судебных работников водного транспорта. Тов. Маньковский предлагает сейчас же поставить вопрос о повышенной сту-

пени юрминимума для руководящих работников областей и центральных аппаратов.

Далее, вопрос о практике дисциплинарной ответственности. Надо разграничить дисциплинарную и уголовную ответственость, и необходимо изучение практики применения дисциплинарной ответственности.

Установление предела уголовной ответственности и дисциплинарной имеет большое принципиальное значение.

В результате прений было принято постановление о разработке инструктивного письма о судебной политике по борьбе с авариями на водном транспорте и о технике расследования преступлений и поставить вопрос перед директоратом института об оказании содействия в повышении уровня юридической подготовки работников транспортной коллегии Верхсуда, а также приступить к разработке повышенного юрминимума.

По криминалистическим журналам

Расследование убийств.

В полицейских управлениях большинства крупных центров Америки организованы для расследования убийств особые отряды. Сотрудники этих отрядов должны быть готовы любой час дня и ночи отправиться на место преступления с фотографом, дактилоскопистом, стенографистом и специальным «агентом по следам на место преступления и замкам». Этот агент должен обладать специальной подготовкой.

Выступая на место преступления, отряд должен захватить с собой ящик с набором необходимых для раскрытия убийств инструментов и средств, и портативный, сильный прожектор, чтобы иметь возможность осветить в нужную минуту темный подвал, ведущую в подвал лестницу или иное темное и более или менее обширное пространство. При подозрении на отравление к отряду прикомандировывается врач-эксперт или его ассистент со специалистом по исследованию ядов.

Авторы подчеркивают, что при осмотре места совершения убийства надо обращать внимание не только на пальцевые отпечатки, следы ног и тому подобные следы преступления, но и на все остальные предметы, находящиеся там. Иногда то, что кажется неважным, впоследствии проливает свет на дело. Оставленный на месте преступления кусок подгорелого хлеба однажды послужил к выяснению личности убийцы. Этот кусок был замечен агентом розыска и показан в соседней булочной, продавец которой припомнил, что он дал кусок этого хлеба проходившему бродяге, причем описал этого бродягу; очертания подгорелого куска подходили к остатку хлеба, еще сохранившемуся в булочной. Описание бродяги дало возможность разыскать преступника. В другом случае, имевшем место в Норвегии, на месте преступления не было обнаружено никаких улик, но следователь тщательно обыскал прилегающую территорию, нашел клочок печатной бумаги, оказавшейся, по исследованию, выданной из тюрьмы и давшей возможность выяснить, кто именно в этот день был выпущен из тюрьмы. Это обстоятельство привело к обнаружению виновного. В третьем случае, имевшем место в Германии, на месте убийства была найдена брошенная преступником одежда. В тщательно обысканных карманах платья оказались крошки табака, белого хлеба, пластинки рыбьей чешуи и две фосфорные спички с голубыми головками. Спички с голубыми головками были в данной местности редки. По этому признаку полиция сумела через два дня найти убийцу. Внимательный осмотр места преступления — первое правило, которое должен соблюдать всякий, ведущий расследование убийства.

Указать все действия, которые надо совершать при расследовании отдельных убийств, конечно, заранее нельзя, так как обстоятельства, при которых совершается преступление, очень разнообразны, и работник расследования должен приспособляться к их особенностям.

С этой оговоркой авторы дают следующий схематический план расследования убийств.

По прибытии на место происшествия необходимо:

если виновный известен и имеется налицо, сейчас же арестовать его; зафиксировать время своего прибытия. Прекратить доступ посторонних лиц на место преступления; задержать для допроса всех, кого он застал там; предотвратить всякое прикосновение к телу убитого и обстановке на месте преступления, до прибытия врача-эксперта, коронера и отряда уголовного розыска по расследованию убийств; установить личность убитого; записать имена, фамилии и адреса присутствующих лиц, могущих установить фамилии виновного или виновных или дать детальное описание событий, непосредственно связанных с преступлением; очистить место преступления и непосредственно примыкающую к нему зону от всех посторонних, кроме задержанных, лиц; разместить оставленных свидетелей так, чтобы предотвратить их личное общение.

По прибытии отряда по расследованию убийств необходимо приступить к осмотру трупа. Надлежит зафиксировать, в каком состоянии был найден последний и подробно описать одежду и следы на ней.

Сделав необходимые зарисовки и сфотографировав труп и следы на одежде, можно позволить двигать тело и изменить его положение.

Если до прибытия отряда, расследующего убийство, что-либо было изменено, первоначальное положение должно быть восстановлено по показаниям свидетелей. Должна быть отмечена погода в момент обнаружения преступления и в момент прибытия отряда, расследующего убийство (дождь, снег, мороз, оттепель, прозрачность воздуха, туман, направление и сила ветра). В закрытых помещениях должен быть произведен осмотр дверей, окон, запоров и т. д. для выяснения, какие двери и окна были открыты, заперты и приводились в движение. При осмотре места преступления надо разыскать орудие преступления, выстрелянные гильзы, следы крови, отпечатки пальцев, следы ног, инструментов, волосы, куски одежды, пуговицы и разные другие следы. Найдя их, надо выяснить, принадлежат ли они убитому, убийце или третьим лицам.

Надо осмотреть прилегающую местность, отметить характер растительности, почвы, имеющиеся там следы.

Надо составить чертеж места происшествия и сфотографировать его. По окончании осмотра лицо, руководящее расследованием, должно произвети полное и детальное описание всего обнаруженного им.

Если убийца неизвестен, надлежит собрать все сведения, могущие привести к его обнаружению. Важным вопросом является установление вероятного мотива убийства. В случаях воровства наглядные указания о личности преступника иногда дает самый характер похищенных предметов.

Выяснению личности убийцы способствует изучение круга знакомств убитого, его друзей и врагов и собирание сведений о посещавшихся им местах и его привычках. Необходимо обратить внимание на его переписку, дневники, прочитать записанные им телефоны, найденные у него фотографии и др.

В случаях отравления важно найти и изъять всякие остатки яда, подозрительную посуду, экскременты и рвоту убитого.

Затем авторы указывают на необходимость тщательного хранения с места преступления для отправки соответствующим экспертам вещественных доказательств и заботливой их упаковки для предохранения от всякого изменения.

Из отдельных вопросов авторы подробно останавливаются на признаках, по которым в сомнительных случаях можно решить, имело ли место в данном случае убийство или самоубийство. При огнестрельных ранениях важное значение имеет дистанция выстрела. По мнению авторов самоубийца обычно старается направить дуло оружия прямо против кожи или прижимать его вплотную к ней. При выстрелах в упор волосы, окружающие отверстие раны, бывают опалены, кожа в окружности раны обожжена, почему и приобретает красновато- или серовато-коричневый цвет, в кожу вокруг раны внедряются несгоревшие порошинки. Если выстрел сделан с расстояния менее 8 дюймов, на коже образуется слой копоти, который особенно заметен, когда выстрел был сделан черным порохом, и менее заметен, при употреблении стрелявшим бездымного пороха.

Необходимо, впрочем, помнить, что выстрелы в упор могли быть, в зависимости от обстоятельств дела, сделаны и убийцей.

Коренное значение имеют вид ран и их направление. Самоубийца обыкновенно старается нанести себе повреждение в такое место, на которое ему удобно действовать; в этом отношении надо учитывать, не был ли убитый левшой. Нередко внешний вид и характер порезов на руках указывают на насильственные действия. Часто уже самая многочисленность ран достаточно ясно намечает на убийство. Большое значение имеет наличность иных следов насилия на теле убитого.

В случаях, когда приходится расследовать повешение и выяснять, имелось ли в данном случае самоубийство или симуляция самоубийства для сокрытия убийства, надо иметь в виду, что внешние следы на теле от повешения в обоих случаях могут быть совершенно одинаковы и никаких различий часто уловить нельзя ни путем вскрытия, ни путем микроскопического исследования. В этих случаях приходится основывать заключение на всей совокупности обстоятельств, сопровождавших данное происшествие, в частности, внимательно рассмотреть, нет ли на теле признаков насилия, обратить внимание на стул, табурет и т. п., с которого, повидимому, спрыгнул повесившийся, и посмотреть на их положение, есть ли на них следы его ног и т. п. В тех случаях, когда человек повешен на веревке, которая перекинута через сук или какую-либо перекладину и т. п., важно обратить внимание на положение волокон веревки и отправить последнюю к специалисту-эксперту на исследование, тщательно уложив ее таким образом, чтобы предотвратить ее трение обо что-либо и вообще какое-либо изменение. Когда человек вешается на веревке, конец которой неподвижно укреплен, и тело скользит вниз, волокна веревки направлены вниз. Если же повешен мертвый человек, представляющий более или менее значительную тяжесть, и его поднимали вверх на веревке, переброшенной через какой-либо блок, то в той части веревки, которая находилась по ту сторону блока и за которую тянули, волокна поднимаются вверх. Это обстоятельство может служить важным диагностическим признаком.

При дифференциации убийств, или самоубийств постоянно надо обращать внимание на отпечатки пальцев, следы ног и другие следы, которые могут указать на присутствие посторонних лиц на месте обнаружения трупа.

Большое внимание авторы уделяют осмотру дверей. Часто думают, что если все двери и окна заперты изнутри и не видно каких-либо отверстий, через которые мог проникнуть преступник, то надо признать самоубийство. Это не всегда верно. Существует ряд способов, при помощи которых можно, например, вложив в кольцо ключа соответствующий кусочек дерева с привязанной к нему веревочкой или проволокой, и протянув ее, повернуть снаружи в ключ. Можно также повернуть вложенный в замок ключ снаружи посредством особых тонких полукруглых щипцов. Поэтому запертая дверь не решает еще вопроса о самоубийстве. При расследовании загадочных убийств двери должны быть внимательно осмотрены. В случае подозрения на то, что виновный мог пользоваться щипцами, необходимо внимательно осмотреть ключ, на котором могут оказаться следы зажима ими.

(Гарри Ведерман и Джон О'коннель. Нью-Йорк, Лондон, 1936 г., стр. 251—297.)

Официальный отдел

ОБ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСПЕКТОРАХ ПО ОХРАНЕ ТРУДА

В соответствии с постановлением СНК Союза от 30 июня 1931 г. (СЗ № 42, ст. 289) для борьбы с нарушениями трудового законодательства и улучшения условий труда организован институт общественных инспекторов по охране труда.

По сообщению ЦК Союза рабочих молочно-мясных совхозов центральных и южных областей, со стороны отдельных руководителей совхозов имеет место преследование общественных инспекторов включительно до увольнения их с работы без согласия на то вышестоящих районных инспекторов труда. Так, например, в совхозе «Большевик» (Ивановская область) зав. столовой Зыков выгнал из столовой общественного инспектора Прищепова; в совхозе «Горняк» (Азово-Черноморский край) директор совхоза Кондратьев запретил общественному инспектору т. Лодзан составлять акт о нарушении правил по охране труда в совхозах; в совхозе «Скеля» (Донецкая область) общественный инспектор Казанчук подвергался гонению и был снят с работы общественного инспектора по охране труда совхоза за настойчивость по борьбе с нарушениями трудового законодательства.

Подобного рода факты недопустимого отношения к общественным инспекторам не всегда находят должный отпор со стороны органов прокуратуры. Сообщая вам об этом, предлагаю все случаи преследования общественных инспекторов по охране труда на почве их общественной деятельности тщательно расследовать и виновных привлекать к строгой уголовной ответственности.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский.**

31 мая 1936 г.
№ 35/9.

О ПРОВЕРКЕ ПАЕВЫХ МАРОК

По постановлению президиума Центросоюза СССР в настоящее время во всех звеньях кооперативной системы производится проверка состояния паевых марок в целях выявления хищений и растрат.

Прокуратура Союза поручает вам немедленно связаться с комиссиями, производящими проверку марок, в целях получения от них материалов, устанавливающих наличие злоупотреблений в марочном хозяйстве, и возбуждения уголовного преследования против лиц, виновных в этих злоупотреблениях.

Расследование дел о хищениях и растратах паевых марок надлежит производить в самом срочном порядке и брать их под наблюдение соответствующих краевых и областных прокуратур.

Зам. прокурора Союза ССР **Г. Леплевский.**

3 июня 1936 г.
№ 36/8.

О ЗАДАЧАХ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В УБОРОЧНУЮ КАМПАНИЮ

Постановление пленума ЦК ВКП(б), состоявшегося 1—4 июня с. г., «Об уборке урожая и сельскохозяйственных заготовках» ставит перед прокуратурой ряд в высокой степени важных задач, требующих от органов прокуратуры самых ответственных и оперативных мероприятий.

Постановление июньского пленума ЦК ВКП(б) подчеркнуло, что «главное и решающее условие обеспечения высокого урожая заключается теперь в том, чтобы, ломая сопротивление отдельных работников делу прочного внедрения механизации во все области сельскохозяйственного производства, сделать опыт и достижения передовых людей социалистического земледелия, овладевших машиной и техникой обработки и уборки, достоянием всей массы работников колхозов, совхозов и МТС».

Вместе с тем пленум ЦК ВКП(б) предупредил советские и партийные организации «о необходимости решительного преодоления настроений самоуспокоенности, увлечения достигнутыми успехами и притупления внимания к подрывной деятельности остатков разбитого классового врага», указав, что наряду с борьбой за высокий урожай... «выполнение полностью и в срок обязательств перед государством по сдаче сельскохозяйственных продуктов должно стать в центре внимания всех партийных и советских организаций и обеспечить в 1936 г. обилие продуктов сельского хозяйства и новый подъем зажиточности колхозников».

В соответствии с этим постановлением пленума ЦК ВКП(б) органы прокуратуры должны развернуть энергичную, широкую оперативную работу, руководствуясь следующим:

1. Задачи органов прокуратуры должны заключаться главным образом в решительной, быстрой и последовательной борьбе со всякого рода преступлениями, мешающими успешному проведению уборки урожая и сельскохозяйственных заготовок.

Эти задачи могут быть органами прокуратуры успешно разрешены лишь на основе широкой систематической и постоянной связи со своим активом, путем быстрого и немедленного использования всякого рода сигналов и сообщений о различных преступлениях и точного осведомления о положении дела на любом участке работ по уборке и с.-х. заготовкам.

2. Органы прокуратуры должны иметь в виду, что каждое возбужденное ими уголовное дело будет иметь свое общественно-полезное значение лишь при наличии таких условий, как своевременное вскрытие того или иного преступления, быстрое и исчерпывающее его расследование, своевременное направление дела в суд и рассмотрение его в гласном суде при надлежащей мобилизации общественного внимания.

3. При проведении уборки и с.-х. заготовок органы прокуратуры основное свое внимание должны главнейшим образом сосредоточить:

а) на преступлениях, связанных с различного рода проявлениями антигосударственных тенденций и нарушением государственной дисциплины и прямых указаний партии и правительства по использованию с.-х. машин и в первую очередь комбайна;

б) на преступлениях, связанных с нарушением правильного обмолота зерна и в частности с использованием зерна с семенных участков на какие бы то ни было нужды, кроме семенных (п. 8 раздела 1 пост. пленума);

в) на преступлениях, связанных с нарушением указаний партии и правительства по организации тщательной приемки качества убранных полей, строжайшего учета и охраны урожая от расхищения (п. 10 раздела 1 пост. пленума);

4. Пленум ЦК ВКП(б) подчеркнул, что «выполнение обязательств по сдаче зерна государству является первоочередной обязанностью каждого колхоза и каждого единоличного хозяйства и должно быть произведено из первых обмолотов».

Пленум ЦК ВКП(б) запретил образование «в колхозах каких-либо иных фондов, кроме семенных, из обмолота семенных участков, до выполнения полностью обязательств сдачи зерна, подсолнуха и риса государству по поставкам, возврата ссуд и по натуроплате работ МТС».

Невыполнение обязательств по сдаче зерна государству должно влечь за собой со стороны органов прокуратуры привлечение виновных к дисциплинарной или административной ответственности, а в случаях злостного нарушения этих обязательств — к судебной ответственности по ст. 109 УК РСФСР (должностных лиц) и ст. 61 УК РСФСР (единоличников) и соответствующим статьям УК других союзных республик.

Обращаю внимание органов прокуратуры на то, что в п. 3 раздела 2 постановлений пленума ЦК ВКП(б) содержится специальное предупреждение директоров и начальников политотделов совхозов об их особой ответственности за выполнение установленных для них планов сдачи государству зерна.

5. В соответствии с пп. 6 и 17 раздела 2 постановлений пленума ЦК ВКП(б) о прекращении колхозной и индивидуально-крестьянской торговли хлебом и подсолнухами, а также и картофелем, обязать органы прокуратуры решительно привлекать к ответственности нарушителей этого постановления, применяя к спекулянтам ст. 107 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик.

6. Пункт 11 раздела 2 постановлений пленума устанавливает, что «первоочередной обязанностью каждого колхоза, колхозника и единоличника является выполнение имеющего силу закона контрактационного договора по сдаче государству льна, пеньки и семян полностью в размерах и в сроки, установленные контрактационным договором».

Предлагаю во всех случаях нарушения этого закона привлекать виновных к ответственности в пределах и порядке, установленных постановлением ЦИК и СНК СССР от 21 сентября 1935 г. (СЗ 1935 г., № 51, ст. 432).

7. Органы прокуратуры должны развернуть энергичную борьбу также с преступлениями, связанными с выполнением п. 7 раздела 2 постановлений пленума ЦК ВКП(б), в частности с нарушениями требований в области отпуска хлопкосдатчикам в соответствии с контрактационными договорами масла, жмыха и ваты — линтера.

8. Имея в виду значение правильной организации приемки, хранения и перевозки всякого рода с.-х. продуктов, а также то обстоятельство, что именно здесь чаще всего имеют место халатность, разгильдяйство и различные злоупотребления со стороны отдельных должностных лиц, а также прямые хищения и растраты, предлагаю соответствующим прокурорам усилить борьбу с этими преступлениями.

9. Имея в виду наблюдавшиеся при проведении в прошлые годы уборочных кампаний случаи расхищения личного домашнего имущества колхозников и трудящихся-единоличников, находящихся на полевых работах, предлагаю органам прокуратуры принять решительные и энергичные меры к борьбе с преступлениями этого рода.

10. Органы прокуратуры должны помнить, что, несмотря на блестящие успехи социалистического строительства в деревне, во время уборки и с.-х. заготовок будут неизбежно повторяться попытки остатков разбитого кулачества, хулиганов, дезорганизаторов, бюрократов и прочих разложившихся элементов противодействовать развертыванию стахановского движения в деревне.

Этим попыткам, в чем бы они ни выражались, в прямых ли нападениях на стахановцев — передовиков социалистических полей — или в иных преступлениях, направленных против их личности и достоинства, органы прокуратуры должны оказывать беспощадный отпор.

Напоминая о громадной ответственности органов прокуратуры за своевременное и правильное привлечение действительных преступников к уголовной ответственности, я требую умелого сочетания мер беспощадного разгрома остатков классового врага и его агентуры с осторожным и внимательным применением мер уголовного преследования, исключающим привлечение трудящихся к уголовной ответственности «по совершенно пустяковым основаниям» (пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 декабря 1935 г.).

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский.**

7 июня 1936 г.

№ 38/9.

СВОДКА

важнейших постановлений правительства Союза ССР за май 1936 г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Государство и управление

1. Об изменении структуры Государственной плановой комиссии Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 27 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 22, ст. 196).

2. О реорганизации отдела капитального строительства Народного комиссариата водного транспорта в Центральное строительное управление — пост. СНК СССР от 1 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 22, ст. 212).

3. Положение о районных уполномоченных Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК Союза ССР — пост. СНК СССР от 29 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 23, ст. 215).

4. Об отмене постановления ЦИК Союза ССР от 17 февраля 1936 г. «О проведении конкурсов-соревнований советов в 1936 г.» — пост. ЦИК СССР от 29 мая 1936 г. (СЗ 1936 г. № 20, ст. 178).

2. Военное и морское дело

5. О снятии с казачества ограничений по службе в РККА — пост. ЦИК СССР от 20 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 22, ст. 198).

3. Просвещение

6. О порядке введения персональных званий для учителей и назначения учителей, заведующих и директоров школ — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 19, ст. 164).

7. О порядке назначения, перевода и увольнения заведующих районными, окружными и городскими отделами народного образования — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 19, ст. 165).

8. О школьном строительстве в 1936 году — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 1 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 19, ст. 166).

9. О персональных званиях для учителей начальных и средних школ — пост. ЦИК и СНК СССР от 10 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 19, ст. 167).

10. О порядке выплаты заработной платы учителям — пост. СНК СССР от 10 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 19, ст. 168).

11. О ликвидации Всесоюзного общества прочальных и средних школ — пост. ЦИК и СНК СССР от 10 апреля 1936 г. СЗ 2936 г. ст. 187).

12. О передаче в ведение Народного комиссариата путей сообщения начальных, неполных средних и средних школ, обслуживающих детей железнодорожников — пост. ЦИК и СНК СССР от 26 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 22, ст. 197).

4. Здравоохранение

13. О регистрации медицинских работников — пост. СНК СССР от 10 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 22, ст. 204).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Планирование и учет

14. О всесоюзной переписи населения 1937 года — пост. СНК СССР от 28 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 25, ст. 237).

15. Инструкция Центрального управления народнохозяйственного учета Госплана Союза ССР по заполнению переписного листа всесоюзной переписи населения 1937 года — утв. СНК СССР от 28 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 25, ст. 238).

16. О проведении летнего учета хозяйств и скота — пост. СНК СССР от 20 мая 1936 г. (СЗ 1936 г. № 24, ст. 230).

2. Промышленность

17. О фонде директора предприятия за счет прибылей — пост. ЦИК и СНК СССР от 19 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 20, ст. 169).

18. О фонде директора в предприятиях, в которых государственным планом не предусмотрена прибыль — пост. ЦИК и СНК СССР от 19 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 20, ст. 170).

19. Об изменении постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 1 июня 1935 г. «Об укреплении материальной и финансовой базы местной промышленности» — пост. ЦИК и СНК СССР от 19 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 20, ст. 171).

20. Об изменении постановления СНК Союза ССР от 19 сентября 1935 г. «О затратах по строительству, производимому вне планов капитальных работ» — пост. СНК СССР от 19 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 20, ст. 181).

21. О создании в системе Народного комиссариата лесной промышленности сети подрядно-строительных и проектных организаций — пост. СНК СССР от 19 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 21, ст. 192).

3. Земля и сельское хозяйство

22. О плане развития цитрусового хозяйства на 1936—1940 гг. по ССР Грузии — пост. СНК СССР от 1 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 21, ст. 189).

23. О коноплеводстве — пост. СНК СССР от 29 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 24, ст. 229).

4. Связь

24. О таксах на международные почтовые отправления — пост. СНК СССР от 25 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 22, ст. 206).

III. ФИНАНСЫ

25. О ставках налога с оборота на продукцию тяжелой и лесной промышленности — пост. СНК СССР от 11 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 20, ст. 183).

26. О порядке кредитования и бюджетного финансирования животноводческих совхозов — пост. СТО от 17 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 21, ст. 195).

27. О внутриведомственном финансовом контроле и документальной ревизии учреждений, предприятий, хозяйственных организаций и

строительств — пост. СНК СССР от 15 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 22, ст. 202).

28. О специальном сборе с грузов в Москве и Ленинграде — пост. СНК СССР от 21 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 22, ст. 205).

29. О ставках налога с оборота на нефтепродукты — пост. СНК СССР от 15 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 22, ст. 210).

30. О порядке расчетов по долгосрочным ссудам, выданным бывшим организациям потребительской кооперации, перешедшим в систему Народного комиссариата внутренней торговли Союза ССР — пост. СНК СССР от 25 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 22, ст. 211).

31. Об установлении процентных отчислений от налога с оборота в бюджеты союзных республик на 1936 год — пост. СНК СССР от 21 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 23, ст. 216).

32. О прописочном и курортном сборах — пост. ЦИК и СНК СССР от 7 мая 1936 г. (СЗ 1936 г. № 24, ст. 221).

33. Об отмене постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 24 декабря 1927 г. «О порядке исполнения единого государственного бюджета Союза ССР на территории Дальне-Восточного края» — пост. ЦИК и СНК СССР от 9 мая 1936 г. (СЗ 1936 г. № 25, ст. 235).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

34. О заготовке овощей по государственному плану в 1936 году — пост. СНК СССР от 21 марта 1936 г. (СЗ 1936 г. № 20, ст. 180).

35. Об усилении заготовительной работы сельских потребительских обществ и сокращении низового заготовительного аппарата государственных заготовителей—пост. СНК СССР от 9 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 21, ст. 190).

36. Об организации в системе Народного комиссариата внутренней торговли Союза ССР государственной конторы по торговле в портах «Союзпортторг» — пост. СНК СССР от 5 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 21, ст. 194).

37. Об обязательной поставке шерсти государству в 1936 г. — пост. СНК СССР от 19 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 22, ст. 203).

38. О контрактации семян кормовых трав урожая 1936 года — пост. СНК СССР от 10 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 22, ст. 207).

39. Об изменении порядка оплаты рыбакколхозам сверх плановой сдачи рыбы — пост. СНК СССР от 28 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 22, ст. 208).

40. О дополнении инструкций о порядке проведения обязательных поставок молока и мяса — пост. СНК СССР от 27 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 22, ст. 209).

41. О государственных конторах по торговому посредничеству — пост. СНК СССР от 4 мая 1936 г. (СЗ 1936 г. № 24, ст. 231).

V. КОММУНАЛЬНОЕ И ЖИЛИЩНОЕ ХОЗЯЙСТВО

42. О строительстве второй очереди Московского метрополитена — пост. СНК СССР от 10 марта 1936 г. (СЗ 1936 г. № 20, ст. 179).

43. О ставках квартирной платы для военнослужащих кадрового командного и начальствующего состава, кадрового младшего командного и начальствующего состава сверхсрочной службы и кадрового рядового состава сверхсрочной службы Рабоче-крестьянской красной армии, пограничной и внутренней охраны Народного комиссариата внутренних дел Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 17 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 21, ст. 186).

44. Об арендной плате за помещения, занимаемые предприятиями общественного питания — пост. СТО от 13 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 23, ст. 219).

VI. ТРУД И СОЦСТРАХОВАНИЕ

45. О повышении заработной платы учителям и другим школьным работникам — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 9 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 19, ст. 163).

VII. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

46. О передаче всех водных транспортных судов и всей водной транспортной прокуратуры в непосредственное подчинение Верховного суда Союза ССР и Прокуратуры Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1936 г. (СЗ № 18, ст. 150).

47. Об изменении «Положения о Морской арбитражной комиссии при Всесоюзной торговой палате» — пост. ЦИК и СНК СССР от 7 мая 1936 г. (СЗ 1936 г. № 24, ст. 222).

VIII. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

48. Об утверждении «Общего положения об орденах Союза ССР» в новой редакции — пост. ЦИК и СНК СССР от 7 мая 1936 г. (СЗ 1936 г. № 24, ст. 220-а).

49. Общее положение об орденах Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 7 мая 1936 г. (СЗ 1936 г. № 24, ст. 220-б).

50. Об установлении ордена «Знак почета»— пост. ЦИК СССР от 25 ноября 1935 г. (СЗ 1936 г. № 24, ст. 223).

51. О прекращении с 1 сентября 1936 г. по 15 января 1937 г. производства изменений в административно-территориальном делении — пост. ЦИК и СНК СССР от 28 апреля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 25, ст. 234).

ИЗДАТЕЛЬ: Государственное издательство «Советское законодательство»

Отв. редактор А. Я. ВЫШИНСКИЙ
Редколлегия: В. П. Антонов-Саратовский, Я. Н. Брандэнбургский, Г. М. Лепневский

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 25/VI 1936 г. Сдано в производство 28/VI—4/VII 1936 г.
Подписано к печати 27/VII 1936 г. 7 п. л.; 18,5 авт. листа. В одном бум. листе 231000 печ. знаков
Формат бум. 72×110/16 С—04 п.; № 352. Технический редактор И. Барков
Уполном. Главлита Б—24561 Заказ № 720. Тираж 17 000
15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», М. Дмитровка, 18

ИЗВЕЩЕНИЕ

На склад Главной конторы подписных и периодических изданий КОГИЗа поступают переплетенные комплекты Собрания законов Союза ССР, 1-й отд. за 1935 г. Цена комплекта в переплете 12 руб. Шлите свои заказы по адресу: Москва, Маросейка, 7, Главная контора подписных и периодических изданий КОГИЗа. В заказе просьба указать точно и разборчиво адрес и фамилию заказчика, если заказчик учреждение—полное его наименование.

Высылка заказанной литературы производится наложенным платежом.

Заказы начнут исполняться с 1-го августа.

ИЗВЕЩЕНИЕ

На складе Главной конторы подписных и периодических изданий КОГИЗа имеются номера ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ и КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ ГОСЛИТИЗДАТА за 1935 год.

Интернациональная литература —
Цена комплекта (с № 1—12) . . . . . 18 р. — к.
Цена отдельного номера . . . . . 1 » 50 »

Знамя — №№ 1, 2, 4, 6, 9, 10, 11, 12
Цена отдельного номера . . . . . 2 » — »

Октябрь — №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 9, 11 и 12
Цена отдельного номера . . . . . 2 » — »

Литературный критик — №№ 1, 2. 3, 4, 5, 6, 8, 9 и 12
Цена отдельного номера . . . . . 2 » — »

Наши достижения — №№ 1, 2, 5/6, 7, 8, 11
Цена отдельного номера . . . . . 1 » 25 »

Красная новь — №№ 3, 5, 6, 8, 10 и 12
Цена отдельного номера . . . . . 2 » — »

Звезда — №№ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 11
Цена отдельного номера . . . . . 2 » — »

Литературный современник — №№ 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 12
Цена отдельного номера . . . . . 2 » — »

Журналы высылаются по требованию наложенным платежом без задатка.

Заказы направлять по адресу: Москва, Маросейка, 7, Главной конторе подписных и периодических изданий КОГИЗа.

Цена 1 руб.

М5414

ОБЪЯВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 3497

Государственный союзный комбинат твердых сплавов

„ТВЕРДОСПЛАВ“

находящийся в ведении Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР.

Адрес: Москва, Полковая ул., 13.

35

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил государственной регистрации (Собр. Законов СССР 1931 г. ст. 99 и Бюлл. фин. и хоз. законодательств 1931 г. № 12) зарегестрирована в государственном реестре юридических лиц под № 333

Всесоюзная государственная контора показательных магазинов „гастроно и бакалея“

„СОЮЗПРОДМАГ“

находящаяся в ведении Наркомвнуторга СССР

Адрес: ул. Кирова, 47.

3

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегестрирована в государственном реестре юридических лиц под № 3384

Всесоюзная государственная контора по розничной торговле текстильно-швейными изделиями Наркомвнуторга СССР

„СОЮЗТЕКСТИЛЬШВЕЙТОРГ“

Адрес: Москва, Кузнецкий мост, 14.

37

Народным комиссариатом финансов СССР н основании положения и правил государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 9 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистриро вано в государственном реестре юридически лиц под № 3344

Управление по изысканиям и проекти рованию Волго-Донского соединения

„ВОЛГО-ДОН“

находящееся в ведении Центрального Строи тельного Управления Наркомвода СССР.

Адрес: Москва, ул. Горького, 48.

38

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрировано в государственном реестре юридических лиц под № 3439

КОНЦЕРТНОЕ БЮРО

Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР

Адрес: Москва, ул. Горького, 15.

39

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г. статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 3448

Государственный союзный трест по проектированию и монтажу установок по газификации топлива, а также установок по получению искусственного жидкого топлива и по переработке природных газов

„ГАЗМОНТАЖПРОЕКТ“

находящийся в ведении Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР.

Адрес: Москва, Шарикоподшипниинская, д. № 2.

40

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил государственной ретистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 3381.

ОПЫТНЫЙ ЗАВОД им. тов. М. А. ЧЕРНОВА

при Московском институте инженеров водного хозяйства

находящийся в ведении НКЗема СССР.

Адрес: Москва, Тимирязевская академия, Нижняя дорога 19а.

41